

**УДМУРТСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

На правах рукописи

Поздеев Игорь Леонидович

**Проблемы этнической социализации
(на примере удмуртского этноса)**

**Специальность: 07.00.07 – этнография, этнология,
антропология**

**Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

**Научный руководитель –
доктор исторических наук
профессор Г. А. Никитина**

Ижевск – 2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Исследовательские подходы к проблеме этнической социализации.....	18
§ 1. Историография проблемы.....	19
§ 2. Понятийно-категориальный аппарат.....	34
Глава II. Этническая социализация в традиционном удмуртском обществе.....	54
§ 1. Этнический идеал личности.....	56
§ 2. Субъекты и институты социализации.....	66
§ 3. Факторы социализации	82
Глава III. Этническая социализация в современном обществе.....	103
§ 1. Семья как институт этнической социализации.....	104
§ 2. Роль национальной системы образования в этнизации личности.....	119
§ 3. СМИ и проблема этнизации личности	134
§ 4. «Улица» как фактор социализации	144
Заключение.....	155
Список источников и литературы.....	162
Список информантов.....	177
Список сокращений.....	179
Приложение.....	180

Введение

В настоящее время ощутимо выросло число научных трудов, посвященных изучению процессов глобализации и её влияния на ход развития современного общества. Как показывают исследования, неотъемлемой чертой данных процессов является интенсивное преодоление мировым рынком и сопутствующими ему транснациональными информационными потоками национальных границ, благодаря чему, мир начинает приобретать зримые очертания того, что было названо известным канадским культурологом М. Маклуэном "глобальной деревней", и что выражается в усилении степени взаимозависимости в мировом пространстве за счет развития коммуникационных и транспортных технологий. Наблюдается тенденция к доминированию одного языка, одной культуры в многоязычном и многокультурном обществе. В таких условиях для относительно небольших народов одной из актуальных проблем становится самосохранение и воспроизводство. Вопросы сохранения этничности и воспроизводства этносов приобретают особую значимость и в связи с тем, что противодействие агрессивному воздействию внешней социальной среды может принимать различные формы, вплоть до проявлений экстремизма со стороны представителей данных народов. Требуется тщательное изучение основных путей и возможностей дальнейшего воспроизводства этничности в каждом новом поколении.

Никто, пожалуй, не сомневается в том, что будущее каждого этноса зависит от его молодежи. Именно она должна стать носителем этнической культуры и обеспечить дальнейшее воспроизводство групповой общности. В процессе этнической социализации индивид воспринимает культуру, ценности, стереотипы поведения этнокультурного окружения, в которое он включается с рождения. От того, насколько «отлажены» детали механизма этнической социализации, насколько эффективно справляются они с передачей этничности молодому поколению и отвечают вызовам времени, зависит, во-первых, сохранение и дальнейшее развитие этноса, во-вторых, эмоциональное

самочувствие каждого его представителя в отдельности. Вполне естественно, что уверенность членов этнической общности в завтрашнем дне, сопровождаемая положительными чувствами идентификации с этносом, – одно из необходимых условий для нормализации внутригрупповых и межнациональных отношений.

Но процесс этнической социализации, выступая в качестве одного из основных компонентов самовоспроизводства этноса, помимо всего прочего, является ещё и важнейшей составляющей в формировании личности. Казалось бы, сегодня, в условиях всеобщей унификации и стандартизации, когда нивелирование этнокультурных различий может даже возводиться в ранг государственной политики, этнический фактор должен стать неким анахронизмом, должным отмереть со временем. Однако этнические общности продолжают оставаться объективной реальностью нашего времени и заставляют считаться с собой. Человеку в течение своей жизни важно переживать ощущение принадлежности к какой-либо группе, общности, чувствовать свою причастность к определенным событиям, явлениям, ценностям. Только в таком случае индивид чувствует себя комфортно и устойчиво. Благодаря множеству нитей, связывающих его с социумом, он перестает быть «анонимным», приобретает социальную легитимность. Среди большого разнообразия социальных общностей, к которым может относить себя индивид в течение всей своей жизни, одной из наиболее значимых продолжает оставаться связь с этнической общностью. Чувство единения со своим народом, имеющим отличную от других историю, культуру, язык и менталитет, дает человеку положительное мироощущение, чувство стабильности и полноценности бытия. Это находит понимание и среди современных ученых. Один из ведущих отечественных этнологов М.Н. Губогло, рассуждая о проблемах современной молодежи, отметил: «Для того чтобы чувствовать себя уверенно в настоящем и строить будущее, необходимо опираться на культурный фундамент, возведенный в прошлом. Нужна высокая культура преемственности поколений, наполненная глубокой

традицией формирования и функционирования собственной идентичности» [Губогло, 2003: 210]. Именно в ходе этнической социализации происходит воспроизводство культурного пласта этноса и формируется чувство принадлежности к этнической группе.

Современная ситуация требует некоторой корректировки в подходах к процессу формирования этнической личности. Массовые миграции населения, быстрый рост городов, увеличение межнациональных контактов, наплыв унифицированной западной культуры размывают этнокультурную среду. Воспитать этническую личность становится все сложнее. Особенно остро это ощущают на себе малочисленные этносы, в том числе и удмурты. Исследователи отмечают тревожные факты ослабления этничности среди удмуртской молодежи, усиления процессов их аккультурации и языковой ассимиляции [Воронцов, 1998: 129]. В такой ситуации появляется острая необходимость более активного и целенаправленного вовлечения в процесс этнической социализации личности современных институтов социализации, например, национальных СМИ, учреждений образования, общественных организаций, специально созданных государственных учреждений, на которых лежит достаточно большая ответственность за сохранение национальных культур, языков, традиций, а также этнической идентичности на модернизированной основе.

Социализация личности в современных условиях во многом отличается от подобного процесса в доиндустриальном обществе. Однако, как справедливо заметил исследователь И.С. Кон, «уроки прошлого, если их как следует осмыслить, помогают глубже понять настоящее» [Кон, 1988: 243]. Многие традиционные факторы этнизации можно успешно использовать на современном этапе. Так, народный удмуртский праздник «Гербер», обладавший локальными особенностями, почти забытый за годы советской власти, в наше время не только возродился, но и превратился в яркий общественный праздник, став своего рода этноконсолидирующим символом этноса.

Выбор темы данного диссертационного исследования обусловлен следующими мотивами. Во-первых, проблема этнической социализации как одного из основных механизмов воспроизводства этноса и формирования личности как активного субъекта этнического бытия представляет собой большой научный интерес в общетеоретическом плане и на уровне конкретных историко-этнографических исследований отдельно взятых этносов. Во-вторых, вопросы этнической социализации в удмуртском обществе пока не становились предметом специального изучения, и это открывает широкое поле для монографического исследования указанной проблемы. В-третьих, у автора вызывает тревогу современное состояние и будущее удмуртского этноса: широкое распространение негативной идентификации, сильные ассимиляционные тенденции (особенно среди молодежи) оставляют, как кажется, мало места для оптимистических прогнозов.

Объектом исследования диссертационной работы является традиционное и современное удмуртское общество, прежде всего – молодежная среда. Именно в молодом возрасте происходит становление этнической личности, когда человек воспринимает этническую культуру, стереотипы поведения, представления об этническом составе общества. В этот период формируется основной признак этнофора – этническое самосознание.

Предмет исследования – этническая социализация в обществе. Рассматриваются особенности процесса этнической социализации, характерные для традиционного и современного обществ, выделяются основные общественные институты социализации, факторы, влияющие на данный процесс.

Выделение понятий «традиционное» и «современное» общество достаточно условно, но подобное разделение дает возможность проследить динамику развития процесса этнической социализации и провести сравнительный анализ. Следует отметить, что единой теории традиционного общества не существует. Все представления о нём базируются в основном на его понимании как о доиндустриальной стадии развития человечества. Данная

стадия характеризуется господством натурального хозяйства. Основной формой организации социальных отношений для подавляющего большинства населения является относительно замкнутая, изолированная община. Отсюда вытекает господство коллективистских социальных представлений, ориентированных на строгое соблюдение традиционных норм поведения и исключающих индивидуальную свободу личности, равно как и понимание ее ценности. Общество жестко стратифицировано, уровень социальной мобильности невысок. Главным регулятором общественной жизни выступают традиция, обычай, следование нормам жизни предшествующих поколений. Для обозначения данного общества используются также понятия как аграрное, крестьянское, преиндустриальное общество. Переход от традиционного к индустриальному обществу происходит в процессе модернизации [Традиционное общество].

По мнению исследователей-удмуртоведов, модернизационные процессы начали проникать во внутреннюю жизнь удмуртов примерно со второй половины XIX века, что связано было с модернизацией российского общества [Калинин, 2000: 70]. Именно в это время в удмуртском обществе начали проявляться черты капитализма. Однако традиционная бытовая культура была ещё живой, полновесно функционировала, хотя уже не покрывала исключительно всю современность [Никитина, 1995: 244]. И главное – не произошло кардинальных изменений в сознании удмуртов, а ведь именно это является одним из основных признаков модернизации общества. Таким образом, можно допустить, что на рубеже XIX–XX веков формируются лишь предпосылки модернизации удмуртского общества, оно лишь вошло в процесс перехода от традиционности к современности, в так называемый процесс «разволшебствления» мира [Калинин, 2000: 76]. И основная часть удмуртов в это время продолжала жить традиционным жизненным укладом.

Поэтому хронологические рамки исследования охватывают достаточно большой временной отрезок: с первой половины XVIII в. – времени появления многочисленных письменных этнографических сведений об удмуртах – и до

начала XXI в. При этом особое внимание заострено на особенностях этнической социализации в традиционном обществе, которое рассматривается в рамках первой половины XVIII – рубежа XIX–XX вв.: этот исторический период наиболее адекватно отражает последний, «аграрный», доиндустриальный этап развития традиционного общества как такового, а для анализа специфики этнической социализации в современных условиях выбраны временные рамки, охватывающие 1990–2000 гг. Советский период в диссертации рассматривается в той мере, в какой этнокультурные процессы и тенденции развития национального образования (как положительные, так и отрицательные) этого этапа истории Удмуртии повлияли на этническую социализацию в последующий временной отрезок, то есть рубеж XX–XXI века.

Территориальные границы исследования охватывают регион проживания основной массы удмуртского этноса, то есть Удмуртскую Республику. Материалы по другим ареалам расселения удмуртов используются в работе в основном в качестве дополнения.

Цель данной работы заключается в анализе проблемы этнической социализации как одного из механизмов воспроизводства удмуртского этноса.

Для достижения поставленной цели, необходимо решить следующие задачи:

- Рассмотреть теоретико-методологический аспект проблемы этнической социализации;
- Определить роль основных факторов и институтов, влияющих на процесс этнической социализации в традиционном удмуртском обществе;
- Выявить особенности этнической социализации на современном этапе развития удмуртского общества;

Исходя из поставленных задач, в исследовании были использованы методы, применяемые в различных гуманитарных научных дисциплинах. Основу методологической базы составляют общие, применяемые в отечественной исторической науке, методологические принципы – объективность, историзм, системность. Принцип объективности требует

взвешенного подхода при рассмотрении событий и фактов, учета совокупности всех исторических явлений, всестороннего анализа собранных материалов, относящихся к проблеме исследования. Принцип историзма предполагает хронологическую последовательность событий и явлений, установление связи каждого момента исторического процесса с его прошлым и будущим. Системный подход дает возможность комплексной характеристики проблемы этнической социализации как многогранной сложившейся исторически культурной, психологической системы.

Также был использован сравнительно-исторический метод, позволяющий выявить общее и особенное в процессе этнической социализации удмуртов на протяжении их исторического развития, сравнить с аналогичными процессами, происходящими у русских и татар на территории Удмуртии. Данный метод применялся в сочетании с методическими приемами этнологической науки – наблюдением (в том числе – включенным), экспедиционным опросом, методом «экспертных оценок».

Для анализа механизмов и каналов этнизации в современных условиях возникла необходимость прибегнуть к социологической методике – анкетным опросам. Так, было проведено социологическое исследование, в разработке и проведении которого помогли специалисты-социологи Комитета по делам семьи, женщин и детей при администрации г. Ижевска. В качестве объекта исследования выступили учащиеся 7–11 классов в возрасте 12–18 лет школ г. Глазова, г. Ижевска, г. Сарапула, сельских школ Глазовского и Игринского районов. Акцент на данном возрастном периоде обусловлен тем, что обычно к этому времени этническое самосознание уже достаточно четко осознается и выражается. Подростки соотносят себя с определенным этносом, у них формируются чувства, связанные с осознанием своей этнической принадлежности. Всего было опрошено 471 человек (55 человек – село, 416 – город). Доверительный интервал – 95%, ошибка выборки $\pm 5\%$.

Для данного социологического исследования такую выборку можно считать репрезентативной и достаточной, так как опрашивалась целевая группа

(только подростки определенного возраста 12–18 лет, а не все подряд, т. е. была поставлена конкретная цель). Все это позволяет считать информацию, полученную в ходе исследования, достоверной и валидной, так как контингент опрошенных отвечает заявленной теме (этническая социализация подростков). Кроме того, исследование носило разведывательный характер, так как подобные исследования не проводились, и не было возможности их с чем-то сравнить, и проблема статистической репрезентативности оказывается второстепенной, в сравнении с необходимостью обеспечить качественное представление объекта исследования.

Стратегия выборки: гнездовая (исследование школьных классов), бесповторная. Опрос проводился путем заполнения стандартной анкеты [см. Приложение]. Информация была систематизирована и статистически обработана на компьютере с помощью специальных программ.

В данном диссертационном исследовании автор опирался на теоретико-методологические разработки основателей культурно-исторической психологии Л.С. Выготского, А.Р. Лурии, А.Н. Леонтьева, ведущего представителя культурной психологии М. Коула, рассматривавших культуру как одну из важнейших составляющих человеческой психики [Выготский, Лурия, 1993; Коул, 1997]. Большое влияние на понимание процессов вхождения индивида в общественные группы и восприятия этнической культуры оказали научные разработки М. Херцковица [Herskovits, 1948], сторонников научной этнопсихологической школы А. Кардинера и М. Мид [см. подробно: Исследования национального характера, 2002; Мид, 1988]. Определить особенности психики ребенка на различных этапах онтогенеза позволили работы Э. Эриксона [Эриксон, 1996, 2000]. Опора на теоретико-методологические разработки отечественных специалистов в области этнологии и этнопедагогики Г.Н. Волкова и И.С. Кона позволили рассмотреть процесс этнической социализации, как на личностном, так и групповом уровне [Волков, 1974, 2000; Кон, 1988б].

В широкий научный оборот понятие «этническая социализация» вошло сравнительно недавно, но уже существует множество подходов к решению этого вопроса. Проблема этнической социализации в разнообразных аспектах рассматривается историками, этнологами, психологами, социологами, философами. Сложность и многогранность проблемы этнической социализации потребовала специального анализа теоретических подходов, сложившихся к настоящему времени в науках об обществе и человеке (см. главу I).

Источниковая база диссертационного исследования носит комплексный характер. Все виды источников можно подразделить на несколько групп.

Опубликованные работы исследователей удмуртского этноса начала XVIII и до конца XIX вв. В них содержится огромный информационный пласт по этнографии удмуртского народа. При анализе данных источников необходимо учитывать субъективное отношение авторов к удмуртскому народу и критично относиться к выводам в их трудах. В рамках исследуемой проблемы данная группа источников интересна, прежде всего, с точки зрения представленности в них информации о механизмах культурной трансмиссии в традиционном удмуртском обществе. В этой связи привлекали внимание путевые записки Г.Ф. Миллера [Миллер, 1896] и Д.Г. Мессершмидта [см. подробно: Напольских, 2001]. Это одни из первых достаточно подробных сведений о жизни и быте удмуртов. Записанные в первой половине XVIII в., они дали возможность в некоторой мере проследить изменения, произошедшие в удмуртском обществе на протяжении почти двух веков. Оба автора зафиксировали самоназвание «удмурт» как в южной, так и северной группах удмуртов, что позволяет говорить о них как о едином этносе. Помимо этого, Г.Ф. Миллер дал краткую характеристику взаимоотношений русских, удмуртов, марийцев и чувашей.

К концу XVIII в. количество работ об удмуртах существенно увеличилось. И.Г. Георги обобщил собранный к тому времени этнографический материал по удмуртам в своем труде «Описание всех обитающих в Российском государстве народов», в котором можно почерпнуть сведения о материальной

культуре и самобытных верованиях удмуртов [Георги, 1799]. Интересна также работа Н.П. Рычкова, в которой автор сравнивает удмуртов с марийцами, татарами и башкирами [Рычков, 1770-1772]. Подобные сравнительные характеристики дали возможность, во-первых, оценить характер взаимоотношений удмуртов с соседними народами, во-вторых, увидеть глазами исследователей особенности материальной и духовной культуры, присущие данным народам в рассматриваемый период.

Гораздо больший фактический материал о хозяйственной деятельности удмуртов, основных чертах характера, взаимоотношениях в общине и семье, воспитании детей мы узнаем из письменных источников XIX века. Одной из самых интересных в этом плане работ является труд Д. Островского «Вотяки Казанской губернии», в котором затронут широкий круг вопросов: происхождение удмуртов, этнонимы, история русской колонизации, он также оставил описание удмуртских деревень, подворий [Островский, 1873]. Многие позднейшие авторы ссылаются на это исследование. Кроме того, в работе содержится информация о взаимоотношениях удмуртов внутри семьи, в кругу родственников.

Традиционное поведение удмуртов в семье освещено и в сравнительно небольшом труде В. Кошурникова «Быт вотяков Сарапульского уезда, Вятской губернии» [Кошурников, 1880]. Исследователь отмечает необычайную миролюбивость удмуртов, стремление жить в согласии и мире с членами семьи и общины. По его замечанию, в удмуртской общине сильны традиции взаимовыручки, и если «попал вотяк в беду, вся деревня за него ходатайствует, не жалеет денег» [там же: 38]. Общественные отношения удмуртов находятся в центре внимания и у П.М. Богаевского [Богаевский, 1888]. В нашем случае весьма ценными оказались его заметки по этнической психологии, традициях воспитания детей, зарисовки о родовой структуре. Кроме того, работа содержит некоторые сведения о верованиях удмуртов: автором приведены варианты молитв-*куриськонов*, которые дают возможность воссоздать идеал человека, к которому стремились удмурты в процессе воспитательного воздействия на

детей. Наиболее полный анализ дохристианских верований ученый сделал в другой своей работе «Очерки религиозных представлений вотяков» [Богаевский, 1890]. Особый интерес представляют описания социальных институтов удмуртского общества – сохранившихся элементов племенной структуры, рассмотрение коллектива кровных родственников – *б́кляка*, феномена *воршуда*. Работа изобилует такими сведениями, которые позволяют оценить значение религиозного фактора в социализации подрастающего поколения. Так, П.М. Богаевский оставил описание обряда с участием детей [Богаевский, 1890, VII: 50], что свидетельствует о наличии в удмуртской общине специальных методов приобщения детей к религиозной жизни и восприятию культуры.

Пожалуй, самые полные и разносторонние сведения, посвященные удмуртам, можно встретить в работах первого удмуртского этнографа Г.Е. Верещагина [Верещагин, 1995, 1996, 2000]. Его труды до сих пор не утратили своей ценности как собрание богатейшего этнографического материала, и их переиздание Удмуртским институтом истории, языка и литературы УрО РАН – подтверждение заслуг Г.Е. Верещагина как ученого. Помимо описаний быта, религиозных представлений, обрядов, взаимоотношений в семье и общине, особый интерес представляют сведения исследователя по этнографии детства. Он рассматривал вопросы о представлениях удмуртов о жизненном цикле и его этапах, социализации детей, роли трудового воспитания, межпоколенных отношениях.

Процесс воспитания детей и приобщения их к жизни этноса помогают реконструировать работы Н.Г. Первухина [Первухин, 1888, 1889, 1890] и И.Н. Смирнова [Смирнов, 1890]. Информация, заключенная в этих работах, позволяет систематизировать основные факторы социализации (труд, игра, обряды), выявить их роль в жизни общества. А подробные описания обрядов, игр детей и взрослых, методов и способов воспитания, фольклорные материалы, приведенные в указанных источниках, дают возможность проследить механизм культурной трансмиссии. Выявление роли традиционной

религии как этноинтегрирующего фактора в удмуртском обществе возможно по материалам вятского историка П.Н. Луппова [Луппов 1899, 1927] по истории христианизации удмуртов и их религиозных верований.

В передаче коллективного опыта, прежде всего, была заинтересована община, так как от этого зависела степень её выживаемости. Удмуртская сельская территориальная община-*бускель* регламентировала практически все стороны жизни деревенского мира: от семейной сферы до отношений с властями. Строго контролировала она и процесс воспитания подрастающего поколения. Реконструировать данные аспекты жизнедеятельности удмуртской общины позволяют труды М. Харузина [Харузин, 1883] и С.К. Кузнецова [Кузнецов, 1904]. Авторы подчеркивают отличительные черты удмуртской общины, сравнивая её с русской, выявляют роль обрядовой сферы в мирской жизни.

Стоит также упомянуть работы исследователей Н. Тезякова [Тезяков, 1892], В. Харузиной [Харузина, 1898], И. Васильева [Васильев, 1902], К.Ф. Жакова [Жаков, 1903]. Их труды ценны тем, что дают развернутое для своего времени описание этнической психологии удмуртов, характера их взаимоотношений с татарами и русскими.

В кратком обзоре ранних источников автор попытался в общих чертах проанализировать наиболее значительные, на его взгляд, работы, в которых проблемы этнической социализации личности в традиционном удмуртском обществе затронуты относительно широко, и поэтому могут рассматриваться в качестве полноценного источника по исследуемой проблеме. Ряд других, не менее ценных публикаций дореволюционных исследователей остались за пределами внимания, как не содержащие конкретной информации по вопросам этнической социализации личности.

Кроме того, к данной группе источников относятся работы – В.Е. Владыкина, Т.Г. Владыкиной, Г.А. Никитиной, В.В. Пименова, Л.С. Христюловой, Г.К. Шкляева. Их труды использованы в качестве источников ровно в той мере, в какой они содержат конкретные образцы жанров

удмуртского фольклора (пословицы, поговорки, сказки, песни, молитвы-*куриськоны* и т. д.) и этнографические факты.

Осветить современную межэтническую, этноязыковую ситуацию в удмуртском обществе помогли также законодательные документы республиканских органов власти (Концепция государственной национальной политики Удмуртской Республики, Законы Удмуртской Республики «О народном образовании», «О государственных языках Удмуртской Республики и иных языках народов Удмуртской Республики»).

Отдельной группой источников выступают статистические данные Государственного комитета статистики УР и материалы проводившихся этносоциологических исследований, мониторингов общественного мнения. Благодаря им, получены сведения о демографических и социальных процессах, характерных для Удмуртии, их влиянии на межэтническую обстановку в регионе. Кроме того, в данную группу необходимо отнести и результаты социологического исследования, проведенного автором в 2004 году.

Материалы республиканской периодической печати также выделены в отдельную группу. Они содержат тексты официальных выступлений представителей органов государственной власти, доклады общественных деятелей, ученых на конференциях и иных научных, общественно-политических форумах, проблематика которых затрагивала вопросы политики, межэтнических отношений в Удмуртской Республике. Эти источники богаты как фактическим, так и аналитическим материалом, отражают видение этнических вопросов различными слоями общества и позволяют выявлять общественное мнение по важным вопросам национальной жизни республики. Наиболее полно и концентрированно данный источниковый материал одержится в многотомном труде «Феномен Удмуртии», где отражены экономические, общественно-политические и культурные процессы, протекающие в Удмуртской Республике в постсоветский период.

В самостоятельную группу источников выделены собственные материалы автора. К ним, прежде всего, необходимо отнести данные

этнографических экспедиций в Кезский район Удмуртии, Мари-Турекский район Республики Мари-Эл, Балтасинский и Кукморский районы Республики Татарстан. Собран материал об особенностях этнической социализации в сельской местности, а также в условиях иноэтничного окружения. Исследование жизни и быта удмуртов позволило выявить многие стороны изучаемого вопроса на современном этапе.

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что это первое комплексное исследование, посвященное проблемам этнической социализации в удмуртском обществе. Этническая социализация рассмотрена как естественный процесс самосохранения этнической общности, что связано с трансмиссией этнической культуры во времени. Данный подход позволил выделить основные институты этнической социализации молодежи, способы влияния общества на воспитательный процесс. Для создания более полной картины процесс этнической социализации рассмотрен в двух плоскостях: как он происходил в традиционном (аграрном) обществе и как осуществляется в современных условиях.

Практическая значимость диссертации видится в возможности использования полученных материалов и выводов для практических действий в области региональной национальной политики, для разработки молодежных и образовательных программ. Результаты исследования также могут быть учтены при решении вопросов оптимизации межнациональных отношений в Удмуртской Республике. Кроме того, данные исследования могут быть использованы при подготовке обобщающих работ по истории и этнографии удмуртов, учебных и методических пособий для преподавателей вузов и учителей, при дальнейшей разработке проблем этнической социализации личности. Материалы диссертации необходимо могут быть применены и в культурно-воспитательной, научно-просветительской деятельности учреждений образования, культуры, печати и информации, национальных объединений и др.

Основные положения диссертационного исследования нашли свое отражение в 7 публикациях общим объемом в 1,9 п. л. Отдельные аспекты проблемы изложены автором на международных, региональных научных и научно-практических конференциях: «Г.Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья» (г. Ижевск, 2001 г.); «Материальная и духовная культура народов Урало-Поволжья: история и современность» (г. Глазов, 2001 г., 2004 г.); «Этническая культура удмуртского народа: источники развития» (г. Ижевск, 2002 г.); III Международный исторический конгресс финно-угроведов (г. Йошкар-Ола, 2003 г.); «Современные этнополитические и этносоциальные процессы в России: Модель Республики Башкортостан» (г. Уфа, 2004 г.); «Социально-экономические условия развития гражданского общества в России» (г. Ижевск, 2005 г.).

В структурно-композиционном плане диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, соответствующих основным проблемно-тематическим блокам исследования, заключения, списка источников и литературы, списка информантов, а также приложения. В приложение вынесен инструментарий исследования: анкета и вопросник, использованные при интервьюировании.

Глава I. Исследовательские подходы к проблеме этнической социализации

§ 1. Историография проблемы

Проблема этнической социализации находится на стыке научных дисциплин, изучающих человека и человеческое общество с самых различных сторон и прямо или косвенно затрагивающих её в качестве предмета своих изысканий. Во многом именно по этой причине практически нет обобщающих работ по данной тематике, хотя в рамках отдельных наук имеются серьезные исследования. Анализ различных идей, теорий, научных разработок, имеющих отношение к изучению этнической социализации личности, необходим для более полного рассмотрения вопроса.

Исследование проблемы этнической социализации как механизма воспроизводства этнической культуры последующими поколениями неразрывно связано с рассмотрением способов воспитания детей и этнографии детства вообще. Следует сказать, что в дореволюционный период развития отечественной этнографии мир детства освещался достаточно широко. Шло активное накопление фактического материала. Начиная со второй половины XIX века до начала XX века, Русским географическим обществом, Академией наук, Этнографическим бюро князя В.Н. Тенишева, рядом губернских статистических комитетов были собраны богатые данные по этнографии детства, ставшие хорошей исследовательской базой для последующих изысканий. В то же время данные вопросы не были предметом специального изучения и теоретического осмысления. Дореволюционные этнографы и фольклористы обычно рассматривали мир детства в контексте общего описания народного быта, вычленив и исследуя узкие проблемы: физическое и нравственное воспитание, родильная обрядность, способы ухода за детьми, роль игр, игрушек и загадок в социализации детей [Терещенко, 1848; Богданов, 1912; Энгельгардт, 1987; Покровский, 1994; Зеленин, 1994; Садовников, 1996]. В то же время, как справедливо отмечала Г.А. Комарова, вопросы о положении детей в семье, в обществе, их взаимоотношений с взрослыми, вся общественная

сторона проблемы детства обычно оставались без внимания исследователей [Комарова, 1980: 202-203].

Особого внимания в рамках нашей проблемы заслуживает рассмотрение взглядов педагогов-просветителей России XIX – начала XX века. Именно в этот период складывается система национальных школ для нерусских народностей, появляются первые учебные пособия и методическая литература для обучения в этих школах, формируются основные идеи национального образования, остающиеся актуальными и по сей день.

Основоположником и вдохновителем идеи национального характера воспитания общепризнанно считается К.Д. Ушинский. Рассматривая особенности различных систем воспитания – немецкую, английскую, французскую и североамериканскую – он делает вывод, что лежащие в основе каждой из этих систем нравственные ценности различны, и различия эти носят неслучайный характер. Они обусловлены «той особенной идеей воспитания, которая составила у каждого народа» [Ушинский, 1988: 227]. По его мнению, воспитание должно быть народно, национально и опираться на историю народа, его традиции, национальный характер, язык и культуру. Поэтому К.Д. Ушинский выступал против механического перенесения системы образования одной страны в другую, считая, что это ведет лишь к путанице умов и разложению нравов. В основе русского национального воспитания он выделял общинный дух, коллективизм, русский язык и патриотизм [Бельский, 2003: 213]. Родному языку в его педагогической системе отводилась особая роль: изучение родного языка служит не только средством развития мышления учащихся, но через язык познается вся окружающая жизнь, язык – основа изучения всех предметов школьного обучения, условие подготовки к жизни, к труду. По мнению К.Д. Ушинского, именно в родном языке сосредоточена вся народная мудрость, весь след духовной жизни народа. «Усваивая родной язык, каждое новое поколение усваивает в то же время мысли и чувства тысяч предшествовавших ему поколений... все, что перечувствовали и передумали эти бесчисленные поколения предков, передается легко и без труда ребенку, и

дитя, выучившись родному языку, вступает в жизнь с необъятными силами» [Ушинский, 1990: 52-53]. Идеи К.Д. Ушинского вдохновили многих педагогов. По мнению Г.Н. Волкова, все лучшие отечественные педагоги, так или иначе, были его последователями [Волков, 2000: 16], просветители-демократы нерусских народов считали закономерным перенесение положений о национальной (русской) системе воспитания в национальную систему воспитания любого другого народа.

Одним из создателей системы национального обучения для «инородцев» Поволжского региона стал Н.И. Ильминский. Его педагогическая деятельность – предмет специальных исследований, нам же интересны основные принципы его подхода к обучению в национальных школах. Во-первых, под его непосредственным руководством вводилось первоначальное обучение нерусских детей в школах на их родных языках, что для того времени явилось шагом поистине революционным. Н.И. Ильминский был убежден в том, что полноценный родной язык не препятствует развитию ребенка, это основа для дальнейшего обучения: «Первоначальное образование инородцев на их родном языке есть самый надежный путь к усвоению ими русского языка и русского образования» [цит. по: Тулуз, 2001: 81]. Мысль, на мой взгляд, весьма актуальна и для современной системы образования: плохое знание родного языка не означает ещё автоматического усвоения и развития русского языка.

Система Н.И. Ильминского поставила на повестку дня вопрос о развитии переводческого дела, так как для «более легкого усвоения образования... и с гуманной точки зрения учебные и вообще образовательные книги для инородцев должны быть изложены на их родном языке» [Ильминский, 2000: 162-163], что явилось несомненным толчком в деле развития национальной литературы. Просветитель отдавал предпочтение учителям из той же этнической среды, что и учащиеся. Учителя из среды самого народа успешнее всего будут работать в деле образования народа, так как они должны пользоваться доверием и сочувствием «сродственного» общества [Тулуз, 2001: 81]. Следует отметить, что эти прогрессивные идеи были поддержаны и

развиты многими национальными педагогами (И.Я. Яковлев, К.А. Андреев, И.В. Яковлев и др.), и их деятельность была одним из факторов повышения образовательного уровня и роста национального самосознания народов Поволжья.

Таким образом, педагоги-просветители XIX–начала XX в. разработали теоретические положения, легшие в основу зарождавшейся системы национального образования и остающиеся актуальными в наши дни: в воспитании необходимо опираться на нравственные ценности собственного народа; роль родного языка в системе образования является основополагающей; изучение родного языка – основной этап на пути к усвоению русского языка. Кроме того, практическое применение их идей показывало, что подобное образование является действенным средством воспитания активных носителей этнической культуры, недаром именно в это время начинает энергично формироваться слой национальной интеллигенции. Заметим, что национальная школа явилась, пожалуй, одним из первых институтов этнической социализации для «иностранцев» вне рамок традиционного общества и способом интеграции этнической культуры в общемировую.

В 1920-е годы изучение народной педагогики и детского фольклора оформилось в качестве самостоятельной исследовательской задачи для этнографов и фольклористов [Виноградов, 1925; Капица, 1928]. Как писала Г.А. Комарова, исследователи включали изучение воспитания детей в программы своих полевых исследований, но, к сожалению, их усилия принесли мало результатов и широкой общественности остались неизвестными [Комарова, 1980: 203]. Во многом трудности изучения народного воспитания состояли в том, что не был определен предмет исследования, его содержание, источники, методы разработки.

В это же время начали свои исследования отечественные ученые Л.С. Выготский, А.Р. Лурия и А.Н. Леонтьев. Их изыскания позволяют понять механизм преобразования культуры во внутренний мир личности и порождение

культуры в процессе развития личности. По мнению Л.С. Выготского, человеческое мышление имеет социальную природу, оно определяется погружением социальных связей, порожденных культурными нормами общества, в глубь сознания. При этом человек воспринимает данные нормы как собственные, становится носителем культуры – определенной системы знаков, служащей для управления поведением – и сам воспроизводит культурные нормы в ходе социальных отношений [см. подробно: Асмолов, 1993: 6-7]. Заметим, что идеи психологов культурно-исторического развития позволяют понять проблему этнической социализации на уровне психики человека, поскольку объясняют роль социокультурного окружения в ходе формирования личности.

Наиболее полные и развернутые концепции взаимодействия личности и культуры начали появляться за рубежом. В первой половине XIX века проблемы взросления и социализации становятся предметом монографических исследований Б. Малиновского, К. Дюбуа, М. Фортеса, Д. Уайтинга и др. На первый план выходит изучение особенностей формирования личности ребенка в различных культурах, когда и культура, и индивид изучались в комплексе. При этом считалось, что личность полностью конфигурируется культурными рамками, более того, индивид выступает предельным сосредоточением культуры. Но взгляды на процесс формирования «базовой структуры характера», специфичной для каждого народа, различны даже в рамках данной теории. Так, для идей основателя психологического направления в этнологии Ф. Боаса характерен социокультурный детерминизм, при котором индивидуальный характер и тип личности полностью обусловлены причинами социальными или культурными, а личностные особенности человека и его свободная воля игнорируются. С другой стороны, последователи З. Фрейда утверждали, что разные типы социального характера и культурные типы личности, характерные для различных народов, это только вариации, возникающие на основе одних и тех же всеобщих, инвариантных закономерностей индивидуального развития (А. Кардинер, Р. Линтон, И.

Халлоуэл и др.). Но для всех подходов общим является взгляд на воспитание и социализацию в период детства как важнейший этап в формировании в отдельном индивиде основных черт национального характера, единых для всех членов сообщества. Например, А. Кардинер в своей теории опирался на то, что общая для всех носителей определенной культуры «основная личностная структура» формируется через «первичные общественные институты», включающие основные способы жизнедеятельности, практику ухода за детьми, их воспитания и социализации [Лурье, 1997: 61].

Наибольшее влияние на развитие этнографии детства оказала М. Мид. Как отмечал И.С. Кон, диапазон научных занятий ученой был исключительно широк: здесь и этнография детства, и проблемы пола, закономерности формирования и проявления национального характера, этнокультурные особенности психических процессов у разных народов [Кон, 1988: 402]. В своих исследованиях она важное место отводила детскому возрасту, уходу за ребенком, воспитанию, развитию детской психики, не забывая при этом изучение различных культур, так как была убеждена в том, что культурные традиции определяют содержание детства. Чтобы понять специфику отдельной культуры, необходимо изучить цели, средства и методы социализации детей, а также бессознательные установки взрослых членов общества по отношению к детям. Поэтому исследовательница включила в программу изучения национального характера, выражавшегося в общих для всех членов этноса моделях поведения, следующие пункты: 1) сравнительные описания некоторых культурных конфигураций (в частности, сравнение соотношения некоторых общественных институтов); 2) сравнительный анализ ухода за младенцами и детского воспитания; 3) изучение присущих тем или иным культурам моделей межличностных отношений, таких, например, как отношения между родителями и детьми и отношения между ровесниками [Исследования национального характера, 2002: 54]. Таким образом, М. Мид определяла, что этническое общество так конструирует мир детства, чтобы наиболее

эффективно передавать культурный опыт, приобщать к общепринятым образцам поведения.

В послевоенный период исследования по педагогической теории и практике различных народов СССР значительно расширились. Появились обобщающие труды по народной педагогике азербайджанцев, армян, грузин, чувашей, якутов. Накопленный объем информации требовал обобщения, сопоставления и подведения под него теоретической базы. Исследователь народной педагогики чувашского народа Г.Н. Волков ввел в научный оборот новое понятие – «этнопедагогика» – и охарактеризовал его как науку об опыте народных масс по воспитанию подрастающего поколения, как науку о педагогике быта, о педагогике семьи, рода, племени, народности и нации [Волков, 1974: 30]. Основным и главным предметом изучения этнопедагогики являлась народная педагогика как совокупность педагогических сведений и воспитательного опыта, сохранившихся в устном народном творчестве, обычаях, обрядах, детских играх, игрушках и т. п. [там же: 7]. Г.Н. Волков заявлял, что новое научное направление призвано изучать не просто опыт по воспитанию подрастающих поколений, а опыт народов (этносов), ибо, специфику каждого этноса определяют этнические особенности, которые передаются в результате процесса этнического воспитания и общего влияния соответствующей этнической среды [там же: 9], что обеспечивает относительную устойчивость этнической общности. Интересен его взгляд на стереотипы, бытующие в народной среде. В этнопедагогике он рассматривает автостереотип как программу народного воспитания и самовоспитания, выраженную в самом общем виде, а гетеростереотип выступает программой воспитания отношения к той или иной нации [там же: 13]. Отсюда вытекает, что все цели, средства и методы народной педагогики этноса направлены на воспитание такой личности, которая необходима этнической общности для самосохранения и воспроизводства своей культуры.

В 60–80-е гг. XX века началось осознание огромной роли изучения процессов социализации детей. Важная роль в разработке этих вопросов

принадлежит И.С. Кону. Исследователь не просто анализировал педагогическое воздействие народа на подрастающее поколение, но и изучал «мир детства» в определенных культурах. Он рассматривал социализацию детей в качестве необходимого средства межпоколенной трансмиссии культуры и выделял в структуре её изучения следующие взаимосвязанные аспекты: субъектный, определяющий, кто является субъектом данных взаимоотношений; объектный, определяющий, что именно, какие знания, умения, навыки ценности, социальные установки передаются; процессуальный, показывающий пути и способы осуществления трансмиссии; институциональный, выявляющий, посредством каких специализированных социальных институтов осуществляется социализация [Этнография детства, 1983: 4]. На этой основе ученым была разработана программа-максимум по сбору информации, которая позволила заметно продвинуть работы по исследованию традиционных институтов и методов социализации. Таким образом, И.С. Кон рассматривал проблемы социализации, не используя термин «этническая социализация», но имел в виду, что этничность воспроизводится индивидом в результате социализации. Его работы послужили толчком для последующих исследований по традиционной социализации отдельных народов [см. подробно: Беляева, 2002; Егорова, 2000; «Мир детства», 1991].

Проблема социализации детей в традиционном удмуртском обществе также не обойдена исследователями. Л.С. Христюлова рассматривала роль обрядов в процессе превращения ребенка в полноценного члена удмуртского общества, анализировала основные пути и способы усвоения им бытовавших стереотипов поведения [Христюлова, 1992, 31-42; 1985: 80-90]. Г.А. Никитина, З.В. Суворова, опираясь на этнографический и фольклорный материал, дали представление о системе народной педагогики удмуртов [Никитина, 1997; Суворова, 1992]. З.В. Суворова отметила, что основой народного воспитания выступает трудовое воспитание, которое и в прошлом, и в наше время строится на основе тяжелой физической работы, а не умственного труда. Г.А. Никитина исследовала социализирующую роль институтов

удмуртского общества (семья, детская среда, община), помогавших подрастающему поколению вливаться в окружающую среду, воспринимать этническую культуру. Кроме того, община, помимо поддержки в физическом выживании своих членов, выполняла функцию создания психологического комфорта для удмуртов, что особенно важно в окружении достаточно жесткого иноэтничного окружения. По её мнению, возможность «снятия» психологической напряженности ставила удмуртов перед необходимостью как бы «растворяться» в общине, быть органичной частью целого [Никитина, 1998: 88-89], но это препятствовало проявлению личной инициативы, оказывая нивелирующее действие на сознание и поступки людей.

Особенности воспитания детей в удмуртской сельской семье 70-х годов XX века были исследованы Л.И. Семеновой [Семенова, 1981: 68-77; 1996]. Она указывала, что процесс воспитания в семье во многом идет по традиции, больше воспитывает сама жизнь, и в основной массе семей недостаточно, на её взгляд, занимаются образовательной подготовкой детей, слабы целенаправленные усилия родителей по умственному, интеллектуальному развитию младшего поколения. Во многом остальном семья по-прежнему является основным институтом передачи этнокультурных традиций, при этом отмечается, что в многопоколенных семьях данный процесс происходит более интенсивно.

Не остается без внимания ученых изучение особенностей этнической психологии удмуртов. В.Е. Владыкин в своих трудах осмысливает традиционное видение мира удмуртами, исследует ценностные ориентиры, стереотипы мышления, бытовавшие в удмуртском обществе [Владыкин, 1994, 2004]. Работы известного этнографа удмуртов позволяют определить место, которое занимал религиозный фактор в жизни удмуртов и его роль в процессе этнической социализации. Кроме того, несомненный интерес представляет мастерски вырисованная ученым структура традиционного удмуртского общества, что позволило проанализировать влияние социокультурного окружения на существовавший механизм становления личности.

Особенности формирования и развития этнической психологии удмуртов с X века и до наших дней прослеживаются Г.К. Шкляевым [Шкляев, 1992, 1998, 2003]. Ученый рассматривает изменения, происходящие в психологии удмуртов в тесной взаимосвязи с различными сторонами жизнедеятельности этноса и его историческим развитием. Тщательно проанализировано им воздействие иноэтнического окружения на протяжении всей истории удмуртов, во многом определившее складывание психологических черт удмуртского этноса, передающихся в процессе социализации, что, несомненно, облегчает понимание основных процессов, происходящих и в современном удмуртском обществе.

Попытку связать между собой культурный и психологический факторы функционирования этноса предпринял А.Н. Петров, в своем исследовании по этническому менталитету удмуртов [Петров, 1998]. Менталитет, в его понимании, есть психологическое отражение специфики культуры, проявляющееся через основополагающие черты мировосприятия, ориентирующих мышление и поведение [Петров, 1998: 3]. По мнению исследователя, особенности менталитета удмуртов во многом сформировались под воздействием географических особенностей региона проживания и этнического окружения. Он считал, что в социализации удмуртских детей большую роль играли установки общества на воспитание человека как достойного продолжателя общинных и семейных традиций, а так как все основные культурные и психологические навыки они получали в семье, то это делало их чрезвычайно зависимыми от родителей.

Современное состояние молодежи Удмуртии также является предметом научных изысканий. В рамках изучения этнополитической ситуации в России, проведены исследования среди учащейся молодежи Ижевска, в которых выявлялось её речевое поведение и языковые ориентации, отношение к религии и образованию, представления и установки в сфере семейной жизни, отношения к проводимым в стране экономическим и политическим реформам [Христолюбова, 1998; Христолюбова, Христолюбов, 1998]. Кроме того, на базе

Институте истории и культуры народов Приуралья УдГУ работает группа этносоциологов. Она занимается исследованием духовного мира личности учащихся Удмуртии, в том числе уделяется большое внимание проблемам этничности. Полученные результаты проведенных группой социологических исследований были опубликованы в специальном номере журнала «Вестник Удмуртского университета» [Белорукова, 1999; Воронцов, 1999; Клейн, 1999], а также в сборнике Министерства национальной политики УР [Этнополитическая и этносоциальная ситуация, 2000: 58–57].

В.Ю. Хотинец, опираясь на эмпирические изыскания, провела серьезную работу по теоретическому исследованию этнического самосознания, рассматривая его в большей степени с позиции психологической науки [Хотинец, 2000]. Раскрывая сущность данного феномена, исследователь выявила психологические механизмы и основные закономерности его проявления и развития, а также показала его регулирующую и системообразующую роль в психике человека. Вслед за ней В.С. Воронцов изучает этническое самосознание учащейся молодежи Удмуртии, выявляя базу и механизм его формирования, спектр ценностных приоритетов, в том числе и этнической компоненты в самосознании молодых россиян [Воронцов, 2003]. Ученые выделяют основные этапы, определяют эффективность современных институтов социализации в процессе становления этнического самосознания. По их мнению, этническое самосознание личности поддается корректировке при обучении в школе и вузе. Следует отметить, что исследования этнического самосознания позволяют глубже рассмотреть изменения, происходящие в человеке в процессе этнической социализации, когда он воспринимает этническую культуру и становится членом определенной этнической общности.

В целом, историография изучения удмуртского этноса находится в постоянном развитии, раздвигая границы предметной области исследовательского поиска. И рассмотрение проблемы этнической социализации, являющееся достаточно новой сферой приложения

деятельности ученых, возможно лишь при использовании накопленного потенциала исследований удмуртского этноса.

В отечественной научной литературе найдется не много работ, затрагивающих рассмотрение различных аспектов процесса этнической социализации в современном обществе. Активно мир детства исследуется фольклористами, как отечественными, так и зарубежными. Так, М.В. Осорина в своей исследовательской деятельности, рассматривая специфику детского фольклора, выделяла его в качестве важнейшего аспекта в формировании ребенка как члена общества [Осорина, 1983: 34-45]. По её мнению, в качестве содержательной основы детской субкультуры выступает детская традиция и она постоянно востребована, поскольку несет в себе базовые принципы, на основе которых дети строят систему социальной регуляции во внутригрупповых отношениях, даёт психологическую опору в трудных для ребенка коммуникативных ситуациях и предоставляет ему необходимые инструменты общения. Передача традиций в детском сообществе идет двумя путями: в виде трансляций текста детского фольклора и непосредственного усвоения моделей традиционного поведения [Осорина, 1998: 5-7]. Кроме того, детская традиция выступает составной частью традиций всего народа. Данные взгляды М.В. Осориной созвучны с идеями многих фольклористов, исследующих проблемы детской субкультуры. И это четко видно из анализа докладов ученых, прозвучавших на «Виноградовских чтениях» - научных конференциях, посвященных памяти Г.С. Виноградова, которые регулярно проводятся с 1987 года. Так, например, Д.А. Несанелис придерживается точки зрения, что детская игра и «взрослый» ритуал выступают в качестве различных, но взаимодополняющих средств трансляции культурного опыта [Несанелис, 1998: 21]. Т.Г. Владыкина и Л.Н. Долганова на примере удмуртского общества показали роль различных жанров фольклора (загадки, сказки, предания, песни, считалки и др.) в процессе социализации подрастающих поколений [Владыкина, 1992, 1997; Долганова, 1981].

Для детской группы фольклор является важным регулятором жизнедеятельности, обеспечивающим передачу подрастающему поколению бытующих в обществе стереотипов поведения. В том числе передаются и этнические стереотипы, обеспечивая адаптацию детей к жизни в этносе. Исследователи особо отмечают, что фольклор сельских детей позволяет освоить картину мира, актуальную для всех членов общины и несет в себе яркое дидактическое начало, особенно в системе запретов [Мутина, 2002: 14]. Видимо, в традиционном обществе детский фольклор служил одним из главных средств воспитания в человеке этнически важных психологических черт, и это прослеживается фольклористами и в современном обществе. Знание детской субкультуры в этническом обществе позволяет расширить научные представления об особенностях этнической социализации и психической адаптации ребенка в традиционном и современном обществе.

По мнению М.Н. Губогло, в обширной молодежной литературе менее всего затронутой оказалась область, связанная с этничностью, этнической идентификацией и межнациональными отношениями. А данные темы важны в социализации человека, ибо, по его мнению, одной из важных составляющих базовой структуры личности является этническая идентичность, формирующаяся только в результате овладения индивидом культурой этноса. Недооценка важности этнической социализации приводит к «неадекватно сформированному этническому самосознанию», «радикализму и перекосам в этнической мобилизации» [Губогло, 1998: 8-9], что негативно отражается как на самоощущении молодого человека, так и на межэтнической обстановке.

Обязательность опоры на этнокультурные традиции в процессе формирования современной личности подчеркивается и этнопсихологами. Этнопсихология описывает поведение человека, исходя из типологии этносов и присущих каждому человеку более или менее определенных этнопсихологических характеристик. Психика ребенка развивается так, как развивалась культура его народа, и проходит следующие этапы: 1. Сказочно-мифологический; 2. Религиозно-этический; 3. Технотронно-сциентистский. В

случае нарушения последовательности этапов развития психики, а также рассогласований содержания информационно-воспитательного воздействия с родной культурой конкретного человека (например, недостаточным присутствием в городских условиях «родного» этноинформационного поля) может привести к психической дезинтеграции, что чревато впоследствии социальной аномией, девиацией поведения у взрослых, а также задержкой психического развития у детей [Сухарев, 2002: 40-55]. Кроме того, повышенная тревожность может быть реакцией на дезинтеграцию собственной этнической среды. Поэтому информационно-воспитательное воздействие на ребенка в процессе социализации необходимо строить на культуре его родного этноса.

Принципы этнической социализации реализуют на практике педагоги, исследующие проблемы национального образования и работающие в этой системе. Школа в современном мире является, пожалуй, единственным институтом социализации, который по сути своей функциональной деятельности должен раскрывать индивидуальность каждого ученика, помочь ему самоопределиться и по возможности реализоваться. А так как национальные культуры, менталитеты различных этносов не тождественны, то в системе образования необходимо учитывать культурные различия между народами [Трофимова, 2003: 92]. Адекватное национально ориентированное образование может способствовать трансляции этнических нравственных ценностей, формированию этнического самосознания у учащихся. С этим связывается и желание улучшить межэтническую обстановку в обществе, так как выработка в подрастающем поколении убеждения в полноценности и равноправии всех культур возможна только на уважении к собственной культуре, на уверенности в её ценности и общепланетарной значимости. Образовательная система (включая помимо школы дошкольные, среднеспециальные и высшие образовательные учреждения), реализуя национально-региональный компонент, является важным механизмом этнической социализации и должна помогать наиболее органичному

вписыванию молодых носителей этнической культуры в современное поликультурное пространство.

Проблема этнической социализации в городе затрагивается учеными, исследующими функционирование этничности в современных условиях [Михайлова, 2003: 184]. В процессе адаптации членов этнической группы к полиэтничной городской среде неизбежно возникают тенденции отчуждения людей от традиционной этносреды. Это может привести к этнической и языковой ассимиляции, приобщению мигрантов (особенно из сельской местности) к маргинальной субкультуре и сознанию. Для минимизации подобных тенденций необходимо оптимизировать становление и функционирование этнической личности в городских условиях, а это сложно без целенаправленного воздействия на процесс этнической социализации. В последние годы вопросы этнической социализации привлекли особое внимание ученых Республик Татарстан и Башкортостан. Татарский исследователь Р.И. Зинуров, понимая под данным процессом межпоколенную трансляцию и освоение каждым новым поколением константного, этнородового социального опыта, считает необходимым рассматривать данный феномен в двух измерениях – коллективном и индивидуальном. При этом родной язык он рассматривает как уникальное и решающее средство в ходе овладения этнической культурой [Зинуров, 2002: 90-91]. Башкирский ученый Т.Г. Мухтаров помимо языкового фактора в успешном восприятии этничности современной молодежью (понимая под этим термином «реализацию существующего набора объективных и субъективных признаков, по которым каждая личность субъективно относит себя к определенной этнической общности и в ней реализуется») значительное место отводит семье и неформальным связям [Мухтаров, 2004: 11]. В целом, работы данных исследователей позволяют глубже рассматривать проблемы этнической социализации на этапе, когда перестает действовать опыт традиционной социализации.

Таким образом, анализ историографии вопроса, касающегося этнической социализации, показывает, насколько сложен и многосторонен данный предмет изучения. Трудности обусловлены еще и тем, что данное исследовательское направление достаточно ново, и посвященных ей специальных работ практически нет. Явно недостаточно исследований, рассматривающих этническую социализацию в комплексе – в традиционном и современном обществе, в степени сохранности традиций и появления инноваций, в том числе и в работах по изучению удмуртов. Между тем, на данный момент возникла достаточно острая теоретическая и практическая потребность во всестороннем изучении проблем, связанных с этнической социализацией, что возможно лишь при полном использовании предыдущих наработок не только этнологов, но и ученых смежных научных направлений, исследующих человеческое сообщество.

§ 2. Понятийно-категориальный аппарат

Одной из главных проблем, стоящих сегодня перед финно-угорскими этносами, является воспроизводство культуры подрастающими поколениями. Традиционные методы и способы передачи этнической культуры не справляются в полной мере со своими задачами. Это во многом служит причиной отказа молодых людей от этнической принадлежности, мучительного поиска «себя» в этом мире, сложности с самоидентификацией. Поэтому данная проблема – реальность для этносов. Работают над нею и ученые. Для обозначения влияния этнокультурной среды на социальное становление человека в последнее время используют такое понятие как этническая социализация. Однако устойчивого определения пока не сложилось, в этой связи при рассмотрении методов и путей воспроизводства этнической культуры возникла необходимость установить рабочее определение данного понятия.

Краеугольным камнем исследуемой проблемы является понятие «личность». Отечественные психологи Л.С. Выготский, А.Р. Лурия,

А.Н. Леонтьев, изучая психику взрослого человека, отмечали, что в ней сливаются три русла: русло биологической эволюции от животного до человека, русло историко-культурного развития, в результате которого из примитива постепенно эволюционировал современный культурный человек, и русло индивидуального развития данной личности (онтогенез) [Выготский, Лурия, 1993: 126]. В рамках последнего А.Н. Леонтьев выделял три стадии, наделяя их соответствующими понятиями: индивид, индивидуальность, личность. Индивидом является любой человек по праву рождения как представитель биологического вида *Homo Sapiens*. Индивидуальностью обладает индивид, показавший свою особенность, чем-то выделившийся из ряда биологически равных ему индивидов. Наконец, личность – это индивидуальность, поставившая себя на службу определенной социальной среде, как бы награжденная званием «личность» данной среды [цит. по: Ольшанский, 2002: 146]. Следует отметить, что определений понятия «личность» существует множество, так как каждая наука рассматривает его со своей позиции, вызванной требованиями внутренней логики.

В философии личность трактуется с одной стороны, как «устойчивая система социально-значимых черт, характеризующих индивида как члена того или иного общества, общности», с другой, как «индивидуальный носитель этих черт как свободный и ответственный субъект сознательной волевой деятельности» [Кон, 1989: 313]. Двухзначность понятия личности вызвана тем, что одни понимают под личностью свойство индивида, совокупность интегрированных в нем социально-значимых черт, а другие воспринимают её как конкретного субъекта деятельности.

В современной психологической науке существует несколько теорий личности, среди которых можно выделить теорию личности З. Фрейда, бихевиоризм (Д. Уотсон, Б. Скиннер, Д. Хоманс), когнитивную теорию личности (Ж. Пиаже). Не ставя перед собой задачу подробного изложения данных теорий, рассмотрим трактовку понятия личности, сложившуюся в рамках отечественной психологической школы, которая во многом дополняет

вышеперечисленные теории. Личность в понимании психологов есть социально-психологическая сущность человека, формирующаяся в результате усвоения человеком общественных форм сознания и поведения, общественно-исторического опыта человечества.

Обратимся к определению понятия «личность» в социологической науке. Здесь она рассматривается как «целостность социальных свойств человека, продукт общественного развития и включения индивида в систему социальных отношений посредством активной предметной деятельности» [Российская социологическая энциклопедия, 1998: 250]. Видно, что в социологии личность выступает как субъект и объект общественной жизни, для нее главным является включение личности в социальную систему. В психологии же личность воспринимается как устойчивая целостность психических свойств, процессов и отношений, для нее важен «внутренний» мир человека.

Таким образом, можно выделить общее в определении «личность», отмечаемое и в психологии, и социологии, и философии – это особое качество человека, приобретаемое им в социокультурной среде; в общественных отношениях личность выступает не только объектом общественного воздействия, но и активным субъектом социального взаимодействия, действующим лицом.

Понятие «личность» неразрывно связано с понятием «социализация». В американской и западноевропейской социальной психологии можно выделить следующие взгляды на сущность социализации: 1. Понимание социализации как приспособление человека с врожденными качествами и инстинктами к условиям существования в обществе (данный подход представлен в теориях З. Фрейда, К.Г. Юнга); 2. Социализация как влияние активного общественного организма, воздействующего на активную личность (бихевиоризм).

По мнению И.С. Кона, одного из известных отечественных исследователей-этнологов, социализация – это влияния среды в целом, которые приобщают индивида к участию в общественной жизни, учат его пониманию культуры, поведению в коллективах, утверждению себя и выполнению

различных социальных ролей [Кон, 1988б: 133]. Целью социализации является формирование такого члена общества, который соответствовал бы идеальному образу человека в данной культуре, или, как он ещё говорил, имплицитной теории личности. Данный образ присутствует в индивидуальном и общественном сознании народа, на его достижение ориентированы методы воспитания подрастающего поколения. Под влиянием среды И.С. Кон подразумевает воздействие социальной общности на человека через людей – агентов социализации (социализаторов) и учреждений, воздействующих на процесс социализации (институтов социализации). Агенты и институты социализации делятся на первичные и вторичные. К первичным относятся те, кто составляет непосредственное окружение человека: члены семьи, школьный коллектив, родственники, сверстники и т. д. Термин «вторичная» охватывает тех, кто оказывает опосредованное, менее важное для человека влияние. Контакты с ними происходят реже, обычно они непродолжительны. Вторичные агенты социализации (в этом случае их еще называют институтами, так как они представлены формальными организациями и учреждениями) – это административные лица, члены партий, служители церкви, сотрудники СМИ и т. д. Агенты по характеру влияния на ребенка могут быть подразделены на опекунов, осуществляющих уход за ребенком, удовлетворяющих его физические и эмоциональные потребности; авторитетов, на собственном примере прививающих ребенку культурные ценности и нормы; дисциплинаторов, распределяющих наказания; воспитателей, целенаправленно обучающих ребенка; компаньонов, участвующих в совместной с ребенком деятельности на более или менее равных правах; сожителей, проживающих в одном доме [там же: 27]. Однако И.С. Кон отмечает, что никогда не было и не может быть не зависящей от культуры «общей иерархии степени влияния и социальной значимости социализаторов» [там же: 148], то есть в каждом обществе роль и значение агентов социализации может быть различно.

В традиционном обществе эффективная передача унаследованных норм и ценностей происходила агентами в таких институтах как семья, община,

группа сверстников, где оказывалось непосредственное влияние на индивида. По мере развития человеческого общества, усложнения и обогащения культуры объем передаваемых из поколения в поколение знаний, умений и навыков возрастает, что вызывает появление новых общественных институтов социализации, среди которых наибольшее значение приобретают школа и средства массовой коммуникации.

В выделении стадий социализации существует два подхода. В одном случае за основу берутся возрастные критерии, в другом – отношение к трудовой деятельности. Например, отечественные психологи Н.В. Андреев, Я.И. Гилинский предполагали, что усвоение социального опыта происходит, прежде всего, в ходе трудовой деятельности и отмечают три основные стадии: дотрудовую, трудовую и послетрудовую [см. подробно: Андреев, 1999: 276].

Дотрудовая стадия социализации охватывает весь период жизни человека до начала его трудовой деятельности. В свою очередь, эта стадия делится на два периода: раннюю социализацию (от рождения ребенка до поступления его в школу) и стадию обучения (весь период юности, включающий время обучения в школе).

Помимо этого деления, существует градация дотрудовой стадии на следующие периоды: 1. первичная социализация или стадия адаптации (от рождения до подросткового периода ребенок усваивает социальный опыт некритически, адаптируется); 2. стадия индивидуализации – появляется желание выделить себя среди других, критическое отношение к общественным нормам поведения; 3. стадия интеграции – появляется желание найти свое место в обществе, «вписаться» в него, с этой целью предпринимаются соответствующие попытки.

Трудовая стадия социализации охватывает весь период зрелости человека, время его трудовой деятельности, когда индивид не только усваивает социальный опыт, но и воспроизводит его за счет активного воздействия на среду посредством своей деятельности.

Послетрудовая стадия социализации рассматривает пожилой возраст как возраст, вносящий существенный вклад в воспроизводство социального опыта, в процесс передачи его новым поколениям.

Разработка стадий социализации личности по возрастному критерию достаточно полно осуществлена психологом Э. Эриксоном, положившим в основу своих взглядов взятый из биологии «эпигенетический принцип». По его мнению, человек в течение своей жизни постепенно проходит восемь этапов, в процессе которых путем последовательных преобразований он становится личностью [Эриксон, 1996: 12-13].

Первый этап – это младенчество, длящееся примерно до года. Уже на этой стадии начинается социализация личности. В данный период главную роль в жизни ребенка играет мать: она кормит, ухаживает, дает ласку, заботу, формирует доверительное отношение к миру.

Второй этап – раннее детство (2–3 года). В это время идет формирование автономии и независимости у ребенка, он начинает ходить, обучается контролировать себя при выполнении естественных потребностей. Дети начинают понимать и в игровой форме примерять на себя социальные роли.

Третий этап носит название игровой возраст (4–5 лет). На этой стадии ребенок уже убежден, что он личность, он учится задавать направление и цель своим действиям. Ребенок бегает, умеет говорить, расширяет область овладения миром, у него формируется чувство предприимчивости, которое закладывается в игре. В это время он много играет, развивая свои физические и психологические возможности.

В младшем школьном возрасте (четвертый этап) ребенок уже исчерпал возможности развития в рамках семьи, и теперь школа приобщает его к знаниям о будущей деятельности. В это время дети приобретают чувство уверенности в своих знаниях и умениях, начинают интуитивно приходить к определению своего «Я» и распознавать различия между психологическими и физическими свойствами.

В подростковом возрасте (пятый этап), по мнению Э. Эриксона, решается основная задача – формирование достаточно устойчивой личности. Бурный физиологический рост, половое созревание, озабоченность тем, как он выглядит перед другими, необходимость найти свое профессиональное призвание, способности, умения – вот вопросы, которые встают перед подростком, и это уже есть требования общества к нему о самоопределении.

На шестом этапе (молодость) для человека актуальным становится поиск спутника жизни, тесное сотрудничество с людьми, укрепление связей со своей социальной группой. Через дружбу, сексуальные взаимоотношения и трудовой опыт молодые люди приходят к первым представлениям о самих себе как о взрослых людях.

Седьмой этап – взрослый этап развития личности. Индивид в это время устроился в жизни, имеет семью, работу, на которой проводит основную часть взрослой жизни. Работа помогает организовать время, является сферой общения человека с другими людьми, «лекарством от скуки», поддерживает чувство необходимости и самоопределения. Кроме того, индивида начинают волновать проблемы за пределами собственной семьи: другие люди, будущее поколение, общество в целом [там же: 103].

Большинство ученых сходится во мнении, что процесс социализации происходит на протяжении всего периода жизни человека и является своего рода адаптацией к новым условиям существования. По мере взросления и расширения участия в различных сферах жизнедеятельности только увеличивается его многоаспектность.

Таким образом, в результате социализации человек становится личностью, носителем социально значимых черт, воспринимает культуру. В литературе, посвященной изучению преемственности этнокультурных явлений, встречается мнение, что индивиду передается не культура вообще, а именно этническая культура [Комарова, 1980: 212]. Получается, что процесс этнической социализации является господствующим. С данным суждением следует согласиться, имея в виду традиционные общества, где передача

культуры основана, прежде всего, на личных контактах между социализаторами и воспитанниками, а культурная среда обитания практически однородна. По мере же урбанизации и индустриализации возрастает роль опосредованных (неличных) контактов, в информационном поле увеличивается доля межэтнических (в том числе общечеловеческих) и иноэтнических компонентов культуры. Поэтому этническая социализация, при которой индивид приобретает черты этнической группы и становится этнофором (носителем этничности), является лишь частью общего процесса социализации.

Ряд ученых, отмечая вариативность методов воспитания в различных этносах, особо выделяет процесс вхождения ребенка в культуру своего народа. Так, по словам И.С. Кона, М. Мид разграничила понятия «социализация» и «инкультурация», обозначая под первым «социальное научение вообще», а под вторым – «реальный процесс научения, как он происходит в специфической культуре» [см. подробно: Кон, 1988а: 400]. Более подробно процесс инкультурации рассмотрел М. Херцковиц. По его мнению, в ходе данного процесса индивид осваивает присущие культуре миропонимание и поведение (имеется в виду культура отдельного этноса), в результате чего формируется его когнитивное, эмоциональное и поведенческое сходство с членами данной культуры и отличие от членов других культур. Процесс инкультурации начинается с самого рождения и совершается по большей части не в специализированных институтах социализации, а под руководством старших на собственном опыте. Конечным результатом является человек, компетентный в культуре – в языке, ритуалах, ценностях и т.п. [см. подробно: Стефаненко, 2000: 103]. А в процессе социализации происходит интеграция индивида в человеческое общество, приобретение им опыта, который требуется для исполнения социальных ролей.

Хотя ученые с разных точек зрения разграничивают интересующие нас понятия, следует отметить, что процессы инкультурации и социализации индивида протекают одновременно, и человек становится полноценным членом

общества лишь в результате усвоения культуры. По мнению представителя школы культурной психологии М. Коула, социализация детей идет путем встраивания в культуру. Они интериоризируют информацию и способы мышления из своих взаимодействий со взрослыми, более способными сверстниками. При этом он согласен с мыслью Л.С. Выготского: «Всякая функция в культурном развитии ребенка появляется дважды, сперва – в социальном, потом – психологическом, сперва – между людьми, затем внутри ребенка, как категория интрапсихическая» [см. подробно: Коул, 1997, 133]. Таким образом, процесс инкультурации является частью процесса этнической социализации, в результате чего формируется член этнического сообщества, носителем культуры которого он является.

В настоящее время в этнопсихологии используется еще одно понятие – «культурная трансмиссия», под которой подразумевается механизм, с помощью которого этническая группа осуществляет межпоколенную передачу этнокультурной информации. Сторонники информационной теории этноса существование этнических общностей объясняют наличием непрерывных информационных связей, в которые постоянно вступают между собой отдельные члены общностей или их группы. Диахронные (вертикальные) информационные потоки между поколениями – это вся культурная традиция народа, его творческое наследие, передаваемое из поколения поколение в словесной, а также в материально-изобразительной форме. Наличием этих непрерывных диахронных связей обусловлена преемственность и стабильность этноса во времени [Арутюнов, Чебоксаров, 1972: 20]. Передаваемая в результате трансмиссии культура усваивается подрастающими поколениями в процессе этнической социализации. При этом обмен сведениями этнокультурного характера может осуществляться на основе непосредственных (личных), так и опосредованных (неличных) контактов. Усвоение этнокультурной информации происходит как произвольно (бессознательно), так и осознанно. По мнению Ю.В. Бромлея, первый способ остается ведущим, так как основная масса этнической информации усваивается человеком в

раннем детстве [Бромлей, 1983б: 110]. Таким образом, механизм воспроизводства этноса осуществляется путем культурной трансмиссии, когда обеспечивается передача этнокультурной информации «по наследству», и он неотделим от процесса усвоения данной информации через этническую социализацию.

Говоря об этнической культуре, необходимо определиться с понятием «культура», определений которой в науке существует множество. При анализе жизнедеятельности социальных систем наиболее приемлем оказался функциональный подход, рассматривающий культуру как специфический способ человеческой деятельности. Представитель данного направления Э.С. Маркарян отмечает, что любая цельная система характеризуется способностью к самосохранению, это в полной мере относится и к социальным системам [Маркарян, 1983: 90]. Вся деятельность, как человеческих сообществ, так и каждого отдельного индивида направлена на самосохранение общности. Согласно этому взгляду, генеральной функцией культуры является адаптация социальных систем, во-первых, к биофизическому окружению путем его соответствующего преобразования (примером подобной адаптации служит материальная культура общности), во-вторых, упорядочивание взаимодействий между контактирующими сообществами, и, в-третьих – поддержание самих социальных систем в качестве интегрированных целых путем организации и координации усилий отдельных индивидов в достижении определенных социально значимых ценностей [там же: 63-68]. Таким образом, элементы культуры выступают надбиологически выработанными средствами, благодаря которым осуществляется коллективная и индивидуальная жизнь людей, стимулируется, программируется, исполняется, физически обеспечивается, социально воспроизводится их активность, организуются, функционируют и развиваются человеческие коллективы.

Кроме того, одной из важнейших условий самосохранения систем является самовоспроизводство. Для человеческих сообществ надбиологическое воспроизводство осуществляется посредством механизма культурной

традиции. Э.С. Маркарян в определении культурной традиции имел в виду «выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной передачи аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах» [там же: 154].

Следовательно, традиционная культура этноса – это опыт его «выживания», приспособления к различным условиям жизни на всем протяжении этногенеза. Стереотипы поведения, ценностные ориентации, типичные формы психической деятельности – все это проходило отбор в процессе деятельности людей по сохранению этнической общности как системы. В пример можно привести еврейский народ, когда существование в иноэтнической среде сформировало специфическую культуру и, вероятно, лишь придерживание традиций позволило сохраниться еврейскому народу как общности.

В процессе этнической социализации происходит воспроизводство в каждом новом поколении этнической культуры. Однако рассмотренного выше недостаточно для полного понимания роли феномена этнической культуры и, соответственно, механизмов её воспроизводства. Более полное их осмысление возможно в рамках теории этноса. В этнографической науке различия в толковании понятий «этнос» и «этничность» вызвали дискуссию, развернувшуюся в середине девяностых годов прошлого столетия на страницах журнала «Этнографическое обозрение» и не закончившуюся до сих пор. На данный момент выделяют три основных теоретических подхода: примордиализм, инструментализм и конструктивизм [Тишков, 1997: 4].

Суть примордиалистского подхода наиболее четко выразил К. Гирц: «В каждом обществе почти во все времена некоторые привязанности проистекают больше из чувства естественной... духовной близости, чем из социального взаимодействия» [цит. по: Винер, 1998: 4-5]. Исходя из этого, этносы рассматриваются как социальные общества, глубинно связанные социально-историческим контекстом, а этничность – как врожденное свойство этнической

группы. Этническая культура является объективным фактором, позволяющим функционировать этносу как системе.

В середине семидесятых годов в западной этнологии широкое распространение получило течение инструментализм. В нем этничность рассматривается как инструмент, используемый политическими лидерами для достижения определенных выгод и получения власти. Г.У. Солдатова в рамках данного течения определяла этническую идентичность в качестве разделяемых в той или иной степени членами данной этнической группы общих представлений, которые формируются в процессе взаимодействия с другими народами [Солдатова, 1988: 111-125]. Данные представления-маркеры образуют этнические границы, отделяющие этносы друг от друга. Понятие этнической культуры сводится к групповым стереотипам, формируемым политической элитой.

Конструктивистский подход к этносу и этничности распространился в 70–80-е годы XX века. Согласно ему, этничность – это этническое чувство и формируемые в его контексте представления и доктрины, представляющие собой интеллектуальный конструкт, создаваемый писателями, учеными, политиками. Апологет данного подхода в России – В.А. Тишков – дает определение этносов как общностей на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям. Этносы существуют на основе историко-культурных различий и являются социальными конструктами, возникающими в результате целенаправленных усилий людей и создаваемых ими институтов, особенно со стороны государства. При этом культурные характеристики, на основе которых формируются границы общностей, являются избирательными и могут меняться не только в историко-временном, но и ситуативном планах [Тишков, 1997: 11]. Этническая культура не определяет изначально этничность, но сам человек выбирает себе этническую общность и соответствующую культуру.

Суть всех научных подходов – это вопрос: существует ли этнос как самостоятельный социальный феномен, либо данное понятие было придумано

учеными. Отсюда и различные взгляды на природу этнической культуры: от объективного фактора до мифа, созданного элитой в определенных целях. Однако при любом подходе этническая культура остается основным фактором, характеризующим и отграничивающим этнос от других подобных социальных образований.

Не отрицая возможности использования различных теоретических подходов в изучении этнической социализации, автор всё же отдаёт предпочтение устоявшемуся в отечественной науке примордиалистскому пониманию этноса, в рамках которого под этнической культурой понимается «вся совокупность несущих этническую нагрузку компонентов» [Бромлей, 1983б: 116]. Выше упоминалось, что этническая культура обеспечивает функционирование этноса в качестве системного целого, выполняя этнодифференцирующую и этноинтегрирующую функции. Так как все компоненты культуры несут определенный внутренний смысл, выступают своего рода маркерами, обозначающими культурную границу этноса, то они обеспечивают взаимное понимание и взаимную информацию среди членов этноса, без чего невозможна была бы их совместная деятельность, а также делают возможным накопление, хранение и передачу из поколения в поколение информации, обеспечивающей культурную преемственность этноса. Основными носителями этнических свойств, по мнению Ю.В. Бромлея, являются традиционно-бытовая культура, обиходный язык и обыденное сознание [там же: 140]. Именно язык и обыденное сознание (в его состав входят такие компоненты как религия, ценностные и соционормативные установки) в некоторых случаях выполняют функции основных этнических признаков. В традиционно-бытовой культуре этническая специфика дольше всего удерживается в пище, жилище, одежде, и ребенок в процессе жизни в семье тесно взаимодействует с окружающими его предметами обихода, орудиями труда, которые приобретают социальную сущность и непроизвольно влияют на формирование этнических символов народа, прививают любовь к его культуре, формируют этническое самосознание.

Одним из признаков этноса выступают типичные для этноса черты характера. Механизмом их воспроизводства также служит процесс передачи группового опыта. С самого рождения ребенок уже является объектом культурной интерпретации со стороны взрослых, заинтересованных в более полном усвоении им группового опыта, поскольку они для себя определяют, какими качествами он должен обладать и сообразно с этим включают его в повседневную жизнь общества. В ходе усвоения опыта идет развитие психики ребенка, так как, по утверждению психологов культурно-исторического направления, функционирование индивидуальной психики имеет социокультурное происхождение. Следовательно, индивид, усваивая культуру своего народа, одновременно усваивает традиционные формы психической деятельности, присущие данной общности. А такими формами, как отмечал Ю.В. Бромлей, обусловлено внешнее различие в поведении, реакциях людей разной этнической принадлежности по одному и тому же поводу [Бромлей, 1983а: 72].

В процессе этнической социализации происходит воспроизводство этнической культуры в каждом новом поколении. Конкретный индивид, воспринимая культуру этнической общности в качестве своей собственной (внутренней), осознает своё единство с другими подобными носителями культуры, следовательно, и со всей общностью. Данному осознанию индивидами своего этнического единства (этническому самосознанию) в функционировании этноса как системы отводится важная роль, ибо, во-первых, без самосознания нет этнической общности, во-вторых, обладающий этническим самосознанием индивид выступает уже носителем культуры конкретного этноса и начинает сам передавать её, подобным образом участвуя в процессе воспроизводства этноса.

В отечественной этнологической науке не сложилось однозначного подхода к определению понятия «этническое самосознание». В научный оборот данное понятие было введено П.И. Кушнером (Кнышевым), который рассматривал его как единственный четкий этнический определитель. По его

мнению, этническое самосознание меняется у человека или общественной группы лишь как конечный результат уже завершившихся перемен в материальной культуре и социальном быту [см. подробно: Александренков, 1996: 18].

В первой половине семидесятых годов прошлого века Ю.В. Бромлеем была разработана теория этноса, в которой этническое самосознание определяется, как один из признаков этнической общности, отражающей её объективное бытие. Автор подчеркнул, что термин этническое самосознание может быть интерпретирован в широком и узком смысле. Этническое самосознание в широком смысле, по мнению Ю.В. Бромлея, это представление людей о собственном этносе, его свойствах. Сюда же могут быть отнесены идентификация индивида с определенной этнической общностью, а также представления о типичных чертах, свойствах своего этноса и некоторые другие компоненты. Этническое самосознание в узком смысле, по мнению В.И. Козлова, – осознание людьми своей этнической принадлежности [Козлов, 1974: 84].

Перемены, произошедшие в российском обществе в 1990-е годы, затронули этнологическую науку и её понятийный аппарат. В научный оборот были введены новые понятия и термины. При этом на западе традиционно продолжают употребляться термины «идентификация» и «идентичность», введенные в этнографию в пятидесятых годах XX века Э. Эриксоном, в понимании которого идентичность – это отождествление себя индивидом с той или иной социальной общностью, а идентификация является, с одной стороны, механизмом становления идентичности, а с другой – актом ее распознавания. Проникновение данных терминов в отечественную науку вызвало споры о правомерности их использования, так как одно и то же понятие может нести различные смысловые нагрузки. Однако большинство ученых сходится во мнении, что термин «этническая идентичность» тождественен понятию «этническое самосознание в широком смысле», а «этническое самосознание в

узком смысле» во многом соответствует английскому «этническая самоидентификация».

Рассмотрение проблемы этнического самосознания неразрывно связано с выделением структурных компонентов данного феномена. Здесь среди отечественных этнологов пока тоже нет единого подхода. Ю. В. Бромлей в свое время выделил следующие компоненты этнического самосознания: представления об определенной идентичности всех членов общности, о типичных чертах «своей» общности, а также осознание этнических интересов, отражающих потребности существования развития данной этнической общности как целостного образования [Бромлей, 1983: 176].

Г.В. Старовойтова вычленила такие важнейшие эмпирические индикаторы самосознания как этническая идентификация, а также представления этнофора об этноконсолидирующих и этнодифференцирующих признаках, о так называемом «национальном характере», об общности черт внешнего облика этнофоров. К косвенным эмпирическим индикаторам она отнесла некоторые элементы культуры (национальные праздники, обычаи, обряды), язык, ориентации в межэтническом общении [цит. по: Хотинец, 1999: 9].

Этносоциолог Ю.В. Арутюнян выделяет четыре «этнических источника», питающих этническое самосознание: родовой, психологический, культурный и социальный. К родовому источнику он относит осознание общности происхождения и исторических судеб народа, то есть он продукт социально-биологической природы, объединяющий своих по роду и племени в своей или иноэтнической среде. В психологический источник входят накопленные народом духовные идеалы – от религиозных до социальных. Культурный источник питается реальными культурными интересами, приобщенностью людей к своей национальной культуре. Социальный источник представлен социальной позицией и социальными интересами этноса [Арутюнян, 1990: 42].

Когнитивная структура этнического самосознания Г. У. Солдатовой включает следующие основные группы признаков: этнокультурные

особенности; черты характера; отношение к людям; оценка поведения и динамических характеристик [Солдатова, 1988: 111-125].

В.С. Воронцов рассматривает этническое самосознание как сложное многоуровневое образование, вбирающее в себя, помимо этнической, другие самоидентификации, отражающие уникальные особенности этнической общности [Воронцов, 2003: 67].

В.Ю. Хотинец в разработанной ею психологической структуре этнического самосознания выделяет следующие компоненты: осознание особенностей этнической культуры своей этнической общности, осознание психологических особенностей своей этнической общности, осознание тождественности со своей этнической общностью, осознание собственных этнопсихологических особенностей, осознание себя в качестве субъекта своей этнической общности, социально-нравственная самооценка этничности. Исследователь дает определение этническому самосознанию как относительно устойчивой системе осознанных представлений и оценок реально существующих этнодифференцирующих и этноинтегрирующих компонентов жизнедеятельности этноса. В итоге формирования данной системы человек осознает себя в качестве представителя этнической общности [Хотинец, 2000: 88]. На мой взгляд, это определение во многом объединяет предыдущие точки зрения на природу этнического самосознания и более полно раскрывает суть данного феномена.

Этническое самосознание формируется постепенно в процессе социализации. Социологи из Башкирии – Ф.С. Файзуллин и А.Я. Зарипов – исследуя особенности формирования этнического самосознания, на основе эмпирического материала выделили три фазы повышенного интереса к этнической принадлежности. Первый пик личностной идентификации приходится на дошкольный период, когда ребенок получает основную информацию от родителей и близких родственников. Вторая фаза протекает в период учебы в школе. Третья, заключительная, фаза процесса идентификации проходит в студенческие годы. В то же время они уточняют, что осознание

этнической принадлежности к каждому приходит индивидуально [Файзуллин, Зарипов, 1997: 40]. Подобная периодизация процесса формирования этнического самосознания встречается и в работах других ученых (Ю.В. Бромлей, И.А. Снежкова, Ю.В. Хотинец и др.)

Так, И.А. Снежкова выделяет следующие этапы в развитии этнического самосознания. Начальный этап приходится на дошкольный и младший школьный возраст, когда ребенок ещё нечетко осознает общность с людьми своего этноса, немотивированно выбирает свою этническую принадлежность, у него пока не сложились твердые этнические знания [Снежкова, 1982: 80-88]. В этот период детская игра приобретает большое значение в освоении ребенком общественных связей, форм общения. Э. Эриксон считает игру формой освоения жизненного опыта, овладения действительностью через эксперимент и планирование [Эриксон, 2000: 210]. На данном этапе семья является первым звеном, знакомящим ребенка с этническими знаниями, формирующие его самосознание. Большую роль при этом играют межнациональные контакты родителей [Снежкова, 1983: 136].

Второй этап развития этнического самосознания охватывает подростковый возраст (11–15 лет). В этот период наряду со становлением различных видов самосознания начинает оформляться и этническое. Подростки осознанно могут соотнести себя с определенным этносом, у них формируются чувства, связанные с осознанием принадлежности к этнической группе [Хотинец, 2000: 77].

Третий этап приходится на старший школьный возраст (16–17 лет). На данном отрезке жизни укрепляется осознание своей этнической принадлежности, определяется мотивировка выбора своей национальности. На формирование этнического самосознания детей наибольшее значение оказывает школа, которая по сути своей деятельности раскрывает индивидуальность каждого ребенка, помогает ему определиться и по возможности реализоваться.

В дополнение к вышеперечисленным В.Ю. Хотинец выделяет еще один (четвертый) этап в становлении этнического самосознания. По её мнению, юношеский (студенческий) возраст (18–22 лет) является решающим периодом генезиса этнического самосознания, его упрочнения и закрепления. В период обучения в вузе этническое самосознание молодого человека расширяет систему представлений о мире, укрепляет его место в нем [там же: 148].

Следовательно, итогом процесса этнической социализации является формирование этнического самосознания индивида, продолжающееся до периода юношеского возраста. Человек, став носителем этнической культуры, сохраняет осознание принадлежности к этносу всю жизнь. Как отметил С.Е. Рыбаков, любое иное качество личности, связанное с идентификацией, меняется, а принадлежность к этносу нет [Рыбаков, 2000: 10]. То есть сложившееся к этому возрасту этническое самосознание уже практически не изменить, правда эмоциональная окраска от идентификации с этносом может варьироваться. Индивид, даже сознательно отказавшись от своей этнической принадлежности, поменяв её, не перестает быть представителем «своей» этнической группы. Она продолжает его держать через национальный характер, психологию, родственные связи, стереотипы мировосприятия и поведения вне зависимости от того, осознаваемы они или нет, желательны или нежелательны для самого человека.

Рассмотрев по возможности все стороны этнической социализации, следует отметить, что в данном феномене необходимо разделять уровень этноса и уровень личности. В понятие этническая социализация включается:

1. Механизм самосохранения этноса, с помощью которого осуществляется его стабильность во времени, посредством межпоколенной передачи и воспроизводства этнокультурной традиции.
2. Процесс усвоения этнической культуры индивидом, в результате которого он сознательно отождествляет себя с определенной этнической общностью. Этническая социализация является частью общего процесса социализации личности и продолжается с рождения

ребенка примерно до юношеского возраста, когда заканчивается формирование этнического самосознания индивида.

Глава II. Этническая социализация в традиционном удмуртском обществе

В данной главе рассматриваются субъекты и механизмы этнической социализации в традиционном удмуртском обществе. При написании главы автор опирался в основном на труды дореволюционных исследователей, чьи наработки широко использованы в научных сочинениях ученых более позднего времени. Благодаря этому, отдельные стороны жизни удмуртского общества, к настоящему моменту изученные уже достаточно глубоко, в главе затронуты несколько схематично, основной же упор сделан именно на исследовании этнической социализации, на отдельных примерах отмечены основные аспекты механизма культурной трансмиссии. Общеизвестные источники рассматриваются именно в русле данной исследовательской задачи.

Традиционная культура этноса представляет собой совокупный опыт самосохранения этноса как цельной социальной системы на всем протяжении этнической истории, выполняя этнодифференцирующую и этноинтегрирующую функции. Посредством культурной трансмиссии подрастающие поколения приобретают групповой опыт. Характерной чертой традиционных обществ является то, что новым поколениям передается не культура вообще, а именно этническая культура. Каждый конкретный индивид в процессе социализации воспринимает культуру этнической общности в качестве своей собственной (внутренней), а также осознает своё единство с другими подобными носителями культуры, следовательно, и со всей общностью.

Для любого сложившегося этноса обязательно наличие самоназвания – этнонима. Единое самоназвание предполагает существование самосознания, во многом строящегося на антитезе «мы» - «они» [Бромлей, 1983: 48]. Этноним *удмурт* (*утморт*, *уртморт*, *укморт*) имеет раннее происхождение и зафиксирован уже в литературе XVIII века. Пожалуй, первым об этом написал Д.Г. Мессершмидт, проехавший по землям северных удмуртов (вдоль реки Чепцы) в конце 1726 года: «...имя же их, служащее им на их языке, которым они пользуются издревле, звучит Уд-мурт» [цит. по: Напольских, 2001: 81].

Подтверждение тому, что данный этноним использовался и другими группами удмуртского этноса, мы находим у Г.Ф. Миллера, исследовавшего в 1733 году южных удмуртов [Миллер, 1896: 11]. В этом этнониме прозрачна основа «мурт», «морт» – индоиранское: «человек, муж, мужчина». Объяснение же первой части – «уд» – несколько разноречиво. Так, тот же Г.Ф. Миллер считает, что оно произошло от марийского «ода» и есть имя собственное [там же: 11], данную точку зрения отстаивал и академик П. Хайду [Никитина, 1995а: 220]. Следующее предположение выводится из того, что удмуртское «уд» и коми «од» означают практически одно и то же – «всходы, поросль, весеннюю зелень на лугах». Поэтому и значение этнонима можно перевести как «луговой человек». Часть исследователей полагают, что самоназвание «удмурт» ассоциируется с рекой Вяткой (по-удмуртски Ватка), и первоначально он звучал как ват-мурт – «человек с реки Вятка», а затем трансформировался в отмурт – утмурт – удмурт [Никитина, 1995: 220]. Наиболее интересна точка зрения В. В. Напольских, согласно которой частица «уд» восходит к праформе «od», являющейся самоназванием, заимствованным из иранских языков и означающим «вне, снаружи, крайний». Исходя из этого, самоназвание удмуртов интерпретируется как иранское – «человек окраины, житель приграничья» [Напольских, 2001: 126]. От данной же праформы выводится и русское название удмуртов – вотяк [Этнография удмуртов, 2000: 110]. По этому поводу следует отметить, что термин «вотяк» рано приобрел негативную коннотацию. Зачастую он, как сообщают источники, употреблялся в качестве ругательства со стороны русских и татар по отношению к удмуртам [см. подробнее: Жаков, 1903: 184; Верещагин, 1995: 23], а во внутриудмуртской среде, вероятно, практически не использовался, иначе бы дореволюционные исследователи, затрагивающие данную тему, не отмечали особо тот факт, что «вотяки» сами себя называют удмуртами [см. подробнее: Богаевский, 1988: 14].

Заметим, что в нашем случае не столь важно, какое значение несет в себе этноним удмурт. Гораздо важнее то, что он служит наглядным внешним выражением этнического самосознания, он позволял и позволяет членам

удмуртского общества идентифицировать себя со своим этносом. А это во многом является итогом процесса этнической социализации.

Овладение культурой этнической общности (в том числе и этнонимом) – это многоплановый процесс, включающий различные аспекты жизнедеятельности этноса. Для наиболее полного анализа этнической социализации удмуртов рассмотрим следующие моменты: этнический идеал личности, субъекты и институты социализации (социокультурное окружение) и факторы социализации.

§ 1. Этнический идеал личности

Многие исследователи, изучающие мир детства в той или иной культуре, отмечают наличие некоего идеального образа человека, обладающего набором качеств, которые являются приоритетными в данном обществе. Эти качества-ценности формируются под непосредственным влиянием социальных нужд этнической общности, среди которых потребности её самосохранения как социальной системы являются исходными. Данный образ присутствует в индивидуальном и общественном сознании народа, он составляет ядро, ось обыденной, народной психологии любой этнической группы. И целью социализации является формирование такого члена общества, который соответствовал бы идеальному образу человека в данной культуре, или, как определяет его И.С. Кон, имплицитной (то есть подразумеваемой) теории личности.

Поскольку ценностные установки предполагают ориентацию на них членов социума в своей деятельности, то этнический идеал личности – это основополагающий образец поведения, с которым соотносятся все формы социального поведения, в особенности – воспитание подрастающих поколений [Кон, 1988б: 110]. Выявить качества идеальной личности можно рассматривая авто- и гетеростереотипы, ибо они содержат в себе элементы целостной программы межличностных отношений как внутри этноса, так и с

иноэтничным окружением. И через восприятие данных стереотипов подрастающим поколением передаётся специфичный коллективный опыт поведения, накопленный этнической группой, формируются традиционные формы психической деятельности.

Идеал человека, сложившийся в удмуртском обществе, можно проследить на примере закликательных текстов-*куриськонов*, содержащих народные идеи о совершенном устройстве мира. Из общего контекста идеальных представлений нас интересует желаемая удмуртами модель социальных отношений, поскольку из неё вытекает необходимая этносу идеальная личность, образ ребенка и его место в культуре этноса. Кроме того, выражением положительных стремлений народа служат народные изречения, прежде всего пословицы. Именно в них человечество лаконично пытается постичь и передать последующим поколениям извечные истины, охарактеризовать те или иные явления, жизненные ситуации [Удмуртский фольклор, 1987: 6-7]. Следует отметить, что удмуртские пословицы (*визькыльёс*) являются источниками обильного пласта информации о быте, нравах и обычаях народа. Однако, принимая во внимание, что некоторые из них могут быть заимствованными, в работе использованы те пословицы и поговорки, смысловое значение которых повторяется в других подобных изречениях.

Как пишет этнограф В.Е. Владыкин, в системе социальных ценностей удмурты важное место отводили оптимальным отношениям со своими близкими и дальними родственниками, однодеревенцами и вообще «добрыми людьми» [Владыкин, 1994: 306]. В своих молитвах-*куриськонах* они почти всегда подчеркивали перед богами, что находятся в добрых отношениях с ближайшим окружением и выступают единодушно: «без споров и пререканий пришли мы с нашими добрыми соседями», «вместе с добрыми соседями с малой семьей мы единодушно приносим жертву» [Первухин, 1988, III: 9, 18]. И особо просили богов «от злонамеренных и завистников избавьте, помилуйте нас» [там же: 15], пусть только «хорошие люди заезжают во двор к нам» [там

же: 33]. Во многих удмуртских пословицах прослеживается схожая мысль: «*Ачид понна гинэ эн улы, мурт понна но тыршы*» (Живи не только для себя, но и для людей), тогда и жизненные трудности легче будут переноситься, «*Огъя кылын улыны капчи*» (В согласии жить легче) [Удмуртский фольклор, 1987: 91]. Суровый опыт самосохранения подсказывал – только объединившись, можно выжить. А чтобы жить в обществе, нужно принимать те соционормативные установки, которые в нём существуют. Поэтому во многом социальное благополучие, успех в хозяйственных и прочих делах удмурты видели в конформизме членов семьи, общины. Каждый член общины должен относиться к другим людям с добром, быть «хорошим», то есть не творить людям зла: «*Нечен улон неч*» (С добрым и жить хорошо), «*Неч мурт нокытын но синазькыл уг луы*» (Хороший человек никогда не будет презренным) [там же: 71]. То же самое должно быть и в семье – в важнейшем социальном институте. Для удмуртов семья, где нет согласия, – это неполноценная семья: «*Тэшкам тэркы но тэшкам семья огкадесъ: жингрес куара уг сёто ни*» (Раздорная семья, что треснувшая тарелка: звонкого звука не издает). Тогда как в дружной семье жизненные трудности переносятся легче: «*Тупаса улһсь кузпальёслы кӛс шыд но шуд вае*» (Дружным супругам и постный суп счастье приносит) [там же: 118].

Символом продолжения семейных и общинных традиций выступали дети. Любовь удмуртов к детям отмечают многие исследователи. Дети – предмет особой заботы удмуртского крестьянина, в них он видел свое счастье [Верещагин, 1995: 21]. Причем в семье детей должно быть много, и об этом удмурты просили своих богов в молитвах-куриськонах: «Чтоб мой двор был полон проворными детьми, чтоб они сновали-летали, как ласточки перед дождем» [Владыкин, 1994: 295], об этом говорят и пословицы: «*Корка нылпиен шулдыр*» (Изба детьми весела) [Удмуртский фольклор, 1987: 113]. С детьми связывалась надежда на спокойную, обеспеченную старость: «*Лыт шулдыръяскемед ке потэ, нылпи вордыны тыршы*» (Если хочешь порадоваться на закате дней, постарайся вырастить детей) [там же: 112]. Дети

обеспечивали приток свежих рабочих сил в крестьянское хозяйство, на них ложилась обязанность кормить своих родителей в старости. И хотя, как отмечают исследователи, у удмуртов не существовало выраженного предпочтения мальчиков перед девочками [Владыкин, 1994: 308], все же сыновей ждали больше, так как они не покинут родной дом, к тому же на их «души» будет выделен земельный пай: «*Пиез нылын уз воштэ*» (Мальчика на девочку не променяют) [Удмуртский фольклор, 1987: 108].

В молитвах-куриськонах удмурты отмечали и основные качества, которыми должен обладать каждый ребёнок. Рассмотрим фрагмент молитвы, читаемой при рождении мальчика: «Да будет новорожденный работящ, силен, обходителен с людьми... » [Первухин, 1988, III: 36]. Пожелание показывает, что главная цель, которая ставилась перед удмуртами в воспитании, это вырастить, прежде всего, трудолюбивого, сильного, здорового человека. Он должен быть обходительным с людьми, чтоб о нем всегда отзывались добрым словом. Мальчик должен вырасти в главу семьи, хорошего хозяина, стать «*йкскадь адями*» (настоящим человеком). Для девочек просят: «Да будет новорожденная искусной пряхой... да будет ей уделом хороший муж...» [там же: 36], то есть девочка должна стать работающей хозяйкой, любящей и заботливой матерью, женой, про которую говорят: «*умой кышномурт – лыны юрт*» (Хорошая жена – полдома).

Важным воспитательным аспектом в традиционном удмуртском обществе являлось почитание старших. П. Богаевский, рассматривая религиозные представления, отмечал, что, по мнению удмуртов, все их благосостояние зависит от расположения умерших предков, поэтому на обязанности потомков лежит память и забота о своих прародителях [Богаевский, 1890, VII: 43-44]. Данная модель распространялась и на социальные отношения в обществе, в семье. С ранних лет детей приучали к мысли о необходимости почитания родителей, уважительного отношения к пожилым людям. Молодые должны жить по заветам старших: «*Бадным муртлэсь верамзэ пеляд пон*» (дословно: Советы старших в ухо положь),

«*Кызы атайёсмы улһллям, милемыз но озы косһллям*» (Как отцы жили, так и нам завещали) [Удмуртский фольклор, 1987: 113]. Полноценным членом общности можно было быть, зная свои корни, своих предков: «*Неч муртъёс пклын неч луэмед потэ ке, ас выжыысьтыд куинь полэс песьяйдэ но песьятайдэ вунэтоно квкл*» (Если среди хороших людей хочешь быть хорошим человеком, помни в своем родстве (хотя бы) одну бабушку, прабабушку, прапрабабушку, одного деда, прадеда и прапрадеда) [там же: 71]. Таким образом, дети должны были стать продолжателями народных заветов, воспринимая и передавая через поклонение предкам традиции этнической культуры.

Для традиционных установок удмуртского общества специфичной была особая зависимость оценки молодых людей от социального статуса, нравственных качеств их родителей: «*Кызлэн кускилиз кыдёке уз палды, адямилэн но пиналыз мурт выжые уз мыны*» (Шишка от ели далеко не упадет, и ребенок в чужого не уродится) [там же: 113]. Здесь налицо четкое осознание ответственности родителей за формирование в детях общественно значимых качеств. Вот почему взрослые члены семьи настраивали своих детей на то, чтобы те не уронили честь семьи: «*Синмысь медам усыы*» (буквально: с глаз не упади – не потеряй доброго общественного мнения) [там же: 92].

Необходимость сосуществования в согласии и мире с непосредственным окружением требовала от каждого члена общности наличия соответственных черт характера. Целый ряд удмуртских пословиц содержит поощрения проявлений сдержанности и обдуманности в словах и поступках, например: «*Ушъяськыса нече уд поты*» (Хвастовством в люди не выбьешься) [там же: 86]. В отношениях с людьми следовало быть правдивым, честным, не таить зло и неприязнь: «*Шонер адямиез калык яратэ*» (Правдивого человека люди любят), «*Кас мурт ассэ но адһонтэм каре*» (Злой человек и себя ненавидит) [там же: 93, 83]. Не одобрялись завистники: «*Вожъяськон сюләмез сыномытэ*» (От зависти сердце ржавеет) [там же: 82], поощрялась бережливость: «*Пырыен шыръямысь пог люкаське*» (Из сбереженных крошек колобок наскребается), но осуждались скупость и жадность – «*Чурытаськем нече уг вутты*» (Скупость

до добра не доводит) [там же 186-187]. Формируемые у каждого индивида черты характера по возможности должны были облегчать взаимное сосуществование членов общности.

Как уже говорилось, анализ авто- и гетеростереотипов (представлений о собственном и чужих народах) позволяет полнее раскрыть сущность бытовавшей в удмуртском обществе модели идеальной личности. Данные сложившиеся определения-штампы не просто суммируют те или иные характерные черты этносов, они выражают ценностное отношение к ним. Этнические стереотипы выполняют важную функцию, определяя поведение человека и помогая ему ориентироваться в необычной обстановке [Бромлей, 1983: 183]. Они выражают те стандарты поведения, которых должны придерживаться все члены этноса и, следовательно, являются критериями воспитательной цели. Ибо индивид, зная бытующие характеристики своего народа, старается им отвечать и выбирает необходимые для этого формы поведения. Например, считая свой народ гостеприимным, он и сам будет стремиться соответствовать этому эталону, сообразуясь со стандартом, принятым в обществе. В связи с этим стоит задаться вопросом по поводу негативных автостереотипов: их наличие в общественном сознании, не есть ли во многом результат иноэтничного влияния, насаждения постороннего мнения? Ведь совсем не случайно Ю.В. Бромлей отмечал, что среди характеристик «своего» этноса преобладающими обычно являются положительные самооценки [там же: 183]. Что и понятно, ибо превалирование негативных стереотипов начинает угрожать целостности этноса: индивид, стараясь избавиться от чувства этнической неполноценности, вероятнее всего постарается идентифицировать себя с более «престижной» этнической общностью, как это чаще всего и происходит в реальной жизни.

Этнические гетеростереотипы, сложившиеся в историческом прошлом, могут сохраняться в обществе достаточно значительное время и обуславливать определенное поведение. Небольшой пример можно привести из современной практики. В Сарапульском районе Удмуртии среди жителей русских деревень,

соседствующих с удмуртскими, существует убеждение, что практически все удмурты умеют колдовать и обладают магическими знаниями. При бытовых конфликтах с удмуртами они всегда помнят об этом, опасаясь порчи. Угрозы о порче, сглазе, колдовстве воспринимаются всерьёз, что не мешает русским охотно обращаться к удмуртам за знахарской помощью, так как она считается более эффективной.

Представления о собственном народе, о самих себе, бытовавшие в традиционной удмуртской среде, выявить достаточно сложно, так как в письменных источниках в основном даются субъективные суждения сторонних наблюдателей. Можно предположить, что рассмотренные выше идеальные качества выступают в какой-то мере и автостереотипами, поскольку они распространялись на весь этнос и предполагали определенные сценарии поведения.

Чаще всего удмурты контактировали с русскими и татарами. Достаточно болезненный для удмуртов процесс русской колонизации, а также историческая память о периоде владычества казанских татар сформировали настороженное отношение к представителям данных этносов. Этнодифференциация усиливалась заметными различиями в материальной и духовной культуре. Поэтому удмурты в большинстве своем старались сводить количество межэтнических контактов к минимуму. Уже первые исследователи – участники академических экспедиций XVIII века – указывали, что удмурты «...ни с каким народом дружеского обхождения иметь не хотят или жить вместе в одной деревне» [Миллер, 1896: 2]. Правда, необходимо помнить о том, что вплоть до конца XVIII века территория нынешнего расселения удмуртов оставалась практически моноэтнической, миграции русских крестьян проходили довольно мирно, переселенцы направлялись в места, недостаточно обжитые, и практически не ущемляли экономических интересов коренного населения. Поэтому в районах длительного контактирования с русским населением, особенно на периферии этнической территории удмуртов, в селениях вдоль

трактов, административно-торговых центрах имели место процессы дружеского сближения, взаимной ассимиляции [Шкляев, 1992: 76-77].

Тем не менее, представления удмуртов о русском этносе в XIX веке имели и негативные нюансы. Это было вызвано массовыми злоупотреблениями членов административного аппарата, представленного преимущественно русскими, по отношению к удмуртскому населению, а также насильственной христианизацией, осуществляемой далеко не христианскими методами: с помощью угроз, полицейских мер. Межэтническое напряжение усиливается с началом активного притока русского населения на территорию Удмуртии в первой четверти XIX века. По расчетам исследователей, только с 1795 г. по 1850 г. численность русского населения выросла почти вдвое, усилилась этническая чересполосица, увеличилось число смешанных селений [Гришкина, 1994: 139]. Происходит рост интенсивности межэтнических контактов, что приводит к усилению эмоциональной напряженности [Шкляев, 1992: 80]. Кроме того, более ощутимой стала проблема малоземелья, что ещё более усугубляло взаимное недовольство [Гришкина, 1995: 224-225], которое формировало и соответствующие этнические образы. Исследователь этнической психологии удмуртов Г.К. Шкляев отмечает, что ко второй половине XIX века в сознании российского общества утверждается стереотип этнической иерархии, согласно которому удмуртский народ стоял на более низкой ступени развития: «Отношение русских к удмуртам ... оценивается как пренебрежительное, как к народу с низкой нравственностью; их стали считать недалекими по уму, мстительными и т.д. По свидетельству священника П. Глезденева, в значительной части русского общества нередко были слышны самые дикие и грубые мнения и выражения об удмуртах, особенно среди необразованной его части – крестьян и ремесленников» [Шкляев, 1992: 80]. Подобные стереотипы имели место и в татарской среде. Конечно, не стоит считать, что рассматриваемые представления существовали среди всего русского и татарского населения – это было бы неправильно, но все же бытование подобных стереотипов приняло достаточно распространенный

характер. Такое отношение к удмуртам, к сожалению, встречается и в наши дни. Всё это приводит к тому, что у удмуртов формируется ответное противодействие. Они начинают не только настороженно относиться к иноэтничному окружению, но, как отмечают этнографы, «вот так редко перед кем выскажется по душе, так велико в нем недоверие к людям другой национальности» [Тезяков, 1892: 4]. По мнению ученых, зависимое положение, постоянное ожидание новых несчастий сформировало такие черты характера удмуртов как необыкновенная робость, сдержанность и скрытность в выражении своих чувств [Верещагин, 1995: 23]. Описания удмуртов конца XIX века содержат следующие однотипные характеристики: удмурт «ходит тихо, смотрит в землю. Вид у него испуганный, недаром русские... дали им обидное прозвище «рябчиков» [Харузина, 1898: 8]. П.М. Богаевский указывает, что по отношению к посторонним каждый удмурт проявляет такие качества как упрямство, скрытность и подозрительность [Богаевский, 1888: 15]. Это нашло отражение в образном представлении соседних народов. Священник И. Васильев записал предание, где описывается происхождение волков от русских. Рассказчики отмечали, что как кровожадные волки нападают на скот, так и русские преследуют вотяков [Васильев, 1902: 12]. Образность прослеживается и в прозвищах, которыми, по свидетельству Г. Е. Верещагина, удмурты награждали русских – «*паськыт чырты*» (широкое горло), «*пуны*» (собака), «*бадъым ќт*» (большой живот) и другими подобными эпитетами [Верещагин, 1996: 33]. Данный ряд образов можно завершить удмуртской поговоркой, сконцентрировавшей отношение к этим этносам: «*Нуч – гондыр, бигер – кион, удмурт – сяла*» (Русский – медведь, татарин – волк, удмурт – рябчик).

В целом, опыт иноэтнических контактов сформировал у удмуртов представление о внешнем окружении как достаточно агрессивной среде, угрожающей целостности этноса. И данная информация сохраняется в народной памяти в виде этнических стереотипов, которая затем усваивается в процессе воспитания. Исходя из этого, каждый удмурт в отношениях с

представителями других этносов должен, если хорошо их не знает, по возможности относиться к ним с недоверием, держать себя скрытно, постоянно контролировать свои действия, стараться не привлекать к себе лишнего внимания.

Основные качества этнического идеала в удмуртском обществе формировались на протяжении всего исторического развития этноса. Во-первых, необходимость сохранения себя как социального целого, решение проблем обеспечения жизнедеятельности членов социума, адаптация к занимаемой природно-климатической и экологической нише выработали в удмуртах одно из важнейших ценностных качеств, культивирование которого в позднейших поколениях считалось первостепенной задачей. Это – быть тружеником. Общество было настроено на рождение человека здорового и полноценного как психически, так и физически, способного выполнять тяжелую и разнообразную работу, связанную с земледелием, животноводством, промыслами и ремеслами. Удмурт рождался в крестьянском обществе и был запрограммирован на социализацию в нем. Во-вторых, проблема выживания требовала от отдельных индивидов объединения в общественный организм. Для нормального функционирования общества каждый должен был обладать определенными качествами: конформизмом по отношению к членам общности (обходительность с людьми); почитанием старших, опорой в жизни на традиции этнической культуры (жить, как жили предки); наличием черт характера, облегчающих взаимное сосуществование в семье и коллективе (честность, исполнительность, послушание и др.). Человек должен был быть «как все», не выделяться из среды общинников, что, кстати, приводило к приоритету общества над личностью. В-третьих, особенности контактирования с иноэтничным окружением диктовали специфические способы поведения, необходимые для самосохранения. Соседство с доминирующими численно и по социальной активности этносами заставляло удмуртов воспитывать в себе и детях такие значимые, с их точки зрения, качества как замкнутость, скрытность, немногословность, вынуждало их занимать позиции

оборонительной самоизоляции, стараться свести межэтнические контакты к минимуму. Данная модель поведения и ценностные качества индивидов действительно помогали выживать, но в то же время сами члены социума находились в постоянном эмоциональном напряжении. Идеал личности с необходимыми обществу качествами присутствует в индивидуальном и общественном сознании народа, на его достижение ориентированы методы воспитания подрастающего поколения, но при этом использование его в процессе социализации зачастую происходит стихийно и неосознанно.

§ 2. Субъекты и институты социализации

Воспитание этнофора в традиционном обществе не было специально выделяемым и целенаправленным процессом: окружающее общество готовило человека к социальной роли достаточно «естественным образом». С самого рождения ребенок становился объектом культурной интерпретации со стороны взрослых, заинтересованных в более полном и быстром усвоении им группового опыта выживаемости, что и осуществлялось через включение его в повседневные занятия группы. Повседневные занятия выступали естественной средой непрерывного развития индивида, в ходе которых социализаторы (субъекты) в процессе личного общения, на собственном примере осуществляло передачу культурных традиций. Поэтому наиболее важными институтами социализации в традиционном обществе являлись первичные организации – семья, община, группа сверстников – составлявшие микросреду – общественное окружение, в котором личность находилась в непосредственном устойчивом, систематическом контакте [Снежкова, 1983: 125]. Рассмотрим влияние данных учреждений на процесс формирования человека как члена этнической общности.

Семья является важнейшим институтом социализации. Именно ей принадлежит главная роль в воспроизводстве этноса, межпоколенной трансмиссии этнических свойств [Бромлей, 1983: 83]. Она выступает

экономической, производящей и потребляющей единицей, где на первый план выходят взаимоотношения супругов между собой и со старшим поколением, а также цели и методы воспитания детей [Данилов, Корнилова, 1999: 53]. Через родителей общество погружает ребенка в мир своих ценностей, обычаев, традиций и норм. Поэтому семейные отношения в процессе социализации выполняют многочисленные функции – конструктивную (определение традиций и методов воспитательного воздействия на детей), организаторскую (установление режима труда и отдыха детей), коммуникативную (выработка норм и оптимальных взаимоотношений между родителями и детьми, самими детьми, родственниками и соседями) [там же: 54].

Для удмуртского общества характерно было наличие больших семей, на что обратили внимание уже многие исследователи [см. подробно: Верещагин, 2000: 205; Богаевский, 1888: 45; Харузин, 1883: 262]. По мнению историка М. В. Гришкиной, естественный процесс распада большой семьи и замещение её нуклеарной приостановился ко второй половине XVIII века. С этого времени начинается новое движение по усложнению родственной и поколенной структуры, выражавшееся, в основном в выдвигании на первый план братских неразделенных семей (с проживанием в одной семье нескольких женатых братьев, дядей и т.п.), а также отцовских неразделенных семей (с проживанием в одной семье родителей и женатых сыновей) [Гришкина, 1989: 209]. Это было вызвано рядом причин: сокращением фонда свободных земель, налоговой политикой правительства (по указу Сената от 30 марта 1823 года семейные разделы позволялись только с особого разрешения губернатора, что должно было сохранить оптимальную налоговую платежеспособность крестьянского хозяйства). Однако надежность и хозяйственно-экономическую стабильность большесемейного коллектива осознавали и сами удмурты. Г.Е. Верещагин приводит примеры, когда общинники сами выступали против семейных разделов, считая, что раздробление рабочих рук подрывает основание благосостояния, «и от разделов бывают одни неудовольствия, ссоры, злоба» [Верещагин, 1995: 20]. При этом даже в случае раздела нуклеарные семьи

сохраняли тесные связи с большой семьей. Они осознавали свое кровное единство, старались селиться поблизости (часто в том же дворе), оставаясь, как подметил В. Е. Владыкин, уменьшенной копией большой семьи [Владыкин, 1994: 265]. В итоге, на ребенка, особенно в первые годы его жизни, тем или иным способом воздействие оказывало достаточно большое количество близких людей. По мнению И.С. Кона, подобное «множественное опекуновство» облегчает детям выработку навыков группового кооперативного поведения, основанного на коллективной взаимозависимости [Кон, 1988б: 110], что для традиционного удмуртского общества было необходимым. Кроме того, находясь в общении с членами семьи, ребенок не только приобретал навыки речи и мышления, предметных действий и межличностных взаимодействий, он усваивал образцы поведения взрослых, хотя бы они этого или нет. В семьях удмуртов царила уживчивость, с детьми старались обращаться мягко, редко прибегали к грубым наказаниям [Тезяков, 1892: 19]. Многие исследователи отмечали необыкновенную, на их взгляд, миролюбивость удмурта в семейных отношениях, который в домашней жизни кроток и тих, живет с женой в согласии, с детьми ласков, пользуется за это от младших членов семьи почетом и уважением [см. подробно: Богаевский, 1888: 48; Верещагин, 1995: 20-23; Кошурников, 1880: 38; Харузина, 1898: 9]. Дети, подрастая, воспроизводили семейные образцы поведения в будущем. Помимо того, результаты современных исследований показывают, что мягкое воспитание, теплый заботливый уход формируют у ребенка терпимое отношение к другим людям [Снежкова, 1983: 142]. Вероятно, поэтому в удмуртской среде сохранялись самые тесные дружеские отношения, поддерживаемые даже при неблагоприятных случаях жизни [Кошурников, 1880: 38].

Таким образом, состав семьи и царящие в ней образцы поведения должны были способствовать достижению того идеала личности, который существовал в удмуртском обществе. В то же время вся ответственность за воспитание детей лежала на родителях, несмотря на многочисленный состав семьи. Так, Г.Е. Верещагин указывал, что даже в большой семье каждая из матерей своих

детей кормит отдельно, на детей чужой матери взрослые не обращают внимания [Верещагин, 2000: 22]. Поэтому забота будущей матери о рождении здорового, полноценного ребенка начиналась с того момента, как женщина узнавала о своей беременности. Н.Г. Первухин писал, что беременность долго скрывается даже от родных и близких, дабы не навредить матери и плоду [Первухин, 1890, V: 5]. По возможности женщину освобождали от тяжелых работ, но излишняя её опека не рекомендовалась, так как женщина и ребенок должны быть крепкими, выносливыми, не изнеженными. По замечаниям Г.Е. Верещагина, удмуртские женщины почти до самых родов занимались делами по хозяйству, и поэтому в сравнении с окружающими народами рожали значительно легче [Верещагин, 2000: 14]. Ожидающая ребенка женщина считалась психологически слабой и подверженной сглазу и порче. Вот почему беременным следовало избегать большого скопления людей, не ходить на праздники, не отправляться в дальнюю дорогу, и по возможности утаивать сроки родов и приготовления к ним [Попова, 1998: 41]. Кстати, эти представления сохранились до сих пор. Существует поверье: чтобы заручиться удачным рождением ребенка, нельзя заранее готовить «детское» – покупать младенцу одежду, игрушки, коляску, кроватку. Как и прежде, беременной необходимо иметь при себе амулеты, охраняющие её и плод. Виды амулетов были разнообразны: иглы, булавки, металлические предметы, козья и собачья шерсть; носили их с внутренней стороны одежды, или на шее. До сих пор многие женщины прибегают к подобным оберегам от сглаза. Однако они уже не имеют этноспецифического характера, так как представления о них у многих народов нивелировались и потеряли свой первоначальный смысл.

В традиционном удмуртском обществе прерывание беременности и стремление избавиться от ребенка считалось нарушением моральных норм и осуждалось. В этнографических исследованиях XVIII–XIX века практически нет упоминаний о контрацептивах, снадобьях, вызывающих выкидыш, случаях аборт. Отрицательное отношение к прерыванию беременности выражалось в поверьи, что души не родившихся младенцев становятся *кутһсь* – опасными

для людей духами, насылающими болезнь [там же: 38-39]. Правда, современные исследователи указывают, что практика прерывания нежелательной беременности все же существовала, но, очевидно, не была абсолютной. К тому же, надо полагать, женщины не афишировали указанные случаи.

После рождения ребенка первый человек, с которым он общается – его мать. Именно на ней лежало воспитание грудных детей: она кормит, ухаживает, дает ласку. В первые годы своей жизни дети практически не расстаются с матерью – «мать всегда со своим ребенком: едет ли она в поле работать, или в гости, появляется ли на богомолье – ребенок всегда с нею» [Тезяков, 1892: 19]. От нее малыш познает звуки родной речи, что весьма существенно влияет на формирование личности. Кроме того, женщины более консервативны в плане предпочтения традиционной культуры, что играет немаловажную роль в процессе социализации ребенка. Можно предположить, что женщины более, нежели мужчины, заинтересованы в стабильности как таковой, символом которой выступают культурные ценности, обычаи, проверенные поколениями. Отцы не отстранялись совсем от воспитания, но занимались детьми, когда те немного подрастали. Прежде всего, отец являлся кормильцем семьи, он выступал авторитетом и высшим дисциплинатором в семейных отношениях, примером для подражания во внесемейной, общественно-трудовой деятельности [Кон, 1988: 232].

Как уже говорилось, родители старались обеспечить развитие ребенка в соответствии с теми нормами, которые устанавливало общество. Согласно идеям психологов культурно-исторического направления, это, во-первых, проявлялось в примере пролепсиса, когда родители вносили будущее в настоящее. То есть, они так старались воздействовать на реальность, в которой находился ребенок, чтобы он в будущем был подобен тому образцу, который воображали его родители. У удмуртов пример пролепсиса можно увидеть в обряде перерезания пуповины, описанном Н.Н. Первухиным: мальчику пуповина обрубалась топором на полене, а девочке – ножом на прялке,

употребляемом удмуртками при рукоделии [Первухин, 1890, V: 11-13]. Во-вторых, воспоминания родителей о своем прошлом служили культурным основанием для формирования определенного жизненного опыта ребенка в настоящем. Иначе говоря, родители подсознательно стремились воспитывать ребенка так, как когда-то воспитывали их самих. И этим они поддерживали преемственность культурных традиций.

Следующим важным институтом социализации, с которым сталкивался ребенок, был коллектив родственников. В удмуртском обществе практически каждая семья была интегрирована в родовую структуру. По замечанию исследователей, в структуре общинной организации основной единицей часто выступало не столько домохозяйство или человек, сколько устойчивое объединение родственников [Владыкин, 1994: 258]. *Б́кляк, иськавын, цыжы-выжы* – наиболее распространенные названия подобных объединений. П. Богаевский, рассматривая религиозные представления удмуртов, дал определение *б́кляка*, которого в той или иной мере придерживаются практически все современные исследователи. Во-первых, это кровные родственники с отцовской стороны; во-вторых, совокупность лиц, произошедших от одного и того же родоначальника и непременно связанных общностью культа [Богаевский, 1890, IV: 120]. Согласно традиции, родственники селились по возможности вблизи друг друга, составляя отдельное от подобных образований сообщество, земельные наделы родственным группам общинники обычно старались выделять в одном месте [Верещагин, 2000: 76]. Практически все семейные мероприятия проходили с участием членов б́кляка.

По мнению М. О. Косвена, изучавшего в 30-х годах XIX века родовую структуру удмуртов, у них и к тому времени, несмотря на развитие новых, «социалистических» отношений в деревне, «стойко сохраняется религиозно-культовое значение рода» [Косвен, 1931: 33]. Во-многом, члены рода осознавали свою связь через культ предков – почитание *воришуда* (божества-покровителя рода или семьи) [Владыкин, 1994: 289]. Данным же термином или

его производными назывались предметы, связанные с почитанием рода, чаще всего – воршудная коробка с её содержимым. Этимология слова воршуд окончательно не выяснена. Среди удмуртоведов по этому поводу существуют разногласия, но наибольшую поддержку имеет точка зрения, согласно которой воршуд происходит от двух слов: глагола «вордыны» – хранить, оберегать, содержать и существительного «шуд» – счастье, участь, доля, жребий [там же: 275]. Таким образом, термин может быть интерпретирован как «хранитель счастья», «хранитель благополучия», или «охраняемое счастье», «таинственная доля» [Первухин, 1890, I: 51-52]. Кроме того, существует вариант рассмотрения воршуда как духа-покровителя [Чураков, 2003: 4]. Так или иначе, для нас важно, что данный семейно-родовой культ практически всегда выступал фактором объединения кровных родственников, имеющих представление об общем происхождении (общем предке). Каждый воршуд имел собственное имя. Один только Н.Г. Первухин приводит названия примерно пятидесяти [Первухин, 1890, I: 39]. Вероятно, эти имена являются отражением древних тотемистических воззрений, так как в их основе прослеживаются зоо- и орнитонимы.

Внешним отличительным признаком воршудных групп являлось наличие у каждого определенного знака – тамги, или по-другому – бортного пятна (*подэм пус*), который использовался вместо подписи и печати. Г.Е. Верещагин отмечал, что ещё в 1870-х годах на них основывались разные документы, ими заверялись показания свидетелей, они ставились на межах между полосами и на полевых изгородях [Верещагин, 2000: 230]. Со временем (по мере разрастания родственных групп, увеличения количества семей) воршудные знаки разрастались, так как к первооснове добавлялись новые детали. Однако, как пишет Н.Г. Первухин, «знак этот был настолько разнообразен в разных воршудах и однообразен в одном и том же воршуде, что старики легко разбирались в лесу, кому именно принадлежат борти и разные западни» [Первухин, 1890, I: 41].

Итак, в начале XX-го столетия воршудная организация охватывала практически весь удмуртский этнос: почти каждый удмурт четко представлял, к какому воршуду он относится [Владыкин, 1994: 276]. Достаточно устойчивое и полновесное функционирование воршудной организации в этот период позволяет, на взгляд автора, говорить о том, что осознание своей принадлежности к широкой родственной группе было равносильно этнической идентификации личности.

Ребенок входил в круг родственников буквально с самого рождения. Через семейные обряды и обычаи индивид социализировался в рамках семейно-родственных коллективов. В наше время уже не употребляются традиционные удмуртские имена, но еще в конце XIX века исследователи отмечали наличие у них «вотских языческих имен», которыми взрослые нарекали детей наравне с христианскими. Их называли ещё «банными», так как местом имянаречения была баня, где обычно принимались роды [Верещагин, 2000: 18]. Имя зачастую давалось произвольно, но, по некоторым данным, девочкам давали имена по воршудным названиям их матерей [Первухин, 1890, V: 13-14]. Кроме того, ребенок через имя «связывался» с предками: удмурты верили, что именно они дают душу новорожденному [Богаевский, 1890, VII: 47]. Подтверждение этому находим в описании обряда имянаречения у удмуртов, которое сделал финский ученый У. Хольмберг-Харва: «На протяжении всей церемонии перечислялись все имена, которые носили предки младенца. На том имени, котором ребенок переставал плакать и волноваться, взрослые останавливались, считая, что истинное имя найдено, душа ребенка успокоилась» [цит. по: Загребин, 1999: 133]. Г.Е. Верещагин также описывал случай прошения души у умерших предков для мертворожденного ребенка. Таким образом, ребенок, получая удмуртское имя и в глазах родственников принадлежа своему воршуду, одновременно причислялся и к народу, членами которого родители являлись. Позднее ребенок и сам, подрастая, проникался сознанием единства с удмуртским этносом.

Помимо всего, для приобщения ребенка к семейно-родственному коллективу проводились специальные обряды почитания воршуда, которые «привязывали» младенца к своему роду, к семье. К таким можно отнести моление «*вордскон вкй сиён*», проходившее сразу в день рождения. В данном обряде участвовали только члены семьи, самые близкие родственники. На стол ставили горшок с коровьим маслом, кумышку (алкогольный напиток, приготовленный в домашних условиях), соль в солонке, каравай хлеба. Перед угощением все становились на середину избы и старший читал молитву удмуртским богам: Инмару, Кылдысину, Квазю, а также Воршуду – родовому божеству-покровителю. Затем все ели хлеб с маслом и солью и дарили деньги матери новорожденного, самому ребенку [Первухин, 1890, V: 19-21]. Через год-полтора после рождения ребенка, для получения им статуса члена данного семейно-родового коллектива, за него воршуд приносили жертву, причем каждый род жертвовал определенную рыбу. Весьма примечательным является и обряд совместного поедания жертвенной пищи, который происходил практически на каждом семейном молении. По мнению В.Е. Владыкина, совместная ритуальная трапеза является показателем общего происхождения участников, их принадлежности к единому родовому коллективу [Владыкин, 1994: 151].

Одним из главных факторов, объединяющих удмурта со своими родственниками, был культ предков. Все исследователи отмечают большое значение данного культа у удмуртов. Мы уже упоминали о том, что свое благосостояние удмурты связывали с отношением к ним умерших предков. И уважение к памяти умерших родителей или родственников у них было развито «в сильной степени» [Островский, 1873: 39]. Для удмуртов не было клятвы сильнее, чем клятва умершим предкам. Через обряды почитания предков (прежде всего – похоронно-поминальные) индивид проникался чувством единения с родственниками, как живыми, так и мертвыми, что становилось основой осознания «кровного родства» со всем этносом, членами которого являются родственники.

Вхождение в родственный коллектив существенно расширяло потенциал передачи культурных традиций детям, поскольку подобное было возможно только на основе личных контактов. Чаще всего общение, как уже упоминалось, происходило в процессе исполнения семейных обрядов, редко замыкавшихся в кругу семьи, и затрагивавших широкий круг родственников. В семейно-родственном коллективе существовали определенные лица, на которых возлагались роли, непосредственно связанные с соблюдением традиций, – это жрецы (по-удмуртски: «*вксясь*», «*куриськись*»), которые должны были вести моления. Вполне вероятно, что данные люди, следившие в рамках исполняемых ими социальных ролей за правильным выполнением традиций, являлись ещё и субъектами социализации по отношению к подрастающим поколениям и своими действиями способствовали передаче традиций.

Крестьянская семья, функционируя в рамках общины, находилась под постоянным воздействием и контролем со стороны сельской (территориальной, соседской) общины, главной задачей которой, являвшейся, по сути, союзом непосредственных производителей [Никитина, 1985: 53], была необходимость выживания её членов. Данной задачей детерминировались основные функции сельской общины: земельно-хозяйственная, окладная (фискальная), охраны порядка, коллективного протеста, религиозно-этическая, культурная, а также – воспроизводство традиций [Громыко, 1984: 72]. Согласно функциональному подходу, деятельность общины во многом направлена на самосохранение этноса [Культура жизнеобеспечения и этнос, 1983: 26], которое обеспечивается, среди прочего, через формирование, хранение и передачу этнокультурных традиций.

Удмуртская сельская территориальная община-*бускель* как социальный институт представляла собой жизнестойкий организм. Она регламентировала практически все стороны жизни деревенского мира: от семейной сферы до отношений с властями. Подобную регламентацию наглядно проиллюстрировал Г.Е. Верещагин: «Начало каждого рода полевой работы, и время пирушки по

случаю той или иной работы назначается общиной, и никто в отдельности не может начать никакой полевой работы, не вправе работать и во время жертвоприношений...в этом отношении община представляет как бы одну семью» [Верещагин, 2000: 115]. Последняя фраза была недалеко от истины: родственные отношения действительно очень широко охватывали удмуртскую общину. В.Н. Харузина отмечала, что удмурты «в былое время селились так, что в одной деревне жили только семьи, родственные друг другу» [Харузина, 1898: 26]. Родственные отношения формировали особое чувство близости, межличностные связи здесь были крепче, чем просто отношения между соседями. И во многом благодаря этому, если член общины попадал в беду, вся деревня оказывала ему поддержку: «в случае нужды ссужали всем необходимым нуждающегося сочлена» [Кузнецов, 1904: 30], «вся деревня за него ходатайствует, не жалеет денег» [Кошурников, 1880: 38].

Жизнестойкость общины обуславливалась сохранением и передачей культурного опыта. Прежде всего, община требовала от родителей воспитания у детей таких качеств, которые были востребованы данной общностью, она формировала необходимый идеал личности. Семья должна была создать условия и воспитать будущего члена общества, и это жестко проверялось общиной. Кроме того, община регулировала взаимоотношений родителей и детей. В деревне неукоснительно действовало правило: дети должны повиноваться воле родителей [Никитина, 1985: 57]. В случае если поведение ребенка выходило за общепринятые рамки, община принимала меры для перевоспитания. Основным механизмом воздействия на индивида было общественное мнение. Удмурты чрезвычайно дорожили своей репутацией среди родственников, односельчан, соплеменников. Общественное мнение было высшей инстанцией, чей «приговор» выдерживали не все. Презрение общинников, отторжение «миром» своего члена могло привести даже к смертельному исходу [Владыкин, 1994: 307]. Поэтому удмурты старались придерживаться традиционных соционормативных установок, жить так, как учат старики, быть как все. Общественное мнение являлось регулятором

поведения, оказывавшим постоянное и непосредственное воздействие на сохранение традиционных воззрений и норм.

Исследователь удмуртской общины-*бускей* Г.А. Никитина видит причину подобной зависимости удмуртов от общины ещё и в том, что их родовому, общинному сознанию приходилось сталкиваться во внешнем окружении с большим числом угроз и опасностей, чем сознанию русских. И чтобы «снять» опасность, приходилось её маркировать, вырабатывать дополнительные защитные механизмы на уровне сознания, поведения, хозяйственной, ритуальной и иной деятельности [Никитина, 1998: 88-89]. Видимо, поэтому удмурт как бы растворялся в общине, здесь он чувствовал себя органичной частью целого, здесь все были ему близки, все были носителями той же культуры, что сам он. Подобная ситуация давала ощущение комфорта и безопасности. Удмурту для психологической, эмоциональной стабильности было просто необходимо находиться в общине, среди своих, придерживаться традиций и, следовательно, воспроизводить этничность.

Пример того, как община способствует сохранению этнической культуры можно найти и в наши дни. Сотрудники Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН во время экспедиции к удмуртам республики Марий Эл выявили любопытную картину. Жители одной из деревень (деревня Малый Карлыган Мари-Турекского района) из-за резкого ухудшения экономической ситуации в постреформенный период объединились в некое подобие общины. Был избран староста из уважаемых людей, следящий за соблюдением порядка в деревне. Примерно дважды в год сельчане собираются (по одному представителю от дома) на сход, где решаются общезначимые для всех вопросы. Среди жителей сильны традиции коллективизма и взаимовыручки. Так, в разгар сельскохозяйственных работ они бесплатно помогают друг другу. Крупные праздники справляют вместе. Сформировался небольшой мирок, где люди чувствуют себя психологически комфортно в условиях иноэтничного окружения. Молодежь после учебы в городе возвращается обратно в деревню, хотя желания влиться в пространство «колхоза» уже не проявляет:

предпочитает заниматься более выгодным трудом. Процессам межэтнической ассимиляции деревня подвержена значительно слабее, чем другие селения с удмуртским населением, а её жители имеют достаточно четкую позитивную этническую идентичность: мы – «новые удмурты» («новые» – по аналогии с «новыми русскими»: так же зажиточны, успешны, деловиты и т. д.) [ПМА, 2003. д. Малый Карлыган, Мари-Турекский р-н, РТ].

Таким образом, община-*бускель*, заинтересованная в культурной трансмиссии, регулировала процесс воспитания детей для наиболее полного восприятия ими традиционных моделей поведения, ценностных установок, по которым живет этнос и община. Она стремилась к активному включению индивида в общественную жизнь. Это позволяло ребенку налаживать общение с более широким кругом носителей этнокультурной информации, нежели только родственным. Существенную роль в воспроизводстве группового опыта играли коллективные виды труда, например, помочи (*веме*). Помимо внутриобщинного обмена конкретными производственными приемами и формирования общественного мнения, они способствовали приобретению практики общения с разными людьми, усвоения правил поведения в коллективе, традиций взаимопомощи между членами общины, а также народных обычаев, связанных с тем или иным событием [Христоробова, 1992: 86]. В рамках общины социализация осуществлялась также через совместное проведение обрядов календарного цикла, в первую очередь – связанных с главным занятием удмуртов – земледелием. Подробный анализ влияния обрядов календарного цикла на процесс этнической социализации будет сделан ниже, а сейчас ограничимся замечанием, что празднества разворачивались с участием всех жителей, подчинялись определенной последовательности, и контролировались «миром». В них активно была задействована молодежь. Участвуя в обрядах, молодое поколение интериоризировало их, готовясь воспроизвести в будущем.

Семья и коллектив родственников не могли полностью заполнить нишу, связанную с процессом социализации детей. Будучи несколько обособленными

от мира взрослых, дети во все времена имеют свою, самобытную субкультуру и быт. И именно это имел в виду И.С. Кон, особо подчеркивая роль группы сверстников в процессе социализации, считая, что взаимовлияние детей друг на друга может порой превышать влияние родителей [Кон, 1988б: 152]. При этом исследователь, конечно же, не упускал из виду, что мир детей неотделим от мира взрослых, они существуют в едином культурном поле. И детская среда, воспринимая, перерабатывая и воспроизводя культурные традиции, способы мышления, черты характера, особенности поведения, участвует подобным образом в формировании этнической личности.

Взаимодействие детей главным образом происходило в процессе игровой деятельности. Э. Эриксон, анализируя взаимодействие детства и общества, рассматривал игру как способ, позволяющий осваивать жизненный опыт, создавать модели ситуаций и овладевать действительностью через эксперимент и планирование [Эриксон, 2000: 210]. Игры для детей – серьезные занятия, своего рода уроки, готовящие к взрослой жизни. Именно в ней ребенок развивает качества и навыки, необходимые в жизни каждого человеческого общества. Л.С. Христюкова в своей статье о традициях трудового воспитания детей в удмуртском обществе отметила, что, по мнению взрослых, через игру ребенка можно приучить всему [Христюкова, 1992: 82]. Игры были тесно связаны с бытовым укладом народа, они помогали детям переработать первые их впечатления и восприятия внешнего мира, способствовали усвоению стереотипов поведения в различных обстоятельствах. Кроме того, в процессе игры дети погружались в фольклорную среду, что способствовало их быстрому включению в культурную среду своего народа. Уже с младенчества подрастающее поколение включалось в игровую деятельность. Играя с ребенком (потягушечки, ладушки, «*кече пелё*» – «коза рогатая»), взрослые приучали его к вниманию, развивали физически. Г.Е. Верещагин оставил описание игры отца с ребенком, когда отец покачивал дитя на ступне ноги. При этом он мог напевать песенку, скажем, такого содержания: «*Лулпу сикын гондыр вань,/ Пужым йылын пужей вань./ Ачим пичи тамаша,/ Егор нимо пие*

вань» (В ольховнике есть медведь,/ На сосенке есть олень,/ Сам я бедный маленький,/ У меня есть сын Егор) [Верещагин, 1996: 49]. Подобного рода тексты (песни, потешки и др.) помогали ребенку осваивать язык своего народа, в ненавязчивой и естественной форме давали элементарные знания об окружающем мире.

Как правило, до 2–3 лет ребенок преимущественно включен в парное общение с взрослыми (в основном – членами семьи), но со временем он выходит за рамки семьи, расширяет круг знакомых за счет приобретения друзей среди ровесников. Спонтанно складываются возрастные компании, игровые группы, объединяющие детей одной улицы или близлежащих домов. С этого времени дети начинают играть ролевые игры, развивающие представления об окружающей действительности. Например, игра в куклы, строительство так называемых «игровых домов» – *«шудон корка»*, в которых дети моделируют семейные ситуации («ходят в гости», «растят детей»), помогают воспринять образ жизни взрослых для последующего его воспроизводства. В традиционном обществе такие ролевые игры как *«Эстафета и почта»*, *«Куала»* [Верещагин, 1995: 193], *«Бизиськом-басьтһськом»* (Свадьба), *«Стражникиен шудон»* (Игра в стражники) [Долганова, Морозов, Минасенко, 1996: 208-213] и многие другие помогали молодому поколению осваивать различные социальные роли, нормы и правила поведения, принятые в обществе. Г.Е. Верещагин дал описание игры *«Воры»*. В неё играют мальчики, которые делятся на две команды: воров и хозяев. Команда воров крадет у хозяев деньги. Затем команда хозяев ловит воров. Интересна заключительная часть игры: «Поймав их (воров), требуют сознания и возвращения денег. Кто сознается, кто нет, но оправданий несознающихся не принимают. Затем назначается над ними суд и расправа: кого стегают, кого бьют и так далее. Этим игра и заканчивается» [Верещагин, 1996: 151]. Описываемая игра в ненавязчивой форме приучала детей к общинному праву.

Ролевые игры 17–18-летней молодежи ориентированы на общество и свою будущую роль в нем. Среди них преобладают те, которые требуют

большого количества участников и зрителей. Идет активный поиск спутника жизни, возрастает интенсивность контактов с противоположным полом. В это время, отмечает Л.С. Христолюбова, в общении молодежи значительный вес приобретают совместные гулянья – «*шудон п'кл*» [Христолюбова, 1992: 35]. Песни, танцы, хороводы, различные игры, например, «Горелки», и другие традиционные способы развлечения сельской молодежи способствовали определению симпатии в отношении юношей и девушек, формированию дружбы, зарождению любви. Кроме того, распространенной формой общения были деревенские посиделки, проходившие обычно в банях: «По вечерам зимой девушек не увидите: все они на посиделках в банях, где занимаются прядением льна или конопли... в обществе холостых парней, пришедших туда полюбезничать» [Верещагин, 1995: 22]. Сочетание труда и общения позволяло молодым людям лучше узнать друг друга, сделать свой выбор.

Подражание деятельности взрослых проявлялось и в том, что дети пытались в игровой форме воспроизводить обрядовые действия. Расспрашивая удмуртов о происхождении тех или иных обрядов, дореволюционные этнографы часто слышали уклончивый ответ, что они возникли от игры детей [Богаевский, 1890, IV: 135]. Подобную информацию едва ли стоит воспринимать всерьёз, но, может быть, в этом можно усмотреть свидетельство достаточно частого «проигрывания» детьми религиозных обрядов. Подтверждение этой мысли можно встретить у Г.Е. Верещагина, описавшего случай, когда дети, воспроизводя в игре увиденное у взрослых принесение в жертву барана, едва не зарезали своего товарища, изображавшего животное [Верещагин, 2000: 45]. В целом, совместная деятельность детей внутри сложившихся групп сверстников была направлена на подготовку к общественной деятельности, овладение материальными и духовными ценностями общества, формирование требуемых качеств. Это происходило как в случае непосредственного взаимодействия с миром взрослых, так и в процессе общения в кругу ровесников. Следует особо подчеркнуть то

обстоятельство, что детские группы часто были разновозрастными, и в таких случаях старшие дети выступали социализаторами по отношению к младшим.

Итак, приобщение к традиционной культуре в удмуртском обществе шло в процессе социализации индивида путем взаимодействия с её непосредственными носителями. Воспитание в семье обеспечивало подготовку к жизни через ознакомление ребенка с ценностями, традициями, нормами, необходимыми для существования в обществе. Родители были в ответе за воспитание личности, соответствующей традиционному идеалу. Кроме того, в процессе социализации ребенок осознавал и начинал «переживать» свою связь с коллективом родственников, от которых и перенимал этническую культуру. *Община-бускель* оказывала воздействие на семейные отношения, контролировала взаимодействие между членами общины согласно традиционным нормам поведения. В коллективах сверстников дети осваивали культурную среду, принимали ценностные нормативы общества, стереотипы поведения. В результате взаимодействия с микросредой ребенок перенимал от неё культурные традиции, осознавая их в качестве своих собственных, и сам становился носителем этнической культуры.

§ 3. Факторы социализации

Этническая социализация – процесс сложный, многосторонний, проходящий под влиянием различных условий. В данном параграфе выделяются те факторы, игравшие наиболее значимую роль в формировании этнофора, поскольку они во многом служили основными механизмами передачи этнической информации. К ним можно отнести родной язык, трудовое воспитание, религию.

В процессе социализации трудно переоценить значение языка этнической общности (родного языка), на котором разговаривает социокультурное окружение ребенка. Известно, что язык выполняет несколько задач: во-первых, коммуникативную, поскольку словесная форма являлась основной в передаче

этнокультурной информации, во-вторых, язык обладает наиболее отчетливо выраженными интегрирующими и дифференцирующими функциями этнической культуры [Бромлей, 1983б: 110-111], что обеспечивает взаимопонимание и консолидацию между членами этноса. Не случайно в качестве одного из основных факторов идентификации с этносом [Шкляев, 1998: 135] исследователи выделяют именно язык.

В традиционном удмуртском обществе родной язык оставался основным средством общения между собой, несмотря на то, что согласно источникам, многие удмурты хорошо знали и языки этносов, проживающих по соседству [см. подробно: Кремлев, 1913: 1; Верещагин, 1996: 63]. Предпочтение родного языка чужому, даже знакомому (например, русскому), сказывалось не только в межличностном общении с людьми своего этноса, но и иноязычными соседями. Удмурты охотно вступали в контакт с представителями других народов, знавшими их язык, и с недоверием, настороженно относились к остальным. По словам Г.Е. Верещагина, «доверием и гостеприимством татары пользуются у вотяков только благодаря знакомству их с вотяцким языком... русский мужик, не знакомый с вотяцким языком, в глазах вотяка является мошенником, шулером... на все вопросы русского отвечают молчанием, хотя и могут удовлетворительно объясняться по-русски...» [Верещагин, 1996: 61]. Этот же исследователь отмечал, что удмурты любят слушать чтение, но только прочитанное на родном их языке [Верещагин, 2000: 16]. Родной язык для удмуртов, как уже отмечалось, выступал основным средством общения, важной их отличительной чертой как народа. Владение языком своей этнической группы в традиционном мире для интеграции с общностью было обязательным.

Благодаря достаточно замкнутой этнокультурной среде, ребенок погружался в языковую среду с самого рождения, и начало общения (овладение которым им не замечается, усваивает его как некую природную данность) рождало в нем чувство естественной принадлежности к этническому целому. Язык, являясь социокультурным феноменом, есть результат развития этноса, инструмент общения и передачи накопленного опыта, знаний в будущее. В то

же время это своеобразное «зеркало», в котором отражаются психология, мироощущение и мировосприятие этноса. И в этом плане чрезвычайно высока социализирующая роль устного народного творчества. С малых лет ребенку в ненавязчивой, часто опосредованной, но образной фольклорной форме передавалась информация о мировоззренческих основах жизни, общественном устройстве, правилах поведения в обществе [Арсеньев, 1991: 30]. Так, колыбельные песни, пословицы, поговорки, потешки и с ранних лет сопровождавшие ребенка, являлись средствами формирования необходимых для этнической общности черт характера. Кроме того, большое значение имел и детский фольклор, создаваемый и передаваемый самими детьми в процессе общения. К ним можно отнести такие жанры как считалки, игровые припевки, дразнилки, отговорки [Осори́на, 1998: 7-8]. Они позволяли детям выработать навыки коммуникативного взаимодействия со сверстниками, достичь социальной компетентности. Детский фольклор предлагал каждому готовые тексты, работающие как инструменты детского общения и дающие возможность соответственно отреагировать на ту или иную коммуникативную ситуацию. При этом особую роль играло то обстоятельство, что детские компании были разновозрастные, что обеспечивало передачу детской традиции от старших к младшим. Подобным образом дети по мере подрастания осваивали нормы социального взаимодействия, стереотипы поведения, принятые в обществе.

В качестве важнейшего способа передачи этнических стереотипов поведения выступали поверья. Являясь формой объяснения мира, а также конкретными, свернутыми до формулы правилами поведения человека, возведенными в закон и освещенными опытом предшествующих поколений [Владыкина, 1997: 278], поверья выступали составной частью системы этносоциальной регламентации, которая делала жизнедеятельность этноса нормативно стабильным. Поверья регламентировали весь жизненный цикл человека. П.М. Богаевский писал, что удмурты крайне суеверны, и каждый шаг их жизни обставлен какой-либо приметой (автор фактически имел в виду

поверья) и приводил в пример некоторые из них: «Без еды утром не ходи к своим соседям; если поссоришься с кем, то прежде чем говорить с домашними, притронься пальцем к печке; после пожара не принимай погоревших в течение трех суток» [Богаевский, 1888: 15-16]. Примечательно то, что, по мнению исследователя, данные суеверия постоянно воспроизводятся женской частью семьи [там же: 16], и это еще раз подтверждает мысль о том, что женщины большее предпочтение отдавали культуре своего народа и выступали стойкими носителями традиций.

Устное народное творчество было неотъемлемой частью жизнедеятельности этноса, и приобщение к фольклору способствовало усвоению традиционной обрядовой сферы культуры. В частности, песни (*гур, крезь, кырһан*) занимали исключительное место в жизни удмуртов, которых характеризуют как один из самых поющих народов. Удмурты о себе говорят: «*Удмурт вукоысь бертыкуз но кырһа*» (Удмурт, и с мельницы возвращаясь, поет) [Владыкина, 1997: 104]. Людей, не умеющих петь, в народе называли «*паллян кырһась*» (поющий влево). Песни сопровождали человека всю жизнь: в раннем детстве его убаюкивали колыбельные напевы матери, с песней провожали в армию, женили молодых, прощались с усопшими. Народные песни звучали на всех молодежных игрищах и гуляниях, календарных и семейных обрядах. При этом по каждому случаю исполнялись особые песни, например, существовали «песни, распеваемые при свадебных обрядах, и песни, распеваемые при приеме уважаемых гостей» [Первухин, 1888, III: 40]. Даже молитвы-*куриськоны* обычно не проговаривались, а пропевались. Так, в обряде «*бусы сюан*» (свадьба поля) девушки пели песню: «*Осто, Инмаре, быдһым Инмаре, эн кушты, Инмаре./ Вылысь Инмаре йыр йылам, сизьымдон –/ Тямыстон тышмонъёс пыд улам./ Оло лыктоно, оло кй вал./ Ми, пинал но визьтэмъес, лыктоно кожамы./ Осто, Инмаре, быдһым Инмаре./ Куинь бусые пазьгем няньмы нбыль бусые мед пушъёз*» (Господи Боже, великий Боже, не покинь нас Боже./ Всевышний Инмар над нашими головами./ Семьдесят–восемьдесят врагов под ногами./ Надо ли было придти, не надо ли

было,/ Мы, молодые и глупые, решили придти./ Господи Боже, Великий Боже,/ На три поля посеянный хлеб на четырех полях пусть произрастает) [Владыкин, Перевозчикова, 1990: 77]. Таким образом, устное народное творчество удмуртов являлось одним из каналов передачи этнокультурной информации детям, а общение на родном языке служило одним из главных признаков этнической принадлежности.

Однако фольклор являлся не только этническим маркером, он нес в себе большую познавательную информацию о далеком прошлом, о своем этносе, других народах. Так, Г.Е. Верещагин отмечал, что дети у удмуртов «развиваются умственно под влиянием страшных рассказов и мифических верований. Эти верования переходят к ним от взрослых, своеобразно объясняющих не только явления природы, но и причины болезней» [Верещагин, 2000: 45]. Особая роль в этом отношении принадлежит преданиям. Н.Г. Первухин указывал, что сказки рассказывали в основном только маленьким детям, и рассказчиками выступали преимущественно родители. Пожилые же, считая неприличным для себя повествовать вымысел, охотно беседовали с внуками о старине [Первухин, 1889, IV: 21].

Достаточно сильно было распространено в народе использование жанра преданий. Исследователь удмуртского фольклора Т.Г. Владыкина выделила два вида преданий: мифологические и исторические [Владыкина, 1997: 172-174]. В мифологических преданиях прослеживаются мотивы первотворения, появления каких-либо фактов и реалий действительности, установления обычаев и обрядов, связанных с этнической религией удмуртов, что можно проследить, например, в записанных Н.Г. Первухиным удмуртских преданиях «Сотворение человека», «Век Кылдысина», «Воплощение Кылдысина», «Любимец Квазя» [Первухин, 1889, IV: 3-7]. Из них дети получали основы мировоззрения, примеры образцового поведения, которых необходимо придерживаться. Кроме того, в преданиях присутствовало объяснение истоков «удмуртской» веры, её трансформация, а также особенности религиозных представлений других народов. Вкратце опишем содержание одного такого предания. В свое время

русские, татары и удмурты на равных владели грамотой, и молились одинаково. Но однажды жрецы этих народов поспорили: чья вера правильнее? Разрешить спор было решено путем чтения молитв в течение ночи. В итоге жрец-удмурт, заснув, выронил книгу в костер, а когда заметил это, то попытался спасти её, поливая пламя кумышкой и съестными припасами. После этого удмурты утратили грамотность. У сонного татарина книгу унесло в поле, но тот вовремя протер глаза и успел поймать её. Русский, борясь со сном, клевал носом и обмахивал себя рукою. Поэтому, говорится в предании, «русский стал креститься и кланяться, татарин начал бормотать свои молитвы вполголоса, глядя в свою пустую горсть и изредка протирая себе обеими руками оба глаза; а вотяк, накрывшись шапкою, стал приносить в жертву богам, поливая на огонь кумышку и сжигая здесь разные съестные припасы» [там же: 12-13].

Исторические предания включают в себе особенности этнического видения и восприятия мира и отражают реалии природного и социального окружения этноса [Владыкина, 1997: 175]. В этом плане интересны такие темы преданий как героико-богатырская, а также о заселении и освоении края. Героико-богатырский цикл состоит из преданий о богатырях. Северным удмуртам племени Ватка были известны богатыри Донды, Идна, племени Калмез – Селта, Могучий Бигра; выходцам с южных районов Удмуртии – закамским удмуртам – Мардан-атай, Ожмег, Тутой, Эштерек. Они обладали огромной физической силой и сверхъестественными способностями. Жизнь богатырей в целом не отличалась от жизни обычных людей, но в периоды столкновения с враждебными соседями – обычно богатырей других удмуртских родов, соседних народов (марийцев, татар, русских) – они брали на себя ответственность за спасение своих территорий и сородичей.

Сказания о подвигах богатырей воспитывали у молодежи любовь к родной земле, уважение к народным героям, формировали у них патриотические чувства. Например, в преданиях «О Янтамыре», «Кайване, Ондра-батыре и Завьяле» [Верецагин, 1996: 24-32], в легендах о Чертовом городище, о богатырях Дондинского округа [Первухин, 1889, IV: 8-12],

повествующих об удмуртских батырах, их сражениях с инородцами, четко прослеживается мысль о необходимости защиты территории своего проживания. В сказках присутствует противопоставление «мы» (удмуртские герои, удмуртский народ) и «они» (иноэтническое окружение), что затем проецируется слушателем на реальную действительность и во многом служит фактором осознания этнической принадлежности. К примеру, знакомство с преданием об Идне-батыре вызывало в слушателе чувство сопереживания, особенно усиливавшееся в момент гибели батыра, когда русские произносили слова проклятия над его телом: «Когда из жимолости будут делать чурки для пчел, тогда у вотяков пусть родятся богатыри» [Верещагин, 1995: 109-110]. Ну а предания о заселении и освоении края наиболее приближены к современности, они содержат конкретные исторические факты об отдельных родах, селеньях и семьях, составляющих в совокупности историю всего народа.

Таким образом, язык являлся и продолжает оставаться достаточно важным элементом, подчеркивающим этническое различие. Обязательная его межпоколенная трансмиссия служила одним из условий существования этнической общности, так как это был один из каналов передачи этнической информации, например, через устное народное творчество.

Этнический идеал удмуртов подразумевал трудолюбие человека в качестве, безусловно, необходимой характеристики. Труд был не только источником существования, он признавался нравственным мерилом достоинств человека: чтобы стать являться полноценной личностью, полноправным членом общества необходимо быть трудолюбивым. Недаром многие дореволюционные исследователи особо отмечают трудолюбие удмуртов [Георги, 1799: 56; Островский, 1874: 42; Рычков, 1770-1772: 163; Buch, 1882]. К примеру, Н.И. Тезяков подметил, что удмурт в ребенке-мальчике видел, прежде всего, своего будущего кормильца, а в девушке – мать будущих работников [Тезяков, 1892: 4]. Трудовое воспитание являлось стержнем народной педагогики удмуртов. На него нанизывались другие стороны воспитания человека: нравственное, эстетическое, этическое, физическое. Труд выступал одним из

важнейших факторов социализации. Через трудовое воспитание шло формирование личности, в том числе и в качестве члена этнической общности, поскольку в ходе его ребенок приобретал традиционные трудовые навыки, необходимые в обществе, и перенимал этническую культуру.

Возрастная периодизация человеческой жизни, традиционно сложившаяся у удмуртов и достаточно подробно описанная Н.Г. Первухиным [Первухин, 1890, V: 3], во многом определялась включенностью индивида в процесс трудовой деятельности. На основе данной периодизации Г.А. Никитина выделила четыре этапа в развитии ребенка: а) с момента рождения до одного-трех лет (*ниччи-дыр* – время младенчества); б) с двух-трех до пяти-семи лет: *пинал-дыр* – время детства; в) с семи до тринадцати-пятнадцати лет: время подростковое (детей этого возраста называли *будӱсь пинальес* – растущие дети); г) с тринадцати-пятнадцати до семнадцати-восемнадцати лет: *егит-дыр* – время молодости, юношества [Никитина, 1993: 265-270].

На первом этапе жизни шло активное физическое развитие ребенка, ему прививались первоначальные умения и навыки (хождение, развитие речи, навыки гигиены и т. д.), необходимые для последующей деятельности.

Второй этап знаменует переход от младенческой группы в детскую. В этот период закладывались основы мировоззрения и поведения, начиналось обучение труду [там же: 265]. Детский возраст (до семи лет) повсеместно считался неразумным. Отношение родителей к детям отличалось любовью, заботой и терпимостью, им прощались многие шалости. Исподволь приучали к трудовой деятельности. Им мастерили игрушки, которые были моделями рабочего инвентаря взрослых, а со временем переходили к настоящим орудиям труда, специально для них создаваемым. В семейном труде детям находилось уже посильное, настоящее дело: ухаживать за младшими, прибирать дома, мыть посуду, загонять скот во двор, пасти гусей. При этом труд обязательно стимулировался поощрением, похвалой. Большой запас пословиц и свидетельствует об их значении и частом применении в качестве похвалы,

образца для подражания. Например, «*Быгатһсьлы котькыце уж капчи*» (Умелому всякая работа легка), «*Ас ужам нянед кктыргес*» (Самим заработанный хлеб сытнее) [Удмуртский фольклор, 1987: 16-17].

В воспитании трудолюбия самым лучшим наглядным уроком был личный пример родителей. При этом, как пишет Г.Е. Верещагин, «отец был примером для сына, и на нем лежали обязанности по его воспитанию, а мать отвечала за воспитание дочери. Находясь при работах и занятиях родителей, дети скоро привыкают к работе, сын постоянно находится при отце, а дочь при матери» [Верещагин, 1995: 21]. Таким образом, дети приобретали половую идентификацию, приобщались к трудовой деятельности, осваивали определенные социальные роли, учились вести себя в различных ситуациях.

С семи лет отношение к ребенку, как в семье, так и в обществе менялось. Они лишались открытых проявлений ласки, своих былых привилегий, у них появляются постоянные поручения. Взрослые начинали относиться к ним гораздо строже, за нерадивое отношение к труду наказывали. С этого времени мальчиков приучали сидеть верхом и обращаться с лошадью, чтобы они могли участвовать в хозяйственных делах. В народе говорили: «*Вал кыткыны быгатэм бере, ни уни*» (Если коня запрячь может – уже парень (помощник)) [Удмуртский фольклор, 1987: 111]. Г.Е. Верещагин указывает, что мальчики помогали на сенокосе, перевозя копны сена на лошадях [Верещагин, 1995: 21]. С десяти-двенадцати лет они часто уже пахали и считались полными работниками [Максимов, 1925: 30]. Девочки овладевали навыками вышивания, ткачества, вязания, приготовления еды.

Трудовое воспитание детей и подростков не ограничивалось рамками семьи, в него вносили вклад родственники, односельчане. Особенно ярко это проявлялось при коллективных видах труда и помочах (*веме*). Г.Е. Верещагин описывает участие подростков в подобной помочи: при битье печи из глины они работают наравне со взрослыми, активно участвуют в общении [Верещагин, 1995: 24]. При этом поются песни, используются шутки, прибаутки, формирующие коллективиста и приобщающие к народному

фольклору, такие как, например, пословица: «*Огъя интыын уж капчи, шулдыр*» (Сообща и труд легче, веселее) [Удмуртский фольклор, 1987: 16]. Л.С. Христолюбова справедливо указывает, что участие в коллективных работах во многих отношениях было хорошей школой для подрастающего поколения, поэтому привлечение детей к коллективным видам труда считалось обязательным [Христолюбова, 1985: 86]. При этом шло активное общение индивида с группами сверстников, которые были мощным фактором само- и взаимовоспитания. Подростки быстро замечали недостатки других и говорили об этом в лицо [Христолюбова, 1992: 33]. Дети высмеивали хвастливых, капризных, дразнили ленивых – «*Кирло берло, сиськыны азьло*» (Кирилл последний, за стол – первый); неумелых, неловких – «*Нянь ке пыже, ыль пыже, шыд ке пкзътэ, шкг каре, верано ке, кч каре*» (Хлеб печет – не допечет, суп варит – не досолит, а скажешь – перечит).

При коллективной работе ребенок входил в более широкий круг родственников, односельчан. От членов семьи он усваивал важность родственных и соседских связей: «*Иськавын-бкляктэк улыны уг луы*» (Без родни и соседей не проживешь); учился уважать общественное мнение и учитывать его. Путем активной трудовой деятельности дети осваивали социальную среду и, вступая в родственные, соседские отношения с носителями традиций, воспринимали этническую культуру, идентифицировали себя с этнической общностью.

Возрастной этап с 13-15 до 17-18 лет – время наступления зрелости и возмужания, период совершеннолетия. По окончании этого периода удмурты стремились женить или выдать замуж своих детей [Богаевский, 1888: 55]. В это время для человека актуальным становился поиск спутника жизни, тесное сотрудничество с людьми, укрепление связей со своей социальной группой. Родители готовили молодежь к семейной жизни: девушки начинали запасаться приданым, причем предметы приданого (одежда, постельные принадлежности, полотенца, покрывала и многое другое) они изготавливали сами. Труд наполнялся новым смыслом, так как был связан со сменой социального статуса: человек в

традиционном обществе должен был с возрастом занимать определенные социальные ниши.

К 17-18 годам молодежь фактически была готова к той жизни, которую предстояло вести в дальнейшем. Юноши и девушки овладевали обязательным набором трудовых навыков; имели определенную репутацию внутри общины; обладали необходимыми социальными связями. К этому возрастному рубежу процесс воспитания в рамках семьи практически заканчивался, в дальнейшем функции воспитания, а если точнее – довоспитания или перевоспитания – переходили к общине.

Однако не только трудовое воспитание играет роль в процессе этнической социализации. Важную этническую нагрузку несут результаты трудовой деятельности народа, выраженные в произведениях материальной культуры, и являющиеся одними из основных носителей этнической специфики [Бромлей, 1983б: 140]. При этом данная специфика основывается не столько на утилитарных свойствах вещей, сколько на их чувственном восприятии. Носителями этнокультурной информации обладают лишь те элементы материальной культуры, которые выступают этническими символами. В общественном сознании должно присутствовать представление, что данный вещественный объект является отличительной деталью определенного этноса, его изготовление характерно для представителей конкретного народа. Например, в песне, записанной П.М. Богаевским, молодая девушка-удмуртка пела: «была у меня обувь, лапти из 9 лык, ты выменяла их на кривые русские лапти» [Богаевский, 1888: 38], то есть здесь лапти выступают вещным маркером этнической общности. И использование вещи, служащего этническим символом, является моментом идентификации.

Рассмотрим на некоторых примерах воздействие элементов материальной культуры удмуртов, выступающих этническими символами и влияющих на процесс этнической социализации. Дореволюционные этнографы в своих описаниях прежде всего акцентировали внимание на тех сторонах жизни и деятельности удмуртов, которые имели специфические особенности

отличались необычностью. К примеру, внимание многих исследователей привлекала беспорядочная планировка удмуртских населенных пунктов. П.М. Богаевский писал, что: «как на существенное отличие вотятского жилища от русского можно указать на страшную неправильность, с которою... расположены жилища обитателей» [там же: 38]. Данная специфика во многом проистекала из традиции селиться в рамках поселения родственными группами, создавая таким образом «концы», «гнезда», «улицы». Как отмечал Н. И. Смирнов, в больших семьях двор со своим избами, *куа*, *кеносами*, баней, амбарами образует целую систему построек, придавая жилищу одной семьи вид целой деревни [Смирнов, 1890: 91]. И даже с внедрением уличной планировки расселение родственными коллективами в значительной степени сохранялось, что нашло отражение в патронимических названиях отдельных концов и улиц. Подобная форма селений на определенном этапе исторического развития была характерна для всех народов Поволжья и Приуралья. Однако на северо-востоке России только у удмуртов она сохранилась до второй половины XIX века и воспринималась как этнодифференцирующий признак [Шкляев, 1993: 106-107]. Этническими символами могут служить и сами дворовые постройки. В этом плане у удмуртов наиболее ярко выделялись *кенос* и *куала*. *Кенос* – это клеть, обычно двухэтажная, с галереями. Первый этаж использовался для хранения продуктов, второй предназначался для хранения одежды, а в летнее время служил жильем. *Кенос* – одна из наиболее древних построек, претерпевшая наименьшие изменения в ходе исторического развития [там же: 112-113]. Традиция строить *кеносы* дошла до наших дней, они служат отличительным признаком многих удмуртских дворов. Своеобразным строением была *куала* (*куа*). «У каждого удмурта... на дворе непременно имеется шалаш (иначе называемый куалой)...это постройки без пола, потолка, окон и печи, с двускатной крышей, скаты крыш неплотно прилаживаются один к другому, получается во всю длину крыши отверстие, через которое проходит дым от очага» – писал П.Н. Луппов, в своем исследовании об удмуртах Варзятчинского края [Луппов, 1927: 6]. Данная постройка имела на каждом

дворе и служила местом отправления семейных молений, а также – летней кухней [Шкляев, 1993: 113]. Планировка поселений удмуртов, этническая специфика в строительстве дворовых построек и их функциональные особенности во многом были определены общественными отношениями. Ребенок в процессе социализации воспринимал данные объекты материальной культуры, среди которых жил, как отличающие его народ от других. Далее в своей трудовой деятельности он воспроизводил их, тем самым, передавая культурные традиции.

Пожалуй, наиболее ярким этнодифференцирующим и этноконсолидирующим признаком в традиционном обществе выступала одежда. Не рассматривая подробно традиционный костюм удмуртов, отметим, что он четко указывал этническую принадлежность своего носителя. Именно это имел в виду Г.Е. Верещагин, когда писал: «Там, где русские живут с вотяками... если бы не разность в типе и одежде, русака легко можно было принять за вотяка» [Верещагин, 2000: 68]. В. Харузина также отмечала, что в базарный день на городской площади удмурта от русского крестьянина можно отличить, прежде всего, по цвету его одежды – это преимущественно серый и белый цвета [Харузина, 1898: 8]. Особенно легко это можно было сделать по женскому костюму, который меньше, чем мужской претерпевал изменения, и часто даже переходил по наследству, порой через несколько поколений. Священной обязанностью считалось также сохранить и передать по наследству старые монеты, используемые в женском костюме [Островский, 1874: 25]. Таким образом, ребенок, надевая традиционную одежду, аналогичную той, которую носили его предки (а иногда и ту же самую), осознавал, эмоционально переживал свою связь с культурной общностью. Поэтому ношение народной одежды можно интерпретировать как один из способов демонстрации принадлежности к этносу, особенно там, где интенсивны межэтнические контакты.

Кроме того, среди элементов материальной культуры как групповых символов, использование которых являлось актом осознания этнического

единства, нельзя не отметить народную кухню. Пища, по замечанию исследователя системы питания удмуртов Е.Я. Трофимовой, как явление традиционно-бытовой культуры, функционирует в повседневном поведении людей и связана с удовлетворением их насущных потребностей [Трофимова, 1991: 38], то есть является одним из способов выживания социальной общности. Складываясь на протяжении длительного времени, народная кухня, пожалуй, дольше других элементов культуры, сохраняет этническую специфику. Так, проводимые в 60-х годах XIX века социологические исследования выявили, что подавляющее большинство удмуртов осведомлено о некотором наборе кушаний, осмысляемых ими как национальные традиционные блюда [Пименов, 1977: 151-152]. Да и на данный момент удмуртская народная кулинария продолжает сохранять свое этническое своеобразие. Среди блюд, традиционно считаемых «удмуртскими», наиболее известны, наверное, *табани* (лепешки из кислого теста) и *перепечи*. До сих пор в удмуртских деревнях к приезду дорогих гостей стараются приготовить данные блюда, выражая тем самым особое уважение. Так, редкий приезд автора в родную деревню к родителям обходится без посиделок родственников с обязательным поеданием этих кушаний. Много стихотворных строк сложено о них. Вот, например, строки, воспевающие *перепечи*: *Перепеч, перепеч!/ Кин пыжиз? Оло пересь?../ Кин ке но, оло, тоде/ Биографии солэсь?../ Љужакуз лькълмыт пыртэм,/ Вало дур возь выльёсыс/ Сяська ткл пушказ ыртэм. Мумиез солэн – Музьем,/ Атаез – удмурт калык»* (Перепечи, перепечи!/ Ах, как они вкусны!/ Может быть кто-нибудь да знает/ биографию их?/ Их аромат навеян цветущими/ Лугами вдоль Валы./ Праматерь их – Земля,/ Отец – народ удмуртский) [Трофимова, 1991: 64]. Традиционно удмуртским блюдом являются и широко распространенные пельмени (по-удмуртски: *пельнянь* – «хлебное ушко»). В итоге, удмуртская пища, начиная с традиционного общества, остается и в наше время стойким этническим индикатором. Удмуртские дети, как в будние, так и в праздники, сталкиваясь с блюдами народной кухни, участвуя в совместных трапезах в кругу родных, осознавали

свою связь с членами семьи, а ещё шире – принадлежность к одной этнической общности.

Также нельзя не отметить и такой элемент материальной и духовной культуры удмуртов как самогон – кумышку. Удмурты применяли этот напиток практически во всех молитвенных ритуалах. Вероятно, ритуальная значимость кумышки связана с возможностью достижения сакрально отмеченного, переходного состояния, когда ощущалась близость к мифическим силам, устанавливался контакт с ними [Орлов, 2004: 97]. Разрешение на его изготовление удмуртам было установлено указом Петра I в 1706 году. Затем он неоднократно отменялся и снова разрешался. Кумышка стала важным признаком этнической принадлежности, символом культурной самобытности этноса. Её изготовление и употребление для удмуртов было актом идентификации со своим народом. Не зря В. Шестаков в середине XIX века делает замечание, что «отстать от кумышки для вотяка то же, что и изменить обычаям своих предков» [Шестаков, 1859: 100].

Таким образом, трудовое воспитание как стержень народной педагогики являлось одним из важнейших факторов социализации личности. Этническая сторона социализации проявлялась в воспроизводстве индивидом моделей поведения, моральных и этических установок, характерных для удмуртского этноса, в том числе и ценностное отношение к труду, поскольку трудолюбие считалось главным качеством человека и необходимым условием выживания общности. В процессе трудового воспитания ребенок осваивал материальную сферу культуры этноса, создаваемой трудовой деятельностью общества и заключавшей в себе совместный опыт выживаемости, воспроизводимый им в своей дальнейшей жизни. Через вещные этнические символы он осознавал специфику культуры группы, в которой жил и тем самым отождествлял себя с ней.

По мнению выдающихся российских ученых-этнографов Ю.В. Бромлея и С.А. Токарева, религия выступает одним из основных признаков этнической культуры [Токарев, 1981: 51; Бромлей, 1983б: 116] и

служит формой социальной связи, обеспечивающей взаимостягивание (интеграцию) единоверцев и взаимоотталкивания (сегрегации) иноверцев [Токарев, 1981: 51]. Религиозные верования удмуртского этноса, для обозначения которых используется общепринятый в общественных науках термин «язычество», являлись специфическим маркером, о чем свидетельствует практически вся история народа. Г.К. Шкляев, затрагивавший в своих исследованиях проблемы религиозных верований удмуртов своих исследованиях, подчеркивал, что даже в XIX веке, после многих лет насильственной христианизации, язычество среди удмуртов не только сохранилось, но и укрепилось [Шкляев, 2003, 202]. На это обращали внимание и этнографы дореволюционного периода. Например, П.М. Богаевский писал, что «большая часть вотяков официально считаются христианами и только незначительная часть их доселе не крещена. Однако первые, принявши более сотни лет назад христианство, в то же время сохранили неприкосновенно свою веру и свои религиозные обряды, а в жизни являются совершенно такими же язычниками» [Богаевский, 1888: 16]. Религия являлась стойким этническим индикатором, специфику которого осознавали и представители окружающих этносов. По-видимому, пренебрежительное отношение к удмуртам во многом было вызвано именно их приверженностью их традиционным верованиям. Г.Е. Верещагин оставил один из образцов подобного отношения к удмуртам со стороны русских: «...Я [т.е. Г.Е. Верещагин – И.П.] отошел и сел к сидевшему там русскому мужику.

– Вот мыши (удмурты) что делают! – сказал он, обратившись ко мне.

– Зачем мыши? – возразил я.

– А посмотри: кому кланяются – елке» [Верещагин, 1995: 57].

По словам В. Кошурникова, некоторые из русских утверждали, что «вотyak – не человек, и вотская душа – не душа» [Кошурников, 1880: 20], и в отношениях с удмуртами не считали нужным придерживаться общепринятых норм.

Однако, несмотря на все нападки и гонения со стороны официальной церкви, насмешливо-пренебрежительное, а порой открыто-оскорбительное отношение русских соседей, удмурты сохранили приверженность традиционной религии, которые лишь со временем претерпевали небольшие изменения под влиянием православия и ислама. Вероятно, во многом подобное упорство было вызвано тем, что сохранение самобытной религиозной системы связывалось с самосохранением этноса.

Религиозные верования удмуртов были сконцентрированы вокруг двух главных стержней – семейно-родовых и аграрных культов [Владыкин, 1994: 144], составной и неотъемлемой частью которых являлись традиционные и обряды и обычаи. Обряды семейно-родового культа в первую очередь способствовали вхождению человека в семейно-родственный коллектив, помогали ему в более полном объеме в рамках семьи воспроизводить традиционную семантико-обрядовую и религиозно-этническую культуру. В рамках общины социализация проходила в большей мере с помощью обрядов календарного цикла, в основном связанных с главным занятием удмуртов – земледелием. Включение детей по мере их роста в ритуальную деятельность являлось необходимым условием их социализации. Молодежь должна была воспринять традиции от хранителей (стариков) и носителей (взрослых), чтобы в дальнейшем транслировать последующим поколениям. Общение между собой, со старшими общинниками, активное участие в ходе обрядов и праздников, соблюдение определенных требований народной цензуры нравов являлось тем каналом, через который шел интенсивный процесс межпоколенной передачи традиций, обычаев, норм поведения и общения. Участвуя в обрядах, молодое поколение интериоризировало их, готовясь воспроизвести в будущем.

Ранее упоминалось о том, что дети, осваивая жизненный опыт, воспроизводили в своих играх традиционные ритуальные действия, а став постарше, присутствовали и даже выполняли эпизодические роли в тех или иных обрядах и праздниках. Но были в религиозно-культовой жизни общины

обряды, в которых дети и молодежь выступали в качестве основных или ведущих лиц. Рассмотрим, к примеру, обряд *«гырыны потон»* (выезд на пашню), подробное описание которого встречается в работах Г.Е. Верещагина. В этот день все члены семьи в праздничной одежде, взяв праздничные кушанья, выезжали в поле. Домохозяин вспахивал небольшой участок и начинал сеять. Вместе с зерном он разбрасывал по полю вареные яйца. Дети с шумом и криком хватали яйца, причем считалось: чем больше они будут валяться на земле, тем лучше будет урожай и хлебные колосья будут от тяжести зерна клониться к земле. Сеятель, опустошив лукошко, обращался к ребятишкам с извинением: *«Я, эн лекатэ, пинальёс: курегъёс со сяна ќвкл пузаллям!»* (Ну, не судите, ребята: курицы больше не снесли яиц), а те говорят: *«Тау, туж тау, мед ньеч потоз»* (Спасибо, большое спасибо, пусть хорошо растет) [Верещагин, 1995: 51-53]. Участие молодежи в обряде влияло, по мнению удмуртов, на плодородие земли.

Дети также вполне могли заменять родителей в некоторых обрядах (естественно, если позволял обычай). Так, у северных удмуртов в первый день проведения праздника *«Њег-луд дурэ»* или иначе – *«Озимь-дурэ»* (праздник на краю ржаного поля, или праздник на озими), справляемого в самом начале колошения, проводился обряд *«и́кж-сион»* – жертвоприношения утки у ключа или ручья. Как отмечал Н.Г. Первухин, в данном обряде должны были участвовать по одному представителю от каждого дома. Обычно это был старик, а в случае, если взрослым некогда, то и подросток, преимущественно мальчик, хотя бывали и девочки, но их «старики всегда допускают с ворчанием» [Первухин, 1888, II: 58-61]. По ходу принесения жертвы все участники вполголоса читают молитвы, приходящие на память. Учитывая, с какой серьезностью удмурты относились к каждому обряду, вероятно, дети в подростковом возрасте уже были готовы к тому, чтобы достойно справиться с возложенными на них обязанностями при проведении данного обряда.

П.М. Богаевский оставил описание обряда *«пель сион»*, для которого дети под предводительством одного из стариков отправлялись в лес, где варили

кашу и разогревали самогон. Спиртное и часть каши дети подносили старику, который, приняв угощение и обратившись лицом к ели, читал молитвы. Затем начиналась общая трапеза. Обряд заканчивался тем, что дети, взяв поленья в руки, шли в деревню и начинали изгонять Чера (дух болезни) [Богаевский, 1890, VII: 50]. В данном обряде четко прослеживаются черты, характерные для традиционных молений удмуртов, связанных с изгнанием болезней, нечистой силы, например, как это делалось в Великий четверг: «Вся деревня с криком и гамом обшаривает избы и затем, дойдя до околицы, провожает злого духа в поле выстрелами, криками, бросанием камней и палок и щелканьем кнутов» [Богаевский, 1888: 17]. Активное вовлечение детей и молодежь в обрядовое действо способствовало усвоению ими основных принципов проведения ритуалов, а присутствие взрослых являлось своего рода гарантией безупречного соблюдения этих принципов.

Существовали также обряды, в которых могла принимать участие практически только молодежь. Например, в последние дни летнего солнцестояния, когда заканчивались все полевые работы, связанные с применением плуга, проводился праздник «*гербер*» (буквально: после плуга). Обычно этому времени приурочивались свадьбы, кроме того, молодежь устраивала обряд «*бусы сюан*» (свадьба поля), по-другому «*шыр сюан*» (мышьяная свадьба), или «*пинал Мудор*» (пир в честь юного Мудора) [Владыкин, 1994: 192] – игровое моление в поле, на лугу, в котором принимали участие все, кто достиг совершеннолетия, но в брак ещё не вступил. Для девушек не явиться на обряд, или придти не в национальном костюме означало подвергнуть себя публичному осмеянию [там же: 243-244]. Именно так удмурты стремились магически воздействовать на умножение плодородия земли, перенося отношения людей (в данном случае – между мужчинами и женщинами) на отношения в природе. Кроме того, община, заинтересованная в усвоении молодежью традиций, подобным образом контролировала обязательность участия подрастающего поколения в обрядовых действиях.

Таким образом, религиозные верования удмуртов и приобщение к ним было одним из способов формирования этнофора. Молодежь естественно и органично включалась в религиозную деятельность и более того – её активное участие во многих обрядах было просто необходимо. Воспроизводство ритуально-обрядовой деятельности в каждом новом поколении обеспечивало преемственность и устойчивость общинного коллектива, воспроизводящего себя на традиционной основе.

Таким образом, для любой общественной системы актуальным является передача культурного опыта в целях собственного самосохранения. В аграрном доиндустриальном обществе культурная трансмиссия была необходима и в связи с тем, что сам процесс производства был невозможен без закрепления и передачи накопленного опыта традицией. Характерная черта традиционных обществ заключалась в том, что новым поколениям передавалась именно этническая культура.

Общество, жизненно заинтересованное в передаче традиций, через общину диктовало образец личности, основные черты которого складывались на протяжении всей истории этноса. Воспитание ребенка должно было строиться так, чтобы в итоге он был наиболее приближен к идеалу. Отсутствие специализированных институтов социализации восполнялось неформальными, естественными институтами – семьёй, обществом сверстников, общиной. Трансляция традиции происходила путём интенсивного включения подрастающего поколения в повседневную деятельность, которая осуществлялась при межличностном взаимодействии.

Определяющая роль в социализации ребенка отводилась семье. В ней он проходил этап первоначальной подготовки к жизни, знакомился с ценностями, традициями, нормами, необходимыми для максимально-возможного безболезненного вхождения в общество. Биологическое единство с родителями, участие в семейно-родовых обрядах, почитание предков и воршуды-покровителя рода и семьи, тесные связи с коллективом родственников-удмуртов воспитывали в ребенке чувство естественной принадлежности к

этносу. В коллективах сверстников дети в игровой форме осваивали культурную среду, принимали ценностные нормативы общества, стереотипы поведения. Община контролировала процесс передачи традиций в семье, детской среде, регулировала взаимоотношения внутри общины. Кроме того, она стремилась включать подрастающие поколения в общественную жизнь через участие в коллективной трудовой деятельности, совместных календарных обрядах, тем самым, расширяя круг общения с носителями этнокультурной информации.

В результате активного взаимодействия с членами этноса, через трудовое воспитание, родной язык и религию индивид, во-первых, осмысливал отличность культуры близкого окружения от культуры других народов, во-вторых, осознавал единство с представителями своего этноса. Получаемые в процессе социализации социальные ценности и нормы поведения, этноинтегрирующие и этнодифференцирующие представления воспринимались человеком как часть своего внутреннего «Я», развивали этнические черты характера, формируя носителя этнокультурных традиций. Таким образом, осуществлялась трансмиссия культуры, а в конечном счете и воспроизводство этноса.

Глава III. Этническая социализация в современном обществе

На современном этапе российское общество переживает серьезные социальные, экономические структурные изменения. Порой сложно уловить закономерность и строгую логику в смешении социальных процессов, трудно делать определенные выводы, не опасаясь допустить ошибку или впасть в крайности. Глубокое осмысление недавнего прошлого и реалий современности, наиболее точная их оценка – это, конечно, дело будущего. Тем не менее, уже сегодня представляется важным попытаться проанализировать некоторые явления и процессы, которые развиваются на наших глазах, часто – при нашем активном или пассивном участии. На взгляд автора, нуждаются в постоянном отслеживании, мониторинге, анализе вопросы, касающиеся этничности и всего того, что с ней связано (в том числе – этнической социализации), так как дефекты модернизационного процесса в постсоветской России, с одной стороны, и интенсивная глобализация, с другой, уже сегодня несут в себе реальные угрозы существованию этносов вообще как таковых.

Данная глава во многом носит разведывательный характер: современные процессы этнической социализации в научной литературе рассмотрены слабо, и данной проблематике явно не хватает твердых, устоявшихся аксиом. Однако не вызывает сомнения тот факт, что традиционные методы и способы трансмиссии этнической культуры, в которых передача культуры основана, прежде всего, на личных контактах между социализаторами и воспитанниками, на современном этапе не справляются в полной мере со своими задачами. Возрастает роль опосредованных (неличных) контактов, в информационном поле увеличивается доля межэтнических (в т.ч. и общечеловеческих) и иноэтнических компонентов культуры. Возникла необходимость проследить, каким образом современная молодежь получает этнокультурную информацию, выявить факторы, влияющие на формирование этнической принадлежности у современного подростка. Для этого было предпринято специальное социологическое исследование, результаты которого во многом послужили основой при написании данной главы. Среди опрошенных разбивка по

этнической принадлежности определилась следующим образом: русских – 63%, удмуртов – 24%, татар – 7%, к другим этносам себя отнесли 2% подростков, затруднилось с выбором своей этнической принадлежности 4%. В процентном соотношении количество респондентов не равное, но оно примерно соответствует представленности указанных народов среди населения республики.

И.С. Кон считает, что в современном обществе основная роль в процессе социализации, становления личности может быть отведена семье, школе (народное образование) и средствам массовой информации. Проверим это утверждение на нашем материале. Кроме того, в отдельном разделе будет рассмотрено стихийное влияние «улицы», неформальной детской среды на процесс этнической социализации.

§ 1. Семья как институт этнической социализации

На современном этапе развития общества необходимость обязательной передачи этнокультурных традиций как составляющей жизнеобеспечения этноса уже не является всеобъемлющей, как это было в традиционном обществе, когда именно от передачи и воспроизводства традиций зависело биологическое самосохранение человека. Однако этническая культура и в наше время продолжает оставаться этноинтегрирующим фактором, и пожалуй основным каналом получения этнокультурной информации выступает институт семьи.

По мнению исследователя проблемы этнического самосознания И.А. Снежковой, семья является первым звеном, где ребенок получает знания о мире и формируется его самосознание [Снежкова, 1983: 136]. Именно от родителей и близких родственников ребенок получает этнокультурную информацию в ранние годы своей жизни. Во многом процесс усвоения этой информации происходит произвольно (бессознательно) [Бромлей, 1983б: 110]. Как правило, от этнической принадлежности родителей зависит то, к какому

этносу будет относить себя ребенок. Наше общество традиционно убеждено в том, что ребенок должен быть той же этнической принадлежности, что и его родители, и подобная модель поведения воспринимается как совершенно естественное явление. Материалы проведенного нами исследования подтверждают зависимость этнической идентификации ребенка от национальности его родителей (см. табл. 1).

Таблица 1

Этнический состав семей опрошенных
(здесь и далее в % от числа опрошенных в национальных группах)

Состав семей	Русские	Удмурты	Татары
Моноэтнические	60	74	53
Смешанные (отец – национальности респондента, мать – другой национальности)	22	9	30
Смешанные (мать – национальности респондента, отец – другой национальности)	15	17	17
Родители – другой национальности	3	---	---

Как видим, большинство респондентов, уверенно определяющих свою этническую принадлежность, проживает в моноэтнических семьях, то есть имеет родителей одной национальности. Максимальная их доля находится среди подростков-удмуртов – 74%, затем идут русские – 60% и татары – 53%. Обращает на себя внимание высокий уровень эндогамных браков среди удмуртов по сравнению с другими этносами. Эта особенность не казалась бы удивительной, проводи мы исследование в сельских районах, то есть местах компактного проживания удмуртов. Но только 12% из числа всех опрошенных проживает в сельской местности, а среди респондентов-удмуртов сельчан лишь 16%, остальные – горожане. Можно предположить, что в удмуртском обществе даже в условиях полиэтнического города имеет место явное стремление (может быть, не всегда осознанное) к поиску брачного партнера среди представителей своего этноса. В то же время данные цифры свидетельствуют о том, что в этнически смешанных семьях дети чаще выбирают национальность «русский»

и «татарин» даже в случаях, когда только один родитель этой национальности. Возможно, в процессе этнической социализации русских и татар помимо национальности родителей играют весомую роль другие факторы: из таблицы 2 видно, что лишь примерно у половины опрошенных оба родителя одной национальности. Интересен и тот факт, что у 3% русских детей родители вообще нерусские. Для удмуртов же идеальный вариант для передачи этничности – это воспитание в моноэтничной семье.

Удмуртская Республика, будучи регионом компактного проживания различных этносов, всегда характеризовалась достаточно высоким уровнем национально-смешанных браков. В последние десятилетия рост их числа происходит достаточно интенсивно, причины которого исследователи объясняют тем, что, с одной стороны, увеличивается этническая мозаичность населения, и, с другой, отсутствуют какие-либо ярко выраженные фобии, в том числе – межэтническая нетерпимость [Губогло, Смирнова, 2001: 119-120]. В контексте нашей темы наличие этнически смешанных семей интересно тем, что в таких семьях перед детьми рано или поздно встает проблема выбора этнической принадлежности. Проблема отнюдь не простая, и в каждом отдельном случае она решается по-разному. К примеру, по нашим материалам, среди 4% респондентов (19 подростков), затруднившихся с ответом на вопрос: «К какой национальности Вы себя относите?», десять человек растут именно в этнически-смешанных семьях. Среди тех же, кто достаточно четко определил свою национальность, выявилась любопытная особенность. 17% от всей группы опрошенных детей-удмуртов идентифицировали себя по национальности матери, и лишь 9% – отца. Для русских подобное соотношение равняется 15% и 22%, для татар – 17% и 30%. Как видим, результаты, полученные в группе удмуртов, отличаются от общей картины. Здесь национальность матери предпочли почти в два раза больше детей, чем национальность отца. У татар же и русских, наоборот, выбирают в большей степени национальность отца.

Чем может быть обусловлен выбор ребенка в пользу национальности одного из родителей? Вероятно, это связано с объемом этнокультурной информации, получаемой от каждого родителя. В этом плане интересны результаты по удмуртской группе. Как мы уже упоминали, женщины более консервативны в своих предпочтениях, например, они демонстрируют большую приверженность традиционной культуре, что естественным образом отражается на социализации ребенка. Мать, занимаясь детьми с самого их рождения, передает им этническую культуру, которая в её глазах воспринимается как символ стабильности, устойчивости, надежности, проверенный поколениями предков. Именно она является источником первой этнокультурной информации, воспринимаемой детьми неосознанно, но от этого не становящейся менее важной. Имеет значение и положение женщины в семье и обществе. В традиционном обществе удмуртка, по замечанию В.Е. Владыкина, обладала более высоким социальным статусом, чем, например, татарская женщина, что было обусловлено этноисторическими и социально-экономическими причинами [Владыкин, 1994: 265]. Женщина вела практически все домашнее хозяйство, занималась воспитанием детей, наравне с мужчинами выполняла значительное количество полевых работ. Многие дореволюционные исследователи отмечали, что именно трудовой вклад удмуртской женщины обусловил её активное участие в решении семейных вопросов [см. подробно: Верещагин, 1995: 20-23; Кошурников, 1880: 10]. В своих работах П.Н. Луппов писал, что удмурт без жены не предпринимает никакого дела [Луппов, 1901: 27]. Кроме того, она была равноправной участницей преобладающего числа праздников и обрядов. Это создавало и особые взаимоотношения между супругами, которые в большинстве случаев строились на основе взаимозависимости и согласия. У каждого из них были свои роли и обязанности, от которых в равной степени зависело благополучие всей семьи [Петров, 2002: 79]. Вероятней всего предположить, что этническая идентификация большинства детей-удмуртов «по матери» имеет под собой глубокие корни, уходящие в традиционное общество. Это, в первую очередь,

биологическая связь между матерью и ребенком. Ребенок естественным образом оказывается ближе к матери, следовательно, и к культуре, носителем которой она является, в том числе и к языку, который отнюдь не случайно называют ещё «материнским языком». И не зря бытует выражение «впиталось с молоком матери», например, уважение к тому же языку. Кроме того, удмуртская женщина демонстрирует гораздо большую последовательность и настойчивость в отстаивании традиций, нежели мужчина.

Г.К. Шкляев по материалам социологических исследований обратил внимание на то, что удмуртские женщины в основной своей массе проявляют достаточно активную жизненную позицию в деле сохранения этнической культуры. По его мнению, они острее, нежели мужчины, чувствуют наличие национальных проблем, более агрессивно относятся к людям, пренебрегающим родным языком, традициями своего народа. Сохраняется ими и более выраженное традиционно неприязненное отношение к этническим партнерам – русским. В этом плане они менее толерантны, нежели мужчины-удмурты и женщины других этнических групп [Шкляев, 2003: 269]. Допустимо предположить, что активная жизненная позиция (особенно в этническом воспитании) ведет к усилению влияния в семье, а также к возрастанию возможностей для передачи этнокультурной информации. Вполне возможно, активность удмуртской женщины, а значит, и достаточно высокий статус в семье, вызывают у детей неосознанное стремление подражать ей, в том числе и в воспроизводстве этничности. Обратное наблюдается в случае с татарскими детьми. Они в этнически-смешанных семьях выбирают национальность отца почти в два раза чаще, нежели матери. Вероятно, тут также сказывается ориентация на авторитетную личность в семье, каковой в татарской среде традиционно выступает мужчина.

В целом, этническая социализация человека зависит от этнических установок его родителей. Как уже отмечалось в главе II, от взглядов родителей, их планов, связанных с будущим ребенка, зависит его воспитание как личности. Именно родители, представляя, кем и каким будет их ребенок в будущем,

предпринимают усилия для создания социокультурной среды для достижения желаемого образа. И, конечно, их представления о будущем своего ребенка формируются под воздействием общественного окружения. Большое значение подобное кодирование имеет при формировании этнической идентичности ребенка. В наше время нередки случаи, когда родители стремятся к тому, чтобы дети брали не их национальность, а другую, имеющую более высокий статус в обществе. К примеру, такая тенденция прослеживается в удмуртских семьях Кезского района Удмуртии, проживающих в населенных пунктах с преобладающим числом русских. Выяснилось, что родители-удмурты склонны считать своих детей русскими: «Они на удмуртском языке уже не разговаривают, культуры нашей не знают, да и не нужна она им, так как живут они почти только среди русских». Сами дети под влиянием русского большинства также предпочитают считать себя русскими. В то же время в чисто удмуртских деревнях этого же района дети сохраняют идентичность родителей. Таким образом, родительская модель этнической идентификации действительно определяет процесс этнической социализации ребенка в семье и влияет на выбор этнической принадлежности.

Большое значение имеют межнациональные контакты родителей, так как ребёнок усваивает образцы поведения взрослых, хотя бы они этого или нет. Отчётливо это прослеживается при анализе взаимоотношений детей в неформальных сообществах, в которых воспроизводятся этнические установки, характерные для взрослого мира. При сборе полевых материалов в том же Кезском районе автором замечено, что среди части старообрядцев (особенно среди пожилых людей) сохраняется негативное отношение к удмуртам, перенимаемое и детьми. А многие дети-удмурты заимствуют от своих родителей уничижительное отношение к своей национальности и воспроизводят его в детской среде. Например, присутствует явная тенденция к позиционированию себя и друг друга через оскорбительное прозвище «вотяки».

В передаче традиций, помимо родителей, немаловажную роль играют и другие члены семьи. Так, почти повсеместно распространена практика присматривания/приглядывания за детьми со стороны бабушек и дедушек, в то время как родители заняты на работе. В последние 10-15 лет эта практика особенно участилась: родители, испытывая материальные затруднения, перестали водить детей в детские дошкольные учреждения, предпочитая оставлять их дома под присмотром «стариков». Да и сеть детских учреждений на селе сильно сократилась, в ближайшие годы ситуация, возможно, ещё более усугубится из-за так называемой «оптимизации бюджетной сферы». Родственники преклонного возраста являются хранителями традиций и соответственно выступают в качестве своеобразного источника дополнительной этнокультурной информации для детей. Проследим возможности семьи в трансмиссии этнической культуры в зависимости от её состава (см. табл. 2), предварительно пояснив: нуклеарная семья – в семье присутствуют оба родителя и их ребенок или дети; неполная семья – присутствует один родитель (мать или отец) и ребенок или дети; расширенная семья – объединяет супругов с детьми и старшее поколение, т. е. родителей одного из супругов [Социологический словарь, 2004: 293-294, 287, 381].

Таблица 2

Межпоколенный состав семей опрошенных

Состав семей	Русские	Удмурты	Татары
Расширенные семьи (с бабушкой, дедушкой)	11	13	13
Нуклеарные семьи	68	61	60
Неполные семьи	20	25	27
Семьи без родителей	1	1	---

Данные таблицы показывают, что у трех основных групп опрошенных результаты практически все совпадают, разнясь незначительно. Прежде всего, стоит отметить, что лишь примерно десятая часть детей трех главных этносов республики проживает в расширенных семьях, то есть совместно с бабушками и дедушками. Проще всего предположить, что данный канал передачи

этнокультурной информации не играет значительной роли на современном этапе. Однако не стоит думать, будто бабушки и дедушки не содействуют процессу этнической социализации. Так, почти все дети достаточно уверенно назвали национальную принадлежность отцов и матерей своих родителей. Затруднения возникли лишь у детей-сирот и детей из неполных семей. Таким образом, дети четко представляют, к какому этносу относятся их бабушки и дедушки, следовательно, они все же получают от них определенный объем этнокультурной информации. Но процесс этот идет в гораздо меньших масштабах, нежели в традиционном обществе.

Анкетирование показало, что значительное число детей растет в монородительских (неполных) семьях: русские – 20%, удмурты – 25%, татары – 27%. Статистика, безусловно, тревожная (почти до трети детей воспитываются одним родителем) и свидетельствует о кризисных явлениях в обществе, проявляющихся в большом количестве разводов, высоком уровне смертности мужчин трудоспособного возраста (см. табл. 3).

Таблица 3

Число браков, разводов и количество умерших*

	Число браков	Число разводов	Количество умерших	в том числе:	
				мужчин	женщин
1998	7872	3625	19080	9566	9514
1999	9463	4080	20745	10716	10029
2000	8269	5043	21852	11318	10534
2001	9924	6099	22810	12225	10585
2002	9998	7373	24520	13103	11417

* [По данным Госкомстата Удмуртской Республики]

Как видим, с 1998 по 2002 годы количество браков в Удмуртии выросло в 1,3 раза, а количество разводов за тот же период – в 2,9 раза, темпы роста разводов превосходят аналогичные показатели заключенных браков. Можно также заметить, что за рассматриваемый период возрос уровень смертности (в 1,28 раза), и темпы её прироста гораздо выше среди мужчин: коэффициент смертности среди мужчин вырос в 1,36 раза, среди женщин – в 1,2 раза. Кроме

того, значительное количество детей матери рожают вообще вне брака. Таким образом, вышеперечисленные статистические данные позволяют говорить о возможности дальнейшего роста количества неполных семей, в которых канал поступления этнокультурной информации будет представлен одним родителем.

Важнейшей составляющей процесса становления человека как члена общества выступает овладение речью. Ребенок учится говорить для достижения различных целей и реализации разных ситуаций, осваивая модели социального поведения, принятые в данном культурном сообществе. Слова служат отражением коллективного опыта людей, содержат в себе общую для данной группы картину мира, то есть общие знания людей, верования и отношение к окружающему миру [Раннунт, 2004: 48]. Недаром Ю.В. Бромлей выделяет язык в качестве фактора, обладающего наиболее отчетливо выраженными этническими функциями [Бромлей, 1983б: 111].

Освоение и использование речевого языка ребенком происходит в языковой среде, которую формируют люди как носители языка. Немаловажен также социальный контекст, где происходит языковое общение. Именно от языковой среды зависит, на каком языке будет разговаривать человек, ибо для развития речевых навыков необходимо, чтобы ребенок мог слышать и использовать язык по возможности в различных ситуациях и контекстах [Раннунт, 2004: 50]. Рассмотрим, какова роль современной семьи в воспроизводстве языка общения (см. табл. 4). Из данных таблицы видно, что у подавляющего большинства русских детей в семьях разговаривают только на русском языке (96%). В семьях удмуртов лишь 9% разговаривают строго на языке своего этноса. Среди татарских детей, по данным нашего исследования, не выявлено семей, где разговаривают только на татарском языке.

Таблица 4

Основные языки общения в семьях учащихся

Варианты ответов	Русские	Удмурты	Татары
Только на русском	96	35	47
На русском и другом*	4	57	53
Только на другом	0	8	0

*для удмуртов – удмуртский, для татар – татарский.

В группе русских детей привлекают внимание те, у кого дома разговаривают также на удмуртском или татарском языках. Более детальное рассмотрение состава данных семей показывает, что они в большинстве своем – этнически-смешанные. Так, из 4 детей, в семьях которых практикуется общение на татарском языке, у троих родители принадлежат к национальностям – татарам и русским. А из 11 детей, в семьях которых, помимо русского, используется удмуртский язык, 9 человек имеют родителей русских и удмуртов. В этих семьях проблема выбора национальности решилась в пользу этноса, доминирующего в республике и формирующего обширнейшее русскоязычное поле.

В значительном количестве семей удмуртских (35%) и татарских (47%) подростков в процессе общения между членами использует только русский язык. Во многом выбор языка в пользу русского предопределен родителями, для которых общение на нем, по-видимому, по разным причинам представляется более удобным, привычным, а возможно – и престижным. Предпочтение русскому языку отдается как в смешанных, так и моноэтнических семьях. Так, выбор в пользу русского языка был сделан в 16 смешанных и в 24 мононациональных семьях детей-удмуртов, в семьях детей-татар – соответственно в 11 и в 3-х.

Несколько иная ситуация складывается в семьях, где общение идет на двух языках. Таковых среди удмуртов 57% и среди татар – 53%. В основном это моноэтнические семьи. Так, из 64-х удмуртских семей, где практикуется билингвизм, в 51 – моноэтнический родительский состав, в 14 – смешанный. Среди семей, где говорят на татарском и русском языках, 13 – моноэтнических, 3 – смешанных. Следует отметить, что сравнение с данными В.С. Воронцова, полученными в 1997 году, показывает рост количества удмуртских и татарских семей, в которых говорят только на русском языке и семей, практикующих билингвизм [см. подробно: Воронцов, 2003: 134].

Таким образом, человек в многоязычной поликультурной среде, представленной в Удмуртии, достаточно рано сталкивается с наличием нескольких вариативных языков. И в том, носителем какого языка (или каких языков) станет он, решающая роль принадлежит языку (языкам) внутрисемейного общения. В этом плане легче всего русским детям: как видно из данных нашего исследования, в 96% русских семей разговаривают на русском языке. В семьях удмуртов и татар преобладающая часть детей помимо удмуртского или татарского языка осваивает еще и русский. Наши данные свидетельствуют также о том, что для многих детей-удмуртов русский язык становится основным. И здесь мы вплотную сталкиваемся с проблемой воспроизводства родного языка. Понятие «родной язык» несет в себе несколько значений, используемых как в быту, так и в научной литературе. Им может считаться язык, который был освоен первым (языковая первооснова, которая обычно соответствует домашнему языку родителей); язык, которым владеют лучше всего (компетентность), который чаще всего используется (использование), или язык, с которым происходит личная или сторонняя идентификация (идентификация) [Раннунт, 2004: 55]. В нашем случае под этой дефиницией мы имеем в виду язык того этноса, с которым идентифицирует себя индивид, то есть для татар и удмуртов «родным» будет язык своей этнической общности. Владение родным языком русскими детьми в 100% случаев не вызывает каких-либо вопросов, так как состав микросоциальной среды у них является русскоязычным (см. табл. 5).

Таблица 5

**Основные языки, которыми владеют респонденты
и место их освоения**

Русские

Варианты ответов	всего владеет языком	освоили язык:		
		в школе	в семье	в семье и школе
Владею русским языком	100	---	---	100

Таблица 6

Удмурты

Варианты ответов	всего владеет языком	освоили язык:		
		в школе	в семье	в семье и школе
Владею русским языком	100	8	---	92
Владею удмуртским языком	73	18	34	21

Таблица 7

Татары

Варианты ответов	всего владеет языком	освоили язык:		
		в школе	в семье	в семье и школе
Владею русским языком	100	---	---	100
Владею татарским языком	56	10	43	3

Все удмуртские и татарские дети также владеют русским языком, который они изучают в семье и школе. Знание же родного языка встречается далеко не у каждого из них (см. табл. 6, 7). Так, из числа опрошенных детей-татар родной язык знают лишь 56%, детей-удмуртов – 73%. Данные показатели во многом подтверждаются и другими социологическими замерами. Например, результаты опроса среди учащейся молодежи по проекту «Электорокардиограмма (ЭКГ) социальных трансформаций» (март 2002 г.) по удмуртам показывают, что только 79% учащихся в старших классах удмуртов владеют родным языком [Смирнова, 2002: 504]. И подобные цифры вызывают тревогу как у ученых, так и преобладающей части соответствующей – татарской или удмуртской – этнической общности. Известный венгерский исследователь-лингвист Я. Пустаи в своем докладе на IV Всемирном конгрессе финно-угорских народов отметил растущую угрозу исчезновения многих

финно-угорских языков (в том числе и удмуртского), что, по его мнению, повлечет за собой и потерю идентичности [Пустаи, 2004]. Социолог В.С. Воронцов, расценивает данные факты как результат ослабления этничности среди удмуртской молодежи, усиления процессов их аккультурации и языковой ассимиляции [Воронцов, 1998: 129].

Анализируя данные по языкам внутрисемейного общения и знания респондентами родных языков у удмуртов и татар (см. табл. 4, 5, 6, 7), можно отметить следующие моменты. Подавляющее большинство детей знакомится с родным языком еще в семье, но не все его усваивают. Так, у 65% удмуртских детей общение в семье строится на удмуртском языке, но усвоили его в семье 55% (включая и тех, кто затем дополнительно изучил его в школе). У татарских детей эти данные составляют 53% и 46%. Остальные 18% удмуртов и 10% татар, владеющих родным языком, ответили, что изучили его только в школе. Таким образом, основным источником освоения языка своего этноса (а, возможно, и выбора этнической принадлежности) является языковая среда, где идет социализация ребенка, в данном случае – языковая ситуация в семье. По нашим данным, основная масса респондентов именно там познакомилась с родным языком. Но наши же материалы свидетельствуют о том, что не все дети осваивают и усваивают родной язык только в семье. Значительна роль в этом школы.

Приведенные данные показывают, на мой взгляд, снижение уровня функционирования удмуртского языка даже в рамках семейных коллективов. Лишь в 9% семей общение идет только на удмуртском языке, а в остальных практикуется или билингвизм, или иной, но не удмуртский язык. Во многом это связано с сужением сферы применения удмуртского языка в обществе, что влечет за собой снижение как самооценки говорящей на нем социальной группы, так и статуса самого языка. В целом, практически все удмурты, знающие родной язык, являются двуязычными, вторым языком для них является русский. Уровни владения и употребления русским и удмуртским языками различны, особенно в городской среде. Так, удмуртский язык в

большинстве случаев употребляется как разговорный (вспомним, какой процент изучает его в школе) и главной сферой его применения в основном является домашняя и уличная среда. В таких сферах общения как письменная или устная официальная, торжественная, деловая он практически не используется. Такая ситуация конечно, не способствует повышению общественного статуса удмуртского языка. Поэтому часть родителей-удмуртов просто не видят смысла в обучении детей родному языку. Приведенные в таблице 8 показатели свидетельствуют о том, что роль удмуртского/родного языка как этноинтегрирующего фактора ниже нежели русского и татарского языков (см. табл. 8).

Таблица 8

Что роднит Вас с людьми Вашей национальности*

Варианты ответов	Русские	Удмурты	Татары
Язык	83	67	60
Культура	49	44	27
Обряды, обычаи	15	27	20
Родная земля, природа	64	76	27
Черты характера, психология	44	26	37
Религия	19	10	37
Внешний облик	25	9	20
Ничего не объединяет	2	3	3

** Суммарный показатель по национальным группам превышает 100%, так как респондентам была предоставлена возможность выбора нескольких ответов.*

Как видим, у русских и татар связь со своим этносом, прежде всего, проявляется через родные языки: им отдало предпочтение большинство опрошенных. На втором месте по значимости у русских стоит родная земля, природа, что связано, вероятно, с гражданской идентичностью. В качестве третьего показателя этнической идентичности выступает культура. У татар после родного языка стоят такие показатели как религия и психологические особенности. На наш взгляд, эти элементы несут в себе ярко выраженные этнокультурные и этноконфессиональные особенности татарского народа. В отличие от русских и татар, у удмуртов на первом месте по значимости

находится родная земля, природа. Можно предположить, что это в первую очередь свидетельствует об идентификации себя как представителя государствообразующего, «титulyного», коренного этноса республики. Возможно, проявляется в этом и традиционная, «родовая» привязанность удмуртов к земле. А, может быть, это лишь показатель слабой горизонтальной мобильности удмуртского этноса. Удмуртский язык в качестве интегрирующего фактора стоит на втором месте, далее следует культура народа.

Таким образом, значимость родного языка для удмуртов меньше, нежели у русских и татар, но это не значит, что он перестает быть одним из основных этноконсолидирующих факторов: 67% опрошенных нами удмуртов выбрали его в качестве ведущего индикатора этничности. Удмуртская молодежь в своих этноязыковых ценностных ориентациях явно следует в русле тенденций, идущих во всем этносе. Я. Пустай в уже упоминаемом нами докладе отметил, что, по данным последней переписи, язык своего народа знают 73% удмуртов, и это, в основном, старшие поколения [Пустай, 2004]. Согласно нашим материалам, уровень знания родного языка и среди молодежи тоже равен 73%. Едва ли это простое совпадение: все-таки подрастающие поколения социализируются в той культурной среде, которую формируют, и таким образом, молодежная среда, словно лакмусовая бумажка, лишь ярче проявляет ситуацию, сложившуюся во всем этносе.

В целом, этническая социализация личности зависит от того, какова плотность внутриэтнических контактов. Наиболее интенсивно они происходят в процессе семейного общения: там они практически постоянны. Степень эффективности передачи этнокультурной информации во многом зависит от родителей. Наиболее оптимальный результат достигается в том случае, когда они оба выступают источниками этой информации и дополняют друг друга. В этнически-смешанных семьях этническая идентификация ребенка детерминирована большим количеством факторов: активность этнического социализатора (отца или матери, или других ближайших родственников), его

статусом, авторитетом, лидерством в семье (обычно дети подражают более авторитетному лицу). Как показало исследование, большая часть удмуртских детей предпочитает идентифицировать себя по национальности матери. На идентификацию ребенка также влияет ценностное (позитивное или негативное) отношение родителей к собственному народу и соседним этносам. В такой ситуации человек склонен сделать выбор в пользу более «престижного» в глазах старших членов его семьи этноса. Так как этническое самосознание как результат этнической социализации, включает в себя и идентификацию языковую, то выбор национальности зависит и от языка внутрисемейного общения. В языковой среде нашей республики, как в бытовой, так и государственной, налицо преобладание русского языка. На сегодняшний день это – объективная реальность, с которой сталкиваются все этносы Удмуртии. Преобладающая часть детей не русской национальности уже с малых лет осваивает разговорный русский язык и язык своей национальности, что обычно происходит в семье. В более старшем возрасте языковая идентификация не в пользу родного (материнского, национального) языка часто бывает продиктована осознанием его престижности, узости сферы его функционирования и малых возможностей обретения социального капитала (профессионального роста, например) на его базе. В этом кроется одна из основных причин разрыва между общей численностью этноса и людьми, знающими родной язык.

§ 2. Роль национальной системы образования в этнизации личности

Этническая социализация, проходящая в семейном кругу и закладывающая основу для формирования человека этнического, получает свое продолжение в школе. Если в традиционном удмуртском обществе школа как таковая вообще и тем более как институт социализации была скорее исключением, чем правилом, то в современных условиях она стала одним из ведущих институтов социализации, в том числе и социализации этнической.

Это утверждение подтверждается и данными нашего исследования. Выше уже писалось о том, до 18% удмуртов и 10% татар начинают осваивать язык своего этноса только в школе. Школа же для значительной части респондентов становится местом, где они продолжают языковую практику, изучают родной язык как образовательную дисциплину, получают большой объем этнокультурной информации.

Зарождение и развитие национальной системы образования в Удмуртии тесно было связано с деятельностью педагогов-просветителей, авторов национальных учебников, теоретиков по вопросам воспитания удмуртских детей, исследователей этнографии и истории удмуртов. Н.Н. Блинов, Г.Е. Верещагин, И.В. Яковлев, И.С. Михеев были защитниками принципа обучения на родном языке, их учебники для удмуртских школ написаны для учителей-националов [Фролова, 1971: 70]. В открытой Н.И. Ильминским в 1872 году инородческой учительской семинарии началась подготовка учителей для работы с детьми народов Поволжья и Прикамья. А в 1881 году в селе Карлыган на территории нынешней Марий Эл Кузьмой Андреевым была открыта первая удмуртская центральная школа.

Но становление и активное развитие национальная школа пережила в 20–30-е годы прошлого века. Советское правительство, понимая всю важность ликвидации неграмотности среди «нацменьшинств», уделяла серьезное внимание языку обучения в школах. Процесс обучения должен был идти на родном языке учащегося [там же: 75]. Во многом это было обусловлено тем, что без учебников на родном языке сложно было наладить обучение учащихся нерусской национальности. В этот период интенсивно разрабатываются и издаются учебники и пособия на удмуртском языке. Так, к примеру, в 1934 году было издано 22 наименования учебников для 1–4 классов, 14 наименований учебников для 5–7 классов [Васильева, Ившина, 2003: 5]. В наше время о публикациях подобных масштабов приходится только мечтать.

В конце 30-х годов в связи с введением всеобщего обязательного образования начинается политика расширения сферы функционирования

русского языка, определяемого как язык межнационального общения. Было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об обязательном изучении русского языка в национальных школах республики и областей» от 13 марта 1938 года [там же: 6]. До середины 50-х годов русский язык преподавался в школах как предмет, обучение в национальных школах Удмуртии велось на родном языке. С 1958 года начинается обучение на русском языке, сначала в классах средней и старшей ступеней, а затем и в начальной школе. Удмуртский язык преподавался лишь в качестве учебного предмета. Это привело к тому, что во многих школах, особенно городских и районных, постепенно прекратилось изучение удмуртского языка. Таким образом, в советский период была решена проблема борьбы с массовой неграмотностью среди удмуртов, во многом за счет созданной в 20–30-х годах системы национального образования. Данная система оказалась достаточно жизнеспособной и продолжает функционировать в Удмуртии и в наши дни. В то же время в результате планомерного сужения сферы функционирования удмуртского языка в обществе произошло падение его социального статуса, и сейчас многие родители просто не хотят обучать своих детей этому языку из-за отсутствия мотивации.

К середине 80-х годов родных языков в национальных школах ограничивалось преимущественно сельскими школами, но в последнее время лет ситуация изменилась достаточно радикально. В настоящее время в Удмуртии, наряду с обычными общеобразовательными школами, существуют учебные заведения так называемого повышенного уровня (гимназии, лицеи), открыты классы довузовской подготовки, классы с углубленным изучением отдельных предметов и т. д. Особенно их много в городах. Как отрадное явление можно отметить появление национальных классов и гимназий, в которых этнокультурному компоненту в воспитательном и образовательном процессе уделяется большое внимание. Родители предпочитают отдавать своих детей, владеющих родным языком, именно в такие образовательные учреждения, где, по их мнению, они получают дополнительные знания по этнической культуре своего этноса. При этом данный выбор делается вполне

осознанно и связывается с ожиданиями позитивных результатов, могущих в дальнейшем помочь в профессиональном, интеллектуальном, творческом росте их детей.

В Удмуртии нормативно-правовой базой функционирования и развития системы национального образования в республике является, прежде всего, законы «О государственных языках Удмуртской Республики и иных языках народов Удмуртской Республики», «О народном образовании», а также Концепция государственной национальной политики Удмуртской Республики. В качестве одного из приоритетных направлений государственной политики в области народного образования заявлено «сохранение и развитие языков и культур, духовно-нравственных, этнических ценностей народов, проживающих на территории Удмуртской Республики». Реализация этой задачи возможна только через «создание условий для приобщения граждан к богатствам национальных культур; обеспечение и защиту конституционного права граждан на воспитание и обучение на родном языке» [Закон УР «О народном образовании», 2002: 341], и требует создания широкой сети соответствующих образовательных учреждений, классов, групп и оптимальных условий для их функционирования [там же: 448].

Законодательные акты заложили формальную основу для развития национального образования, которое в принципе должно быть доступно для представителей всех народов Удмуртии, но претворение их в реальную жизнь – это, по-видимому, дело будущего. На данный момент практическую реализацию названных выше законов можно увидеть на примере русских, удмуртских и татарских гимназий, чувашских и марийских национальных классов. Но даже в этом случае необходимо уточнить, что преподавание в них идет на русском языке, а родные языки, национальная литература изучаются как предметы. Оставим в стороне вопросы о необходимости перевода всего процесса обучения на национальные языки. Эта проблема в современных условиях практически неразрешима в силу ряда объективных и субъективных причин. Здесь, по-видимому, уместнее говорить о том, что организация

преподавания национальных языков и литератур даже в открытых школах и гимназиях пока далека от оптимальной. Ощущается недостаток кадров учителей, нехватка учебной и методической литературы, слабая материально-техническая обеспеченность и т. д. Нельзя сказать и достаточной наполняемости классов, более того – наблюдается отток детей. Причин тому много. Среди них – и недостаточное внимание органов государственной власти к вопросам национального образования (стоит вспомнить хотя бы ситуацию, сложившуюся вокруг удмуртской гимназии им. К. Герда, когда было практически расформировано престижное, работавшее учебное заведение). Практика показывает, что сами по себе законы без механизмов их реализации мало что дают. К примеру, закон о государственных языках УР, принятый в 2001 году, во многом пока остается лишь на бумаге. Работа в органах государственной власти республики осуществляется на русском языке, употребление же удмуртского – декларация, и не более. То же самое – с публикациями нормативно-правовых актов: на перевод их на удмуртский язык не хватает денег, специалистов и пр., получается, что закон рекомендует, но не обязывает выполнение этой процедуры [там же: 445]. Даже ответы на заявления и жалобы граждан, направляемые в органы государственной власти, в учреждения и ведомства Удмуртской Республики на удмуртском языке, не обязательно должны быть написаны на том же языке. Видимо, отсутствие ожидаемого коренного перелома в отношении к родному языку среди самих удмуртов связано именно с тем, что в результате официального признания удмуртского языка государственным не произошло фактического расширения сферы его применения.

Оставляя в стороне оценочные рассуждения по поводу реального исполнения принятых законодательных актов, рассмотрим сложившуюся структуру национального образования в Удмуртской Республике. Согласно опубликованным в печати данным, в Удмуртии до 2002 года наблюдался рост количества национальных школ (см. табл. 9).

Изменение сети национальных школ в Удмуртской Республике*
*(в скобках указано количество обучавшихся в этих школах
за данный период)*

Школы с изучением:	Учебный год					
	1990/91	1993/94	2000/2001	2001/2002	2002/2003	2002/2004
Удмуртского языка	346 (31240)	376 (31459)	408 (33131)	408(н/д)**	386 (н/д)	381 (н/д)
Татарского языка	5 (449)	16 (637)	29 (1355)	29 (н/д)	26 (н/д)	27 (н/д)
Марийского языка	8 (404)	10 (466)	9 (486)	13 (н/д)	13 (н/д)	12 (н/д)
Чувашского языка			1 (н/д)	1 (н/д)	1 (н/д)	1 (н/д)
Всего:	359	403	447	451	426	421

*[Пономарев, Суворова, Щипакин, 2002: 67; Материалы к заседанию, 2004: 31]

**нет данных.

В городах Удмуртии ситуация с детьми, изучающими удмуртский язык непростая. В Ижевске на 2000/01 учебный год в 19 школах были открыты классы с изучением удмуртского языка, в 8 школах – татарского языка [Суворова, 2003: 99]. Всего на тот период в городских удмуртских классах обучалось 2176 учеников [там же: 67]. По нашим подсчетам это лишь 6,6% от общего числа всех изучавших в республике удмуртский язык в школах. В последующие годы, как отмечают в Министерстве образования и науки Удмуртской Республики, количество школ с изучением удмуртского языка сократилось, объясняя это, как объективным снижением количества учащихся в целом, этноязыковым нигилизмом родителей-удмуртов, и порой нежеланием руководителей образовательных учреждений комплектовать национальные классы.

В системе дошкольного образования республики функционирует 350 национальных дошкольных образовательных учреждений, в том числе: 331 удмуртских, 14 татарских, 4 марийских, 1 чувашское. Изучение родных языков практикуется в ряде учреждений высшей и средней профессиональной

подготовки, и прежде всего в тех, где ведется подготовка педагогических кадров для национальных школ. В Удмуртском государственном университете более десяти лет действует факультет удмуртской филологии, открыто татарское отделение. В Глазовском пединституте на филологическом и педагогическом факультетах функционируют удмуртские отделения. В 5 педагогических училищах республики ведется подготовка кадров для дошкольного звена и начальной школы [Пономарев, Суворова, Щипакин, 2002: 66]. Однако подготовка кадров учителей и воспитателей, ведение учебного процесса должно дополняться и соответствующим учебно-методическим обеспечением. В республике за 2001-2004 гг. было издано 32 наименования учебников и учебных пособий для национальных школ, что явно недостаточно для полного укомплектования национальных школ и классов учебной литературой и методическими пособиями нового поколения. В целом, можно отметить, что система национального образования для удмуртских детей в республике достаточно развита. В ней прослеживается попытка создания цепочки по схеме «детский сад – школа – вуз», что, конечно же, может быть оценено только положительно. Теперь рассмотрим суждения самих детей о возможности получения этнокультурной информации в школе (см. табл. 10).

Таблица 10

**Основные источники получения учащимися
информации о своем этносе***

Варианты ответов	Русские	Удмурты	Татары
ТВ, радио, газеты, журналы	89	67	57
Художественная литература	49	36	20
Школа	72	63	33
Религиозные институты (мечети, церкви)	6	3	10
Родители, семья	67	76	80
Личный опыт общения	55	28	40
Музеи, выставки	46	57	23
Посещение концертов народных ансамблей	9	36	27
Общественные организации	---	---	3
Затрудняюсь ответить	---	---	3

** Суммарный показатель по национальным группам превышает 100%, так как респондентам была предоставлена возможность выбора нескольких ответов.*

У русских детей на первом месте в качестве источника получения этнической информации выступают средства массовой информации – телевидение, радио, печатная продукция. Школа по значимости стоит на втором месте, опережая институт семьи. Приоритет СМИ вполне объясним: в современном мире они пронизывают практически все сферы жизни общества. Кроме того, средства массовой информации в преобладающей массе – русскоязычны, и для детей русской национальности они действительно служат каналом информации о своем народе, его языке и культуре.

Данные по татарам и удмуртам свидетельствуют о первостепенной важности института семьи в процессе этнической социализации: представители обоих этнических по численности меньшинств поставили семью на первое место. Далее вторым по значимости удмуртские дети отмечают средства массовой информации и лишь третьим – школу. Справедливости ради стоит обратить внимание на то, что показатели по двум последним вариантам достаточно близки друг к другу. У татарских детей также на второе место выходят СМИ, затем личный опыт общения. Школу как источник получения этнокультурной информации назвало лишь треть опрошенных татар.

Таким образом, далеко не все учащиеся татарской национальности в достаточной мере обеспечены возможностью получить (или расширить) знания о родном языке, культуре и истории своего народа в рамках общеобразовательной школы. А татарская гимназия, вероятно, просто не в состоянии принять к себе всех желающих учиться. Кстати, достаточно примечательно распределение ответов на вопрос: «В достаточном ли объеме Вы получаете информацию о своем народе?» (см. табл. 11).

Таблица 11

Удовлетворительность объемом получения учащимися этнической информации

Варианты ответов	Русские	Удмурты	Татары
Да, мне хватает получаемой информации	44	32	33
Нет, я хотел бы знать больше	25	32	37
Никогда об этом не задумывался	30	33	30
Затрудняюсь ответить	1	2	---

И как видим, из числа всех опрошенных именно среди детей татарской национальности больше всего тех, кто не удовлетворен объемом поступающей этнокультурной информации и хотел бы знать больше – 37%. Среди русских и удмуртов, впрочем, этот показатель тоже высок (25% и 32% соответственно).

Бросается в глаза почти одинаковое во всех этнических группах количество детей, которые никогда об этом не задумывались: у русских – 30%, у удмуртов – 33% у татар – 30%. Для выбравших этот вариант ответа подростков определение собственной этнической принадлежности, по-видимому, не является проблемой. Вопросы этничности они для себя не актуализируют (может, не было необходимости), но в то же время достаточно уверенно указывают свою национальность.

Воспитательный и образовательный потенциал школы в формировании этнофора представляется достаточно высоким и с точки зрения организации внутри- и межэтнических контактов. Современная школа – это естественная и достаточно важная для детей среда, в которой осуществляется интенсивное межличностное (ученик-учитель, ученик-ученик) общение. И в этой ситуации характер сверхзадачи принимает необходимость выработки в подрастающем поколении убеждения в полноценности и равноправии всех культур и языков, так как способность принимать иные культуры без чувства личной ущемленности и желания переделать этот «другой» мир, к сожалению, еще не укоренилась в человеческом сообществе.

Успешность реализации данной сверхзадачи зависит от того, в какой степени и мере школе, конкретному учителю удастся решить не менее сложную проблему: адекватное отношение к другим культурам. Понимание и принятие «другого» может вырасти только на уважении к собственной культуре, на

уверенности в её ценности, общепланетарной значимости, ибо психологи доказывают, что между позитивной этнической идентичностью и этнической толерантностью существует прямая взаимосвязь. По убеждению психологов, формирование стойкой и осознанной этнической идентичности является единственным надежным буфером как на пути этнической маргинальности и психических расстройств, так и на пути возникновения иррациональной этнической нетерпимости. На школе как субъекте социализации лежит огромная ответственность за воспитание в учениках культуры ненасилия и толерантности. Этнокультурная мозаика контингента учащихся не должна стать преградой в их межличностных коммуникациях, а наоборот, способствовать установлению устойчивых дружеских отношений, что чрезвычайно важно для сохранения стабильности единого социального пространства, в котором дети проводят основную часть времени. Здесь они получают этнокультурную информацию не только о своем народе, но и других этносах. И что ещё важнее: на своем опыте, в повседневной практике вступают в контакт с представителями иных культур и учатся жить с ними в «добром соседстве».

Эффективность учебно-воспитательного и образовательного процессов на этнокультурной основе во многом зависит, на мой взгляд, от того, в какой мере школе удастся кооперировать свои усилия с семьей и различными общественными организациями. К примеру, нет никаких сомнений в том, что национально-общественные организации одной из главных своих задач считают именно трансляцию этнической культуры во всем её разнообразии и богатстве подрастающим поколениям, молодежи. Другое дело – насколько они готовы целенаправленно и систематически сотрудничать в этом направлении с учреждениями образования. Ряд встреч, проведенных в ходе исследования, показали, что определенный опыт плодотворного сотрудничества школы и национально-культурных объединений уже накоплены. Возьмем для примера деятельность Дома дружбы народов из г. Глазова. Из беседы с заведующей этим учреждением Н.В. Лукиной выяснилось, что Центр национальных культур

«Радуга» совместно с администрацией города осуществляет небезуспешную попытку создания преемственной системы национального образования, начиная с детских садов и заканчивая вузовскими учреждениями. На базе детских комбинатов создаются национальные группы (детские комбинаты № 29, 46 – удмуртские группы, № 4 – татарская группа, № 6 – русская, № 55 – немецкая), в которых дети дополнительно изучают языки и культуру своих народов. В остальных дошкольных учреждениях национально-региональный компонент реализуется через краеведение. Далее национальное образование продолжается в школах средней ступени, где организованы классы с дополнительным изучением языка и литературы (школа № 3 – татарские, № 6 – русские, № 16 – удмуртские, № 15 – немецкие классы). Удовлетворение потребностей детей в изучении культуры своего этноса осуществляется через сеть воскресных школ: в городе действуют удмуртская, татарская, немецкая, армянская и азербайджанская школы. Кроме того, при содействии Центра и его активистов в школах создаются народные ансамбли, проводятся фестивали, что свидетельствует о стремлении национальной интеллигенции популяризировать культуру своего народа, чтобы сохранить её и передать молодежи. По словам Нины Викторовны, усилия и энтузиазм взрослых находят ответный отклик среди детей, которые охотно участвуют в мероприятиях, проводимых Центром.

Большую роль в данной системе национального образования играет Глазовский государственный педагогический институт, где осуществляется подготовка учительских кадров, многие из которых затем работают с детьми в школах и детских садах с национальным уклоном. О результативности деятельности Центра, учителей и преподавателей свидетельствует хотя бы тот факт, что многие учащиеся, «прошедшие» через национально-региональный компонент образования, успешно поступают в Глазовский пединститут, часть выпускников татарской национальности имеет возможность поступить в вузы Казани.

Укрепление и дальнейшее развитие довольно стройной и взаимосвязанной системы национального образования позволило бы, надо полагать, в рамках

города расширить возможности межпоколенной трансляции этнических ценностей, языков, культуры, способствовало бы улучшению межнациональной ситуации. Однако процесс работы тормозится рядом проблем. Во-первых, ощущается противодействие со стороны самого населения. Слабая востребованность (если не сказать – невостребованность) удмуртского и татарского языков в общественно-политической жизни республики, непрестижность национального образования, отсутствие реальных перспектив использования национального багажа в качестве ресурса для последующего профессионального роста отбивают у родителей охоту отдавать детей в подобные образовательные учреждения. Например, в 2004 году в школе №3 не смогли набрать первоклассников для открытия татарского класса: не изъявили желания родители. Во-вторых, ощущается острая нехватка финансирования. В воскресных школах, к примеру, учителя работают фактически бесплатно. Успешная организация учебного процесса становится проблематичной из-за слабой обеспеченности учебно-методической литературой.

На уровне республики среди национальных общественных организаций над решением проблем сохранения и развития удмуртского языка и культуры, содействия росту национального самосознания удмуртской молодежи, в том числе и учащейся, занимается Удмуртская молодежная общественная организация (УМОО) «Шунды». По словам председателя правления Т.В. Ишматовой, деятельность организации строится в трех направлениях – экологическом, творческом и социальном. В рамках экологического направления проводятся экспедиции по районам, организуются лагерные смены, в которых дети и подростки расширяют знания о родном крае, ближе узнают его. Взрослые (учителя, ученые, активисты движения) стараются воспитать в них любовь к малой родине, бережное отношение к природе. Творческое направление ориентировано на раскрытие и реализацию творческих способностей молодежи. Особый акцент при этом делается на традиционную удмуртскую культуру. Проводятся различные фольклорные праздники, дискотеки, этнофутуристические выставки и др. Уже в течение 13 лет

ежегодно организуются летние лагерные смены «Шундыкар», в которых одаренные удмуртские дети познают народную культуру, повышают собственное мастерство, заряжаются стремлением к успеху в творческих лабораториях по направлениям: журналистика, вокальное искусство, хореография, лаборатория молодого политика. В работу «Шундыкара» вовлечены психологи, ученые (этнографы, фольклористы), люди творческих профессий (художники, мастера декоративно-прикладных искусств и ремесел), журналисты, политики и т. д. Участвуют в лагерных сменах и дети из удмуртских диаспорных групп. Опыт «Шундыкара» оказался удачным, его заимствовали удмурты Республики Башкортостан и организуют теперь у себя ежегодные лагерные смены «Усточикар». Школа «Шундыкара», через которую прошло более 1000 детей-удмуртов, стала стартовой площадкой для последующего профессионального роста, творческой карьеры для многих из них. Теперь они уже сами в качестве помощников, друзей продолжают сотрудничество с данной общественной организацией.

Третье направление – социальное – направлено на работу с молодыми удмуртскими семьями, преимущественно сельскими. Через разнообразные формы работы – семинары, конкурсы среди молодых семей, консультации, лекции, праздники – решаются задачи укрепления культуры здорового образа жизни, обогащения и подъема национального самосознания, сохранения в её рамках «удмуртской этничности», которая могла бы быть транслирована последующим поколениям.

Однако включенность УМОО «Шунды» в процесс этнической социализации молодежи и детей ещё незначительна. По предварительным подсчетам, в Удмуртии проживает более 100 тысяч молодых людей удмуртской национальности [Смирнова, Губогло, 2002б: 515], а в рядах организации на данный момент состоит всего 2200 человек. Отделения «Шунды» функционируют только в 15 из 25 районов республики. К тому же деятельность организации, по словам Т.В. Ишматовой, явно недостаточно освещается в СМИ. В итоге, большая часть удмуртской молодежи и детей о ней просто не

знает и напрямую не сталкивается с её работой. Среди важных препятствий, мешающих активизации деятельности и расширению поля влияния, были названы финансовые затруднения.

Следует особо отметить, что национальное образование должно способствовать не только приобщению детей к этническому языку и традиционной культуре. Очень важно, чтобы школа, в том числе и с национальным компонентом, готовила интеллектуальный резерв, который впоследствии мог бы своей деятельностью поднять социальный статус собственного народа. По мнению авторов проекта «Феномен Удмуртии», проблемами первостепенной важности для удмуртов является не форсированное изучение национального языка, а преодоление отсталости удмуртского народа в процессах внутриэтнической урбанизации и интеллектуализации, для чего необходима ускоренная подготовка специалистов с высшим образованием из числа удмуртов [Губогло, Смирнова, 2001: 368]. С этим трудно не согласиться, так как удмуртский этнос сегодня явно испытывает острый дефицит конкурентоспособной, высокообразованной молодежи. И примеров тому достаточно. Так, низкий процент представленности удмуртов в органах власти во многом обусловлен отсутствием достаточного кадрового резерва, отвечающего требованиям времени. Этностатистический анализ контингента студентов в вузах Удмуртии в 1998 году показал, что обучающаяся удмуртская молодежь в них составляет всего 23,9% [там же: 376]. За последующие годы положение кардинально не изменилось, так как основная масса выпускников школ удмуртской национальности являются выходцами из деревни и поступление в вуз для них чревато гораздо большим кругом проблем, как с точки зрения финансовой, так и общей довузовской подготовки. Поэтому школьная система, помимо воспитания человека этнического, должна, по-видимому, быть причастна и к решению стратегической задачи по формированию слоя активных, конкурентоспособных молодых людей. Чем больше их будет, тем легче будут решаться проблемы по преодолению стереотипа «второсортности» удмуртского этноса, повышению позитивной

этнической идентификации, укреплению адаптационных возможностей к меняющимся условиям и умений адекватно реагировать на веяния времени. В этом плане активно следует использовать и возможности общественных организаций.

Подведем некоторые итоги. Школа и в целом вся система народного образования – институт этнической социализации, практически отсутствующий в традиционном удмуртском обществе. В современных условиях школа стала достаточно самостоятельным и эффективным институтом, имеющим большое влияние на процесс формирования личности. Однако будет ли социализация ребенка иметь, помимо всего, и этническую составляющую, во многом зависит от позиции родителей. Именно они, прежде всего, определяют, стоит ли ребенку изучать в школе родной язык и культуру своего народа, или нет. Отрицательное отношение родителей к языку, к собственной этнической принадлежности лишит ребенка мотивации и в целом негативно повлияет не только на процесс обучения, но и на весь процесс социализации личности. В дошкольный период усвоение этнической информации идет главным образом бессознательно, и этническая принадлежность ребенком воспринимается как данность. В школе же изучение культуры этноса – это во многом осознанный и смоделированный процесс, требующий специальных программ, методик, учебников, профессионализма учительского персонала. Для полноценной трансмиссии этнической культуры через систему народного образования необходимо также достаточное количество образовательных учреждений с национальным «уклоном», которых в Удмуртии явно недостаточно, особенно для татар и городских удмуртов. При организации учебного процесса с этнокультурным компонентом важно учесть интерес самих детей к истории, языку, культуре своего этноса, желание углубить свои знания о нем. А желание их во многом зависит от социального статуса родной этнической группы и функциональной загруженности родного языка. Важную роль играет и окружение – сверстники, друзья, одноклассники, круг которых складывается в школе. Именно здесь дети реализуют свои предпочтения, дополнительно

осваивая этническую культуру и приобретая опыт межэтнического взаимодействия.

§ 3. СМИ и проблема этнизации личности

Как мы уже выяснили, в современном обществе в процессе формирования личности участвует не только микросоциальная среда, то есть непосредственное окружение человека. На него оказывают влияние вторичные общественные институты – формальные организации и учреждения, среди которых важное место занимают средства массовой информации. Под ними обычно понимаются печатные (пресса, книги, плакаты и т. д.) и электронные средства (радио, телевидение и т. д.) массовой информации [Кретов, 2000: 101-105]. Еще Ю.В. Бромлей отмечал, что в процессе этнической социализации, наряду с учебными организациями, большая роль принадлежит средствам массовой информации [Бромлей, 1983б: 196].

Рассматривая роль СМИ в процессе социализации, стоит отметить некоторые моменты. СМИ являются одним из важнейших институтов современного общества. Они выполняют многообразные функции, в том числе информирования населения о событиях, происходящих в стране и мире; образования и социализации; рекламы; развлечений; научного и культурного просветительства и т. д. Средства массовой информации оказывают влияние почти на все сферы и институты общества, с их помощью массовая культура в различных ее вариантах формируется, распространяется и сохраняется. Очевидно, что они играют важную роль в формировании, функционировании и эволюции общественного сознания. Особенность СМИ состоит в том, что они обладают способностью прямо обратиться к общественности, отдельному человеку, минуя такие традиционные институты, как церковь, школа, семья, политические партии и организации и т. д. И здесь нужно быть аккуратным, поскольку дети могут бесконтрольно получать не только позитивную, но и пагубную в их возрасте информацию, нежелательные образцы для подражания.

Например, реклама насаждает в молодежной среде стереотип, что отдыхать нужно с бутылочкой пива. И молодежь охотно воспринимает данный стереотип, в этом легко убедиться, посетив традиционные места отдыха молодых людей: практически все ходят с бутылкой или банкой пива. И это характерно для всех, независимо от национальности.

Теле- и радиопередачи, газеты и журналы, согласно результатам нашего социологического исследования, являются для 89% русских, 57% татарских и 67% удмуртских подростков одними из основных источников получения этнически окрашенной информации в Удмуртии (см. табл. 10). Эти цифры свидетельствуют о действительно огромном потенциале СМИ в освещении проблем национальной политики и межнациональных отношений, вопросов этнической культуры и этнической идентификации, формировании атмосферы межэтнического сотрудничества, предупреждении этнических конфликтов и социальной напряженности в регионе. Как отмечал в 1997 году Ю.И. Медведев, в то время – министр печати и информации Удмуртской Республики, «целью национальных СМИ является повышение национального самосознания, пропаганда языка, истории, культуры, развития патриотизма и интернационализма» [Медведев, 2003: 253-254] (под «национальными СМИ» имеются средства массовой информации, вещающие и печатающие не на русском, а на языках этнических общностей, проживающих в Удмуртии). Поскольку родной язык выступает как наиболее важная характеристика этнической культуры, как главный фактор культурной интеграции, вклад СМИ в трансляцию этнической культуры недооценивать не следует. На примере телевидения рассмотрим, в какой степени национальные СМИ Удмуртской Республики оправдывают себя как один из институтов этнической социализации (см. табл. 12). Отметим, что названия передач в таблице даются в таком виде, в каком они были обозначены в анкетах респондентами.

Таблица 12

**Просмотр телевизионных передач
на национальных языках***

Варианты ответов	Удмурты	Татары
Не смотрят	67	80
Дурынчи кар	3	---
Иворъёс	19	---
Элькун Иворъес	7	---
Мон тонэ	1	---
Мылысь – кыдысь	11	---
Йоспортэмъес	2	---
Кизили кар	1	---
Лулысь - сюлмысь	3	---
По соседству мы живем	2	---
Эзь	1	---
Хаерле кич	---	20 %

** Суммарный показатель по национальным группам превышает 100%, так как респондентам была предоставлена возможность выбора нескольких ответов.*

В таблицу не включены данные по детям русской национальности, так как они в принципе имеют возможность просматривать все телепередачи на своем родном, русском языке, что и подтвердили их ответы: русские подростки все до единого смотрят передачи по телевидению на родном языке. Между тем, 67% удмуртов и 80% татар вообще не смотрят национальные передачи на своих языках. Тому, видимо, есть причины как объективного, так и субъективного характера. Рассматривая объективные причины, пожалуй, прежде всего, следует выделить то, что территория вещания национальных СМИ ограничена. По данным, указанным в таблице, видно, что большее предпочтение отдается информационным программам – «Иворъёс», «Хаерле кич». Что и понятно, так как новостные передачи выходят практически регулярно и дают возможность узнать о последних событиях, происходящих в республике. Отсюда их привлекательность и для молодежи. Кроме того новости на удмуртском языке «Иворъёс» работают на канале РТР, доступном для зрителей всей территории республики и даже за её пределами, в то время как 34 канал, на котором транслируется много интересных передач на удмуртском языке (например, «Витисько тонэ» «Йкспкртэмъес»), а также на татарском («Хаерле кич»), имеет малую зону вещания, и многие (даже желающие увидеть) горожане, жители отдельных районов не могут их смотреть.

Можно назвать ещё одну причину слабого охвата национальным телевидением молодежной аудитории. Это – недостаточный объем передач на национальных языках в сетях телевидения. Постараемся взглянуть на ситуацию с позиции простого обывателя. Раскроем программу телепередач на любую неделю и отметим для себя передачи на удмуртском и татарском языках с точки зрения возможности их просмотра. Прежде всего, на глаза попадают новости на удмуртском языке - «Иворъёс», которые выходят на телеканале РТР и дублируют русскоязычные «Вести. Удмуртия». Телеканал «Моя Удмуртия» предлагает на удмуртском языке «Шудон корка», а также на татарском «Кунелле кынгырау» и «Татарстан дулкынында». На 34 канале для удмуртов идут новости «Иворъёс», затем «Лулысь-сюлмысь», «Вамыш», «Марһан», раз в неделю выходит передача на татарском - «Хаерле кич». В итоге, по нашим подсчетам, вещание на татарском языке на всех каналах занимает в день примерно 45 минут, на удмуртском – около 2 часов 25 минут. Стоит учесть и то, что в будние дни регулярно выходят лишь новости, остальные передачи могут выходить нерегулярно, их могут снимать с эфира. В выходные дни время вещания передач на национальных языках резко уменьшается. Получается, что объемы вещания на татарском и удмуртском языках явно недостаточны, а время их выхода в эфир – неудобно для просмотра, что и подтверждается разницей в ответах между русскими, татарами и удмуртами. Возникают трудности и с приемом радиопередач, поскольку, по данным Министерства национальной политики УР, в настоящее время более 52% из общего числа населенных пунктов Удмуртии полностью отключены от сети проводного вещания [Материалы к заседанию, 2004: 37] и их количество с каждым годом растет. Это связано как с нерентабельностью содержания проводных сетей, так и с отказом самих жителей от радиоточек из-за постоянного роста цен. Повсеместный же переход на эфирное вещание произойдет не скоро, так как не всем это позволяет сделать финансовое положение.

Из субъективных причин низкого интереса молодежи к национальным передачам может быть стоит отметить, что у аудитории нет интереса к

предлагаемой тематике передач, особенно нехваткой передач с молодежной тематикой. Низкий рейтинг во многом обусловлен и недостаточно высоким уровнем подготовки передач.

В то же время качественные передачи на национальных языках по телевидению и радио остаются востребованными, что доказывается социологическими исследованиями, проведенными по заказу Министерства национальной политики УР [Роль средств массовой информации, 2002: 65]. В целом, мы можем констатировать тот факт, что эффективность теле- и радиовещания как канала передачи этнической культуры в широком смысле этого понятия далека от оптимальной. И дело даже не в том, что республиканские ТВ и радио не проявляют достаточного внимания и интереса к национальной тематике как таковой. В значительной степени решение проблемы связано с общефедеральной государственной национальной политикой.

По материалам нашего исследования, не высок интерес удмуртской и татарской молодежи и к печатным СМИ, выходящими на национальных языках (см. табл. 13).

Таблица 13

**Чтение учащимися газет и журналов на языках своей
национальности***

Варианты ответов	Удмурты	Татары
Не читают	66	87
Њечбур	20	---
Иднакар	8	---
Кизили	16	---
Удмурт дунне	11	---
Инвожо	9	---
Кенеш	2	---
Вордскем кыл	1	---
Алнаш колхозник	2	---
Янарыш	---	13

* Суммарный показатель по национальным группам превышает 100%, так как респондентам была предоставлена возможность выбора нескольких ответов.

Среди татарских респондентов 87% не читают на татарском языке ни газет, ни журналов. Лишь 13% читают газету «Янарыш» – единственное в Удмуртии печатное издание, выходящее на татарском языке. Газет и журналов на удмуртском языке выходит гораздо больше, они имеют различную тематику, поэтому и состав их читательской аудитории шире. На удмуртском языке издаются общереспубликанские газеты «Удмурт дунне» и детская «Нечбур», межрайонная газета для северных районов республики «Иднакар» (на русском и удмуртском языках), районная газета Дебеского района «Байгурезь». В Алнашском, Завьяловском, Игринском, Малопургинском, Шарканском, Увинском и Якшур-Бодьинском районах при районных газетах выходят приложения на удмуртском языке. Также выпускаются журналы «Вордскем кыл», «Кенеш», детский – «Кизили», молодежный – «Инвожо», женский – «Ашальчи» [там же: 59]. Удмуртскую молодежь, как видно из представленной таблицы, больше интересуют издания, адресованные детской и юношеской аудитории – газета «Нечбур», журналы «Кизили» и «Инвожо», в которых затрагиваются проблемы, волнующие подрастающее поколение.

При таком количестве разнообразных удмуртских печатных изданий трудно объяснить их низкий рейтинг среди удмуртской молодежи. Причин тому, скорее всего, несколько. Возможно, это связано с недостаточным знанием языка, так как по результатам этносоциологического исследования «Удмуртия – 2000», уровень знания половины опрошенных удмуртов достаточно низок, респонденты либо только усвоили разговорную речь, либо только понимают, но не говорят на удмуртском языке [Этнополитическая и этносоциальная ситуация, 2000: 75]. Знание и понимание родного языка ещё не гарантирует легкого усвоения литературного языка, свободного чтения на нем печатной литературы и периодики. Кроме того, тиражи удмуртских изданий год от года снижаются. Так, Ю.И. Медведев в своем докладе на конференции «Национальное развитие и межнациональное сотрудничество народов Удмуртии» приводил следующие примеры: тираж «Инвожо» в 1995 году составлял 2 тысячи экземпляров, то 1997 – только 326; тираж «Кизили»

снизился за этот же период с 4,5 тысяч до 983 экземпляров. И это характерно было для всех печатных изданий на удмуртском языке [Медведев, 2003: 253-254]. На 2004 год ситуация несколько улучшилась, но тенденция к падению тиражей национальных периодических изданий не преодолена. Основными причинами сокращения тиражей эксперты считают недостаточное финансирование из бюджета республики и низкий уровень национального самосознания удмуртов, отсутствие интереса к чтению среди удмуртской молодежи [Смирнова, Губогло, 2003: 60-61]. В целом, соглашаясь с мнением экспертов, автор все же склонен считать, что узость молодежной читательской аудитории в чем-то объяснима и недостаточным объемом тиражей, отсутствием изданий в библиотеках, особенно сельских. Схожая картина наблюдается и в сфере чтения художественной литературы (см. табл. 14).

Таблица 14

Чтение учащимися книг на языках своей национальности

Варианты ответов	Русские	Удмурты	Татары
Не читают	6	52	70
Читают	94	48	30

Как видим, среди татарских детей только 30% читают книги на родном языке, а среди удмуртов чуть меньше половины – 48%. Причины все те же – недостаточный для свободного чтения уровень владения родным языком, слабая представленность национальной художественной литературы в библиотечных фондах, которые, в свою очередь, не могут её приобретать из-за недостаточного финансирования. Возможно, причина кроется и в непривлекательной тематике предлагаемых произведений национальных авторов для молодежи. Безусловно, свою пагубную роль сыграло катастрофическое сокращение выпуска книгоиздательской продукции. Так, в 1998 году выпуск книг на 1000 человек населения по годовому тиражу в Удмуртии упал по сравнению с 1990 годом, до 5,2% [Губогло, Смирнова, 2001: 388]. Обращает на себя внимание наличие среди русских респондентов лиц,

которые вообще не читают книги. Вероятно, это связано с общей тенденцией падения популярности чтения в молодежной среде.

На сегодняшний день определенные функции носителя этнической символики начинает брать на себя профессиональная культура, вырабатываемая и тиражируемая интеллигенцией. Данный вид культуры в основном интегрируется в общество через средства массовой информации. Именно интеллигенцией производится тот творческий продукт, который поступает в общество в виде телевизионных и радиопередач, газетных и журнальных статей, произведений художественной литературы, научных публикаций и т. д. При этом данные произведения часто начинают жить собственной жизнью, становясь самостоятельными элементами этнической культуры, своего рода общенациональными символами. В пример можно привести всенародно известную и любимую песню на слова Г.Е. Верещагина «*Чагыр, чагыр дыдыке*» (Сизый, сизый голубочек), которая воспринимается людьми как произведение народной культуры. Сложно оценить количественный объём творческой продукции, которую выдает, например, удмуртская интеллигенция, но её социализирующее воздействие переоценить трудно. Значимость профессиональной культуры в этнической социализации на нынешний день достаточно велика. Для примера рассмотрим, какова привлекательность современных профессиональных национальных коллективов и некоторых творческих студий в глазах молодежи (см. табл. 15).

Таблица 15

**Посещение учащимися выступлений народных ансамблей
своей национальности**

Варианты ответов	Русские	Удмурты	Татары
Не посещают	68	46	57
Посещают	32	54	43

Как видим, удмуртские респонденты являются наиболее активными зрителями на представлениях своих национальных профессиональных творческих коллективов. При этом только учащиеся-удмурты при заполнении анкеты указывали названия конкретных коллективов, хотя этого и не

требовалось. Меньше всего посещают концерты и представления национальных русских творческих художественных коллективов дети русской национальности. Этот факт вызывает некоторое недоумение, особенно относительно городских детей, так как именно в городской среде молодые люди имеют гораздо больше возможностей для знакомства с творчеством профессиональных коллективов, тогда как в сельской местности молодежь практически лишена этого. На мой взгляд, в республике явно недостаточно каналов, транслирующих в молодежную среду творчество интеллигенции, работающей в этническом ключе, особенно в рамках современных жанров, например, этнофутуризма. Расширение молодежной зрительской аудитории способствовало бы более глубокому знакомству молодых людей с этнической культурой, меняло стереотипы их национальной культуры как узко традиционной, а значит устаревшей и, проще говоря – «немодной».

Средства массовой информации зачастую формируют представления-маркеры, внедряя в обществе стереотипы о том или ином народе. В традиционном обществе одним из способов реализации функции хранения, передачи и развития традиций было коллективное проведение многих календарных праздников, обрядовых действий, религиозных ритуалов [Громыко, 1984: 79]. Этноинтегрирующая роль этих действий была очень высокой. Современная ситуация складывается таким образом, что сфера бытования традиционных праздников неумолимо сокращается. Лишь очень немногие из них сохранились и продолжают восприниматься людьми как необходимый компонент современной культуры, порой во многом благодаря активному освещению их в СМИ. Любопытно в этом плане посмотреть на отношение молодых людей к традиционным народным праздникам и к тому, что они подразумевают под ними (см. табл. 16).

Таблица 16

Народные праздники, отмечаемые респондентами*

Варианты ответов	Удмурты	Татары
Не отмечают	35	33
Затрудняются ответить	12	13

Продолжение таблицы 16

Отмечают	53	53
В том числе: Гырон быдтон	33	---
Гербер	19	---
Бадъым нунал	8	---
Сабантуй	6	27
Пасха	11	---
Масленица	5	---
Курбан-байрам	---	23
Ураза байрам	---	20

** Суммарный показатель по национальным группам превышает 100%, так как респондентам была предоставлена возможность выбора нескольких ответов.*

Данные таблицы показывают, что приблизительно третья часть респондентов-удмуртов (35%) и татар (33%) не отмечают праздники своего народа. Ответы учащихся русской национальности нами не включены в таблицу, так как почти все они в основном указывали современные общегражданские праздники: от Дня города до Нового года. В процессе исследования выяснилось, что русские дети затрудняются с определением понятия «народные праздники». На вопрос «Какой праздник считать именно праздником моего этноса?» затруднились дать ответ также 12% татар и 13% удмуртов. У остальных ответивших респондентов отмеченные ими праздники в их сознании ассоциируются с этничностью. Видно, что для татар они связаны с исламом, и это не вызывает удивления, так как на уровне общественного сознания сохраняется устойчивый этноконфессиональный стереотип: «татарин – мусульманин». В то же время утверждение о повсеместном распространении установки «удмурт-язычник», высказанное в одном из информационных сборников [Этнополитическая и этносоциальная ситуация, 2000: 29], вряд ли допустимо при анализе ситуации в удмуртской молодежной среде. Если в традиционном обществе религиозные верования для удмуртов действительно являлись существенным этническим маркером, то в настоящее время (после многих лет христианизации, периода господства воинствующего атеизма) они утратили былую роль. Лишь у локальных групп удмуртов, проживающих в Пермской области, Республиках Татарстан и Башкортостан традиционные

религиозные верования и связанные с ним обряды продолжают играть этнодифференцирующую и этноинтегрирующую роль. Что касается слабых импульсов «неоязычества», то, судя по всему, среди современной молодежи Удмуртии большого интереса они не вызывают. Зато достаточно большое внимание привлекает к себе чисто удмуртский земледельческий праздник «Гербер», получивший в последнее десятилетие «второе дыхание», превратившись из национального праздника в общереспубликанский.

§ 4. «Улица» как фактор социализации

Рассмотренные выше институты социализации удмуртов затрагивают больше плановую, организуемую сторону процесса этнической социализации. В то же время весьма значительное место занимает стихийная социализация, влияние так называемой «улицы». В данное понятие включаются неформальные объединения детей, «общество сверстников», с которыми ребенок находится в постоянном контакте. Часто происходит таким образом, что подросток-удмурт, получая в семье, школе этнокультурную информацию, достаточно спокойно, не совсем даже осознанно идентифицирует себя со своим этносом. И эта идентификация обычно не вызывает у него негативных эмоций, особенно в младшем возрасте. Но, выходя на улицу, он с большой долей вероятности может столкнуться с негативным, высокомерным отношением в адрес своей этничности (например, национальной принадлежности, речевого акцента, антропологических особенностей и др.) Для подростка эта ситуация может обернуться болезненными эмоциональными переживаниями в том плане, что ему необходимо самоутвердиться в коллективе сверстников и не стать предметом насмешек. Были случаи, когда дети начинали стыдиться национальности своих родителей, скрывать её от товарищей.

Обратимся к вопросу о предпочтениях учеников в выборе друзей: для нас важно уяснить, имеет ли место в этом выборе этнический фактор. В ходе исследования подросткам было предложено назвать национальность трех

наиболее близких друзей, их ответы суммированы и представлены в таблице 17.

Таблица 17

Этнический состав близких друзей опрошенных

Варианты ответов	Русские	Удмурты	Татары
Русские	97	76	90
Удмурты	30	86	47
Татары	31	14	70
Другие	17	4	17

Как видим, для наших респондентов национальная принадлежность друзей не безразлична: 97% русских, 70% татар и 86% удмуртов указали среди тех, с кем поддерживаются дружеские отношения, представителей своего этноса. Возможно, подобный «отбор» происходит даже на подсознательном уровне, так как в личных беседах респонденты заявляли, что для них национальность друга не столь важна, как его личностные качества. Интересны тенденции в предпочтительном выборе дружеских партнеров из представителей других этносов. Русские подростки достаточно ровно относятся как к сверстникам-удмуртам, так и к татарам. Татарские же дети больше предпочитают общаться с русскими (90%), нежели с удмуртами (только 47%). Преобладание у детей татарской национальности друзей-русских (а не татар) объясняется, на мой взгляд, достаточно просто: татары как этническая общность в общей массе являются относительно малочисленной группой и возможности интенсивных и «коротких» внутриэтнических связей ограничены, особенно в условиях города. Респонденты-удмурты также останавливают выбор друзей из своей и русской среды (76%), татар как партнеров по дружбе называли лишь 14%. Таким образом, в выборе партнеров для дружеского общения предпочтение отдается представителям своей национальности, что связано, вероятно, со всем спектром проявления этничности, например, языка, благодаря которому легче устанавливать контакт. Полагаю, что важна также роль особенностей этнической психологии и национального характера, свою специфику

накладывают и предубеждения, бытующие в общественной среде и влияющие на формирование стереотипов по отношению к людям другой национальности.

Индивид в ходе онтогенеза усваивает, зачастую стихийно, бытующие в обществе представления-стереотипы об этническом составе общества. Именно в данных стереотипах передается коллективный опыт социума, в том числе и этнокультурная информация. Из этих представлений формируется своеобразное видение этнической картины, складывается стратегия поведения индивида по отношению к собственному и другим этносам. Рассмотрим качества, которыми, по мнению респондентов, обладают представители народов, о принадлежности к которым они заявили. В таблицу вынесены наиболее часто встречавшиеся варианты ответов (см. табл. 18).

Таблица 18

Основные автостереотипы в среде учащихся*

Варианты ответов	Русские	Удмурты	Татары
Затрудняются ответить	11	8	27
Веселость	5	---	3
Гостеприимство	48	68	50
Доброта (дружелюбие)	45	60	43
Экономность	12	11	20
Щедрость	8	5	10
Сплоченность	---	---	3
Ум	---	---	3
Настойчивость (упорство)	---	---	7
Верность	---	---	3
Общительность, приветливость	18	6	---
Скромность, замкнутость	---	16	---
Уважение, заботливость	---	7	---
Трудолюбие	---	9	---
Широта души	22	---	---

**Суммарный показатель по национальным группам превышает 100%, так как респондентам была предоставлена возможность выбора нескольких ответов.*

По полученным данным, можно сделать следующие выводы. Во-первых, с ответом на вопрос «Какими качествами, на Ваш взгляд, обладают представители Вашей национальности?» затруднилась ответить лишь небольшая часть опрошенных, за исключением татар, что, по-видимому,

свидетельствует о том, что подростки достаточно четко определяют особенности своего этноса. Во-вторых, среди представленных характеристик преобладают положительные черты. Конечно, были в ответах и негативные замечания, но их количество незначительно. Респонденты наделяют представителей собственных этносов такими общими для всех ценностными качествами как доброта, гостеприимство, экономность, щедрость, общительность, которые соответственно примериваются ими и на себя. В то же время каждому этносу приписывают специфические, наиболее характерные именно им, черты, которые и выделяют их среди других. Эти качества можно оценивать по-разному, давая им положительные или отрицательные значения, но они определяют особенности индивидуального развития психики и диктуют образцы поведения, требуемые этносоциальной общностью. Так, для удмуртов это, прежде всего, скромность, замкнутость, а также трудолюбие и заботливость. Для татар – упорство, сплоченность, верность. Все русские, по мнению ответивших, отличаются веселостью и широтой души. В итоге, если рассматривать автостереотипы как программу воспитания человека этнического, то именно этими данными качествами – с учетом этнических вариаций – должен обладать каждый член рассматриваемых этносов. В случае с удмуртами мы видим, что основные представления о своем народе, выделенные нашими респондентами, были сформированы ещё в традиционном обществе, но сохранились до наших дней и, похоже, культивируются в подрастающих поколениях (см. главу II). Хотя, конечно, необходимо помнить, что современные подростки практически не живут в моноэтнической среде, поэтому на их поведение влияют и другие общественные установки.

Таблица 19

Представления о других народах в среде подростков-русских *

Варианты ответов.	удмурты	татары
Затрудняются ответить	15	27%
Гостеприимство	33	20
Доброта (дружелюбие)	33	17
Предприимчивость	---	7

Продолжение таблицы 19

Экономность	22	10
Открытость, приветливость,	14	7
Скрытность	---	10
Жадность	---	7
Трудолюбие	---	7
Высокомерие, гордость, самолюбие	15	---
Национальная недоброжелательность, злость	11	---

Таблица 20

Представления о других народах в среде подростков-удмуртов*

Варианты ответов.	Русские	Татары
Затрудняются ответить	29	30
Веселость	---	7
Гостеприимство	29	20
Доброта (дружелюбие)	30	17
Экономность	13	23
Скованность (скромность)	4	7
Скрытность, замкнутость	5	10
Трудолюбие	---	7
Бесцеремонность, наглость, заносчивость	5	---

Таблица 21

Представления о других народах в среде подростков-татар*

Варианты ответов	Русские	Удмурты
Затрудняются ответить	28	22
Гостеприимство	19	13
Доброта (дружелюбие)	11	11
Экономность	23	11
Активность, настойчивость	----	11
Общительность, приветливость	5	6
Жадность	4	11
Хитрость	7	15
Наглость, нахальство	4,6	11
Гордыня, заносчивость	----	10
Агрессивность, грубость, злость.	6	6

*Суммарный показатель по национальным группам превышает 100%, так как респондентам была предоставлена возможность выбора нескольких ответов.

Теперь рассмотрим, какими качествами наделяют подростки представителей других этносов (см. табл. 19, 20, 21). Прежде всего, отметим, что для наших респондентов определение качеств соседних народов оказалось гораздо более сложным, чем характеристика собственного этноса. Возможно, это связано с недостаточным объемом получения этнокультурных знаний о других народах, с малым опытом межэтнических контактов, что вполне закономерно, поскольку индивид даже на современном этапе развития общества гораздо чаще и ближе общается с членами своей этнической группы (например, в процессе семейного общения), нежели с другими. В целом, выделенные этносы наделяются детьми в основном положительными характеристиками. Это говорит о достаточно спокойной межэтнической ситуации в республике, где народы смогли выработать приемы мирного сосуществования, передающиеся и подрастающим поколениям. Но в то же время мы видим оценочные качества негативного порядка. При этом те или иные отрицательные качества приписываются всем этносоциальным группам. В силу возрастных особенностей (непосредственность, эмоциональность, подражательность и т. д.), слабости и неустойчивости внутренних сдерживающих культурных и иных социальных механизмов, дети зачастую бессознательно копируют стереотипы, бытующие в «мире взрослых», и их проявление может принимать крайние формы.

В принципе неоднозначное отношение к другим этносам вполне естественно: как отмечают ученые-конфликтологи, пространство (страна, республика), где существуют и взаимодействуют различные этносы, вообще редко находится в состоянии равновесия, так как по самой своей природе оно конфликтогенно [Этнополитическая и этносоциальная ситуация, 2000: 80]. Таким образом, возможность конфликтов объективно заложена в процессе взаимодействия этносов, главное, чтобы естественно-историческая оппозиция «мы – они» не перерастала в воинствующий шовинизм, непримиримое противостояние и вражду.

Сравнивая отмеченные у подростков авто- и гетеростереотипы, можно увидеть, что некоторые характеристики в них совпадают, особенно у удмуртов и татар. Так, татары среди качеств, присущих их народу, отметили настойчивость, упорство. Почти теми же качествами их наделили и русские, удмуртские подростки: в их ответах встречается целый ряд определений, отмечающих упорство и настойчивость татар, доходящие порой до нахальства и агрессивности в достижении целей. Удмурты в автостереотипах указывают на скромность, замкнутость, и представители других этносов также считают, что им присущи скрытность, скованность. Сложно сказать, что здесь первично: автостереотип ли сформировался под воздействием соседних народов, либо, наоборот, собственные представления и соответствующее поведение вызвали ответные оценочные суждения со стороны других этносов. С уверенностью можно отметить одно: сложившиеся стереотипы в основном передаются индивиду и закрепляются в нем в процессе этнической социализации. Конечно, это вовсе не значит, что все дети обязательно должны будут обладать всеми качествами и чертами характера, присущими для их этноса, и соответствующе вести себя. Пространство для вариаций существовало даже в традиционном обществе, а в современных условиях – тем более: это и возросшая мобильность, ведущая к обогащению межэтнического общения, и особенности индивидуальных психотипов, и большой выбор образцов для подражания и т. д. Но в целом, воспринимая этническую культуру, дети усваивают и этнические стереотипы. Они могут не принимать их, даже стараться своими действиями разрушить устоявшиеся представления и пытаться сформировать иные, но все же будут руководствоваться стандартами, зачастую – неосознанно.

Как уже отмечалось, стереотипные представления определяют эмоциональное отношение подростков к своему этносу (см. табл. 22).

Таблица 22

Отношение к собственной этнической принадлежности

Варианты ответов		Русские	Удмурты	Татары
01	Я горжусь своей национальностью	36	11	27

02	Мне все равно	15	16	17
03	Я стыжусь своей национальности	0,6	3	---
04	Отношусь к своей национальности с достоинством, уважаю свой народ	36	52	23
05	Я горжусь своей национальностью и отношусь к ней с достоинством, уважаю свой народ	13	18	30
06	Затрудняюсь ответить	0,6	---	---

В данной таблице приведены варианты ответов детей на вопрос «Как вы относитесь к своей национальности?». Респондентам предложено было на выбор подчеркнуть один из пунктов 01, 02, 03, 04, либо в пункте 05 указать свой вариант ответа. Получилось так, что практически все, кто выбрал пункт 05, внесли туда совмещенный вариант 01, 04, то есть основная часть опрошенных показала, что относится к своему этносу с достоинством, уважает свой народ. Наибольшее количество выбравших данный вариант оказалось среди удмуртов. Равнодушие к собственной этнической идентичности проявили 15% русских, 16% удмуртов, 17% татар. Вероятно, подобное безразличие вызвано актуальностью других проблем, стоящих перед молодежью. Эксперт – председатель Общества бесермянского народа В.Ф. Сабреков – в устной беседе с автором высказал мнение, что относительное безразличие молодежи к собственной этнической принадлежности можно объяснить тем, что по-настоящему серьезно человек задумывается об этом уже в зрелом возрасте, примерно в сорок лет, когда начинает испытывать желание «вернуться к истокам».

Незначительная часть опрошенных показала, что стыдятся своей национальности: среди удмуртов – 3%, русских – 0,6%, а среди татар таких не оказалось. Интересно, что при нашем исследовании дети в принципе могут указывать любую национальность – их никто не проверял, не контролировал, тем не менее, они все же равно указали её, даже испытывая чувство стыда за свой этнос.

Меньше всего удмуртов, по сравнению с русскими и татарами, гордятся своим этносом – 11%, у других данный показатель доходит до трети опрошенных. По мнению автора, подчёркивание чувства гордости за свой народ иногда может свидетельствовать об обостренном и уязвимом этническом самосознании, когда через демонстрацию этого чувства человек пытается компенсировать комплекс неуверенности, может быть, даже неполноценности. Если это так, то кажется удивительным, что часть детей-удмуртов даже демонстративно не пожелали проявить гордость за свой народ, а ведь в общественном сознании жителей Удмуртии, кажется, уже утвердилось убеждение, что удмурты часто пытаются самоутвердиться именно таким образом. Впрочем, этническое самосознание 11% наших респондентов, может быть, вовсе не отягощено подобными комплексами: они просто считают, что у них есть основания гордиться своим народом.

Таким образом, в процессе стихийной этнической социализации подрастающее поколение получает представления о собственном и соседних этносах, определяет общественный статус своего народа. Этнические представления-стереотипы, воспринимаемые ребенком на «улице» в результате межличностного общения, формируют различное эмоциональное отношение к собственной этнической идентичности.

В конце главы подведем некоторые итоги. Как и в традиционном обществе, современный индивид первоначальные этнические знания получает в семье, в ней происходит первичное осознание своей принадлежности к этнической группе. Определяющее воздействие на этническую социализацию оказывают родители и близкие родственники. В тех семьях, где оба родителя одной национальности, ребенок без труда усваивает этническую культуру, и этническая идентичность воспринимается им как нечто предопределенное. Трудности возникают, когда родители – разных национальностей. В этом случае ребенок оказывается под перекрестным воздействием двух культур и обычно идентифицирует себя по национальности более авторитетного или эмоционально близкого к нему родителя. Например, согласно данным

проведенного социологического опроса, удмуртские дети предпочтение отдают национальности матери, татары – национальности отца.

В современных условиях в воспитании этничности чрезвычайно возросла роль школы. При этом для представителей различных народов школа как источник этнокультурной информации может иметь разное значение. Там, где существуют специализированные (национальные) учебные заведения, школа часто выступает в качестве нового, даже более богатого, чем семья, источника этнических знаний и представлений. В случае, когда подобных учреждений недостаточно или их нет вообще, индивид получает этнокультурную информацию из других социальных институтов.

Одним из каналов передачи информации в современном обществе служат средства массовой информации, через которые общество оказывает непосредственное воздействие на индивида. В большинстве случаев именно через СМИ осуществляют свое воздействие на этнофора национальные элиты, творческая интеллигенция. Благодаря им, народ воспринимает профессиональную культуру, работающую в рамках этнической. Кроме того, газетные и журнальные публикации, теле- и радиопередачи, другие виды выражения деятельности национальных СМИ наполняют информационное пространство этнокультурной составляющей, которая ненавязчиво воспринимается молодежью и позволяет представителям этносов самореализовываться. Однако деятельность СМИ в Удмуртской Республике не в полной мере отвечает потребностям этнических меньшинств, так как преобладает русскоязычное информационное поле.

В то же время одним из определяющих факторов, влияющих на передачу этнической культуры и формирование этнического самосознания, служат контакты в среде сверстников, в которых проявляются общественные представления. В данной среде ребенок на практике переживает свой опыт межнационального общения. Результаты исследования показывают, что дети стремятся общаться с представителями своей национальности. Происходит дополнительный обмен родственной этнической информацией,

воспринимаются и апробируются нормы, принятые в этнокультурном обществе. Здесь необходимо обратить внимание на значение авто- и гетеростереотипов в процессе этнической социализации. Данные стереотипы – представления о своем и других этносах – складываются в ходе исторического развития. Они служат образным отражением народного опыта, как внутригруппового, так и межэтнического. Индивид в ходе своего развития получает информацию о качественных характеристиках своего этноса, к овладению которыми он должен стремиться и вести себя согласно постулируемым установкам. В отношениях с представителями других этносов он, прежде всего, ориентируется на стереотипные представления об этих этносах, в соответствии с которыми выстраивает и свое поведение. Кроме того, данные представления-стереотипы во многом служат отражением общественного статуса, который занимает тот или иной этнос. Как следствие, данное статусное положение вызывает различную эмоциональную реакцию у индивидов. В том случае, когда статус этноса и его языка низкий, индивид в процессе этнической социализации может отказаться от своей этнической принадлежности, либо его самовосприятие, ощущение себя как этнофора будет сопровождаться негативными эмоциями. Следует отметить, что негласный общественный рейтинг этноса, престижность тех или иных форм его культурного, языкового самовыражения продолжает своё воздействие практически на всех этапах этнической социализации личности.

Заключение.

Подведем итоги диссертационной работы. Так как частные выводы по конкретно решаемым задачам давались в конце каждой главы, здесь выделяются наиболее важные теоретические положения, которые определились в результате исследования.

Во-первых, этническая социализация личности в научных подходах к проблемам этноса может рассматриваться как механизм воспроизводства этнической группы, через который подрастающему поколению передается этническая культура, независимо от того, понимается ли она как объективная реальность, или как «воображаемая ценность». Этническая культура на современном этапе развития человечества достаточно интенсивно теряет четко выраженные маркирующие черты (границы), которые несли в себе, например, одежда, народная кухня, жилище, предметы быта, фольклор. Даже родной/национальный язык как один из основных факторов идентификации с этносом постепенно утрачивает свои позиции: владение им не всегда есть обязательное условие успешной интеграции в современное общество. Таким образом, происходит размывание традиционной культуры. Процесс этот развивался в течение всего XX в., но особенно усилился на рубеже XX–XXI вв., и более всего отразился на малочисленных этносах. Поэтому логично возникает вопрос: о какой же этнической культуре может идти речь, и что же тогда воспринимает индивид в процессе этнической социализации? Определяя для себя этническую культуру как комплекс различий, отделяющих этническую группу от других подобных обществ, можно считать, что она развивается и видоизменяется вместе со своим носителем, то есть этносом. Для современности характерен переход этничности из сферы материальной в духовную, человек в процессе социализации может получать представления и знания о культурных отличиях своей группы, воспринимать особенности мышления (этнопсихологию), соционормативную культуру. Еще Ю.В. Бромлей отмечал возрастание роли историко-этнографических знаний для развития этнического самосознания, как скажем, представление об общем

происхождении [Бромлей, 1983б: 190]. В любом случае результатом этнической социализации становится сформированное этническое самосознание как система осознанных представлений и знаний о культурных отличиях своей этнической группы. Данный процесс может проходить стихийно, а может быть целенаправленным, конструируемым.

В традиционном обществе этническая социализация протекала «непреднамеренно», естественно. Во многом это происходило благодаря тому, что люди практически жили в одной, достаточно замкнутой в силу общинного образа жизни, этнокультурной среде, которую и воспроизводили в процессе межличностного общения. Семья, родственники, детское сообщество, община – действия всего близкого окружения индивида, с которым он вступал в непосредственные отношения, были направлены на возможно более полное восприятие культурного опыта этноса, так как от этого зависела стабильность и жизнеспособность социума. Контакты с иноэтничным окружением позволяли осознавать особенные черты своей этнической группы и способствовали консолидации со своей референтной группой. Конечно, многое зависело от характера межэтнических взаимодействий: в случае дружеских отношений был возможен обмен культурным опытом, взаимная ассимиляция, а при негативном начинала превалировать тенденция взаимоотторжения, стремление к изоляции или преобладанию над культурой других народов.

В традиционном обществе этническая социализация не была специально моделируемой, так как совпадала с процессом социализации как таковой, и шла естественно, ненавязчиво. Ребенок становился членом социума, но одновременно становился и этнофором. В диссертации уже отмечалось то обстоятельство, что ребенок-удмурт рождался в крестьянском обществе и был практически запрограммирован на социализацию в нем. Он должен был стать, прежде всего, крестьянином, впитать в себя, перенять, усвоить родительскую матрицу образа жизни, поведения, деятельности и т. д., поэтому проблема выбора в принципе для него не была актуальна. Крестьянская община, в пределах которой протекала жизнь человека, стабилизировала социум, но она

же и консервировала традиции, в том числе и этнические. Общинный уклад, сословность общества перекрывали возможности для вертикальной мобильности крестьян. Так, для удмуртов перспективы роста по социальной лестнице практически не было. В лучшем случае, грамотный удмурт мог подняться до писаря в волостном управлении или стать священником. Слаба была и горизонтальная мобильность крестьянства, о чем свидетельствует, например, наличие множества локальных вариантов культуры у тех же удмуртов. Таким образом, ребенок, родившийся в крестьянском социуме, и культуру воспроизводил локальную, крестьянскую, общинную, соответственно и – традиционную, этническую. В этом – и сила, и слабость традиционного общества. Преимущество проявлялось в том, что цикличное, круговое воспроизведение образа жизни, культуры способствовало сохранению этничности. Этническая культура внутри социума перенималась непринужденно, при активном участии самого индивида, когда грань объект-субъект была практически невидима, размыта. В то же время новые импульсы, как экономические, так и культурные поступали слабо. Обновление происходило крайне медленно. Прогресс как таковой – затормаживался. Но в любом случае для предмета данного исследования – трансмиссии этничности, этнизации подрастающего поколения – традиционный уклад жизни был естественным и органичным.

Иная ситуация складывается в современном обществе. Развитие информационных технологий, высокая урбанизированность и миграционная активность населения приводят к тому, что этническое информационное поле размывается. Ребенок с рождения сталкивается со множеством культурных вариаций, получает информацию не только и не столько от ближайшего окружения, и не только через личные контакты: теперь общество активно воздействует на него через современные средства массовой коммуникации. Человек практически «вырван» из моноэтнического пространства, на него оказывают воздействие культуры других народов, и особенно сильно – доминирующие. В такой ситуации институты традиционной этнической

социализации уже не справляются со своими задачами, особенно в городских условиях. Пожалуй, единственным привычным, естественным и неотъемлемым институтом, продолжающим играть важную роль в этнизации личности, остается семья. Но и она не всегда может обеспечить передачу этнической культуры, в чем мы убедились на примере не только этнически смешанных семей. Нами зафиксированы случаи, когда дети даже из этнически однородных семей не желают идентифицировать себя с национальностью родителей. Вероятней всего, в таких семьях механизм передачи этнической культуры, языка, самосознания и т. д. в семьях «не работал».

В современных условиях в процесс этнической социализации включаются институты, которых традиционное общество не знало. Среди таковых необходимо отметить, прежде всего, общеобразовательную школу, СМИ, общественные национальные организации и объединения, осуществляющие процесс этнизации целенаправленно, через специальные программы, планы, мероприятия и т. д. Но реалии современности диктуют свою «игру» и результаты этнической социализации, даже целенаправленной, не всегда позитивно результативны: под влиянием установок, бытующих в общественном окружении, не редки случаи отказа от национальности своих родителей, негативные эмоции, возникающие в процессе отождествления себя с тем или иным этносом, неприятие этнической культуры и отрицательное отношение к представителям других народов.

Пожалуй, основными причинами подобных «сбоев» в механизме этнической социализации являются недостаток этнокультурной информации (в том числе и в сфере овладения родным языком), получаемой индивидом, и общественный статус этноса. В пример можно привести ситуацию, складывающуюся в языковой сфере малочисленных народов России. Выбор ребенком языка общения не в пользу родного языка происходит в результате отсутствия необходимой языковой среды. Ребенок не может нормально осваивать родной язык, так как испытывает недостаток общения с носителями языка, а усвоивший его – не видит широких перспектив для самореализации из-

за узости сферы его применения. Кроме того, накладывают свой отпечаток достаточно распространенные стереотипы об ущербности национального языка и культуры как явлений сельских, деревенских, указывающих на некоторую «отсталость» его носителя, а также как, ограниченных рамками «кухни», «сельской околицы» и т. д. Молодой удмурт (особенно в городе) поставлен в жесткие рамки: как идентифицировать себя с удмуртским этносом, когда для успешного самоутверждения как «на улице», так и в профессиональной сфере необходимо избавляться от любых намеков на подобные «сельские» корни. В результате мы видим, как языковые ориентации молодежи склоняются в сторону русского языка. Таковы реалии, с которыми сталкиваются многие этносы, в том числе и в нашей республике.

Для полноценной этнической социализации личности в современном обществе необходима сбалансированность воздействий всех институтов социализации. Ребенок, получая определенные этнические знания в семье, должен в дальнейшем дополнять их этнокультурной информацией в школе. В этнизации подрастающего поколения активно должны участвовать и национальные общественные объединения и организации. При этом процесс должен быть организован таким образом, чтобы ребенок не переживал чувств национальной, интеллектуальной ущербности, не ощущал психологического дискомфорта. Положительная мотивация знакомства с этнической культурой, усвоения родного языка возможна в том случае, если он будет общаться с полноценными сложившимися личностями – представителями своего этноса. Но и этого мало. Этническая социализация молодежи должна вестись целенаправленно, этот процесс должен быть един, и иметь в конечном результате воспитание этнически толерантной, активной личности, которая знает, уважает и ценит культуру, как своего народа, так и других. Для этого необходима, во-первых, озадаченность данной проблемой на государственном уровне и, соответственно, государственная поддержка, во-вторых, не должно быть рассогласованности действий среди социализаторов, процесс социализации должен быть систематизирован, организован с учетом

особенностей воздействия каждого субъекта социализации на объект, и, в-третьих, молодежь должна осознавать ценность своей культуры, языка и видеть те перспективы, которые даёт это знание. Особую значимость в этом процессе имеет СМИ. Они играют важную роль в формировании, функционировании и эволюции общественного сознания, поэтому на них должна быть возложена задача постепенного вырабатывания общественного мнения о ценности и значимости национальных культур, культурной терпимости и толерантного отношения к представителям других этносов. Кроме того, данный институт является одним из источников этнокультурных знаний, которые напрямую могут дойти практически до каждого, особенно через телевидение.

Проблемы, связанные с этнической социализацией подрастающего поколения в современном удмуртском обществе, не являются неразрешимыми. Несмотря на все негативные моменты, прозвучавшие в работе, у удмуртского этноса есть будущее. С прогнозами, конечно, надо быть осторожнее, но логика самой истории актуализирует необходимость прогностических оценок. В связи с этим хочется привести один очень показательный пример. Более ста лет назад П.Н. Луппов, проанализировав влияние русской колонизации на удмуртов, высказался, что «окончательный результат ассимилирующего влияния русских на вотяков не трудно предвидеть: это полное отождествление, слияние вотского населения с русским» [Луппов, 1899: 18]. Его современник, И.Н. Смирнов, удмуртов прихода села Садинского Глазовского уезда назвал «садинскими оборотнями» за то, что они «оборотились русскими по внешнему виду и по языку, женятся на русских девушках сами и выдают за русских своих дочерей» [Смирнов, 1890: 70], и заключил: «Пройдет 2-3 десятилетия и о существовании вотяков в приходе останется смутное воспоминание» [там же: 70]. Сегодня хочется сказать: удмурты и в селе Сада, и в близлежащих деревнях сохранились и продолжают жить. Они подверглись влиянию русских и, тем не менее, пережили весь XX век, перешли его рубеж. Данный пример свидетельствует о больших адаптационных возможностях этноса, его способности приспосабливаться к меняющимся условиям и вырабатывать новые способы

этнокультурной интеграции. Сегодня сокращается численность носителей языка, но в то же время значительным остается число удмуртов, обрусевших по языку, но не перестающих считать себя членами удмуртского этноса. Среди сельских удмуртов, активистов национального движения, отдельных представителей национальной интеллигенции владение родным языком считается важнейшим индикатором этничности, хотя многие современные удмурты, особенно молодежь, сегодня видят в нем преимущественно культурное наследие, а не практический инструмент, необходимый в жизненных практиках. По-видимому, с этой реальностью надо считаться и иметь её в виду при выработке тактики и стратегии сохранения и поступательного развития удмуртского этноса.

Следует отметить, что автор не претендует на исчерпывающий анализ вопросов, связанных с этнической социализацией. Проблема не так проста, как может показаться. Наоборот, она чрезвычайно сложна, многоаспектна, пока слабо разработана в отечественной этнологии и требует дальнейших исследований. Ряд конкретных вопросов, обозначенных в диссертации, носит постановочный характер, отдельные выводы – предварительны, и поэтому также нуждаются в более глубоком и одновременно детальном анализе.

Проведенное исследование выявило некоторые новые направления будущих исследовательских проблем. Среди них можно отметить такие как воспроизводство этничности удмуртами в условиях урбанизированной среды, основные тенденции проникновения течений модернизации и урбанизации в традиционно сельскую удмуртскую среду, влияние процесса этнической социализации на выбор профессионально-трудовой деятельности человека. Автор намерен продолжить свои исследования в выбранном направлении, поскольку уверен в высокой научной и прикладной значимости их результатов.

Список источников и литературы

Неопубликованные источники

1. Полевые материалы автора, 2002 год, Кезский район Удмуртской Республики.
2. Полевые материалы автора, 2003 год, Мари-Турекский район Республики Марий Эл, Балтасинский и Кукморский районы Республики Татарстан.
3. Число браков и разводов и коэффициенты брачности и разводимости по данным Госкомстата Удмуртской Республики, 2003.

Нормативно-правовые акты

4. Закон «О государственных языках Удмуртской Республики и иных языках народов Удмуртской Республики» // Известия Удмуртской Республики. 2001. 4 декабря.
5. Закон Удмуртской Республики «О народном образовании» // Смирнова С.К., Губогло М.Н. и др. Феномен Удмуртии. Т.2. Постигание суверенности: становление государственности Удмуртской Республики. Кн. 1. Сфера законодательной власти. М. –Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 2002. С. 338-402.
6. Концепция государственной национальной политики Удмуртской Республики // Информационно-методический сборник №1 (3) Министерства национальной политики УР. Ижевск, 1999. С. 17–31.
7. Материалы к заседанию Расширенной коллегии Министерства национальной политики Удмуртской Республики «Об этнополитической и этносоциальной ситуации в Удмуртской Республике». Ижевск, 2004. 66 с.
8. О положении молодежи в Удмуртской Республике в 2003 году: Государственный доклад. Ижевск, 2004.
9. Этнополитическая и этносоциальная ситуация в Удмуртской Республике (Сборник информационно-аналитических материалов). Ижевск: Министерство национальной политики Удмуртской Республики, 2000. 98 с.

Библиография

1. Александренков А.Г. «Этническое самосознание» или «этническая идентичность» // Этнографическое обозрение. 1996. №3. С. 3–22
2. Андреева Г.М. Социальная психология. М: Аспект Пресс, 1999. 286 с.
3. Антология педагогической мысли России второй половины XIX–начала XX в. М.: Педагогика, 1990. 603 с.
4. Арсеньев В.Р. О воспроизводстве стереотипов полоролевого поведения бамбаре // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб.: Наука, 1991. С. 20–50.
5. Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н. Передача и информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. М.: Наука, 1972. Вып. 2. С. 10–25
6. Арутюнян Ю.В. Социально-культурное и национальное самосознание // СоЦис. 1990. №7. С. 42–49
7. Асмолов А.Г. Социальная биография культурно-исторической психологии (вступительная статья) // Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.: Педагогика-пресс, 1993. С. 3–9.
8. Атаманов М.Г. Микроэтнонимы удмуртов // Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии. Ижевск: НИИ, 1980. С.3–66.
9. Белорукова Г.П. Обучающаяся молодежь Удмуртии в период реформирования российского общества (опыт этносоциологического изучения) // Вестник Удмуртского университета. 1999. №4. С. 22–30.
10. Бельский В.Ю. К.Д. Ушинский о национальном характере воспитания // Социально-гуманитарные знания. 2003. №6. С. 203–213.
11. Беляева Н.Ф. Традиционные способы и формы социализации детей и подростков у мордвы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Саранск, 2002. 41 с.

12. Бромлей Ю.В. К вопросу о влиянии особенностей культурной среды на психику // Советская этнография, 1983а. №3. С. 67–75.
13. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983б. 492 с.
14. Богаевский П.М. Очерк быта Сарапульских вотяков // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском Этнографическом Музее. М., 1888. Вып. III. С. 14–64.
15. Богаевский П.М. Очерки религиозных представлений вотяков // Этнографическое обозрение. М., 1980. Кн. IV. №1. С. 116–163; Кн. V. №2. С. 77–109; Кн. VII. С. 42–70.
16. Богданов В. К изучению игрушки. Казань, 1912. 60 с.
17. Васильев И. Обзор обычаев, суеверий и религии вотяков Вятской и Казанской губернии. Хельсинкфорс, 1902.
18. Васильева Г.Н., Ившина В.М. Национальная школа: прошлое, настоящее, будущее // Национальная школа: прошлое, настоящее, будущее: материалы научно-практической конференции. 26–28 октября 2000 года. Ижевск: Удмуртия, 2003. С. 3–14.
19. Верещагин Г.Е. Собр. соч. В 6 т. Т. 1: Вотяки Сосновского края / Отв. за выпуск Никитина Г. А. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. 260 с.
20. Верещагин Г.Е. Собр. соч. В 6 т. Т. 2.: Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии / Отв. за выпуск Христюбова Л.С. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1996. 204 с.
21. Верещагин Г.Е. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3: Этнографические очерки. Кн. 2. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000. Вып. 1. 251 с.
22. Винер Б.Е. Этничность: в поисках парадигмы изучения // Этнографическое обозрение. 1998. №4. С. 3–26.
23. Виноградов Г.С. Детский фольклор и быт. Программа наблюдений (Библиотека собирателя – Вып. III). Иркутск, 1925. 25 с.
24. Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.

25. Владыкин В.Е. Ми – удмуртъёс. Ёчесь-а?! = Здравствуйте! Мы – удмурты. = Niceto meet you. We are the Udmurts: История и этнография очерк. Ижевск: Юнкам, 1996. 80 с.
26. Владыкин В.Е. Мон: О себе и других, о народах, человеках, и...[Очерки, эссе, интервью] / Омель Лади, он же Владимир Владыкин. Ижевск: Удмуртия, 2003. 399 с.
27. Владыкина Т.Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. 356 с.
28. Владыкин В.Е., Перевозчикова Т.Г. Годовой обрядовый цикл удмуртской общины «бускель» (материалы к народному календарю) // Специфика жанров удмуртского фольклора. Ижевск, 1990. С. 44–95.
29. Волков Г.Н. Этнопедагогика чувашского народа (в связи с проблемой общности народных педагогических культур). Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1966. 342 с.
30. Волков Г.Н. Этнопедагогика: Учеб. для студ. сред. и высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2000. 176 с.
31. Воронцов В.С. Проблемы национальной и языковой идентификации подростков из этнически смешанных семей Удмуртии // Вестник Удмуртского университета. 1999. №4. С. 45–48.
32. Воронцов В.С. Этническое самосознание учащейся молодежи Удмуртии (по данным социологических исследований) // Об этнической психологии удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ, 1998. С. 117–130.
33. Воронцов В.С. Этническое самосознание учащейся молодежи Удмуртии (по данным социологических опросов). Дисс... канд. истор. наук. Ижевск, 2003. 228 с.
34. Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.: Педагогика-пресс, 1993. 221 с.
35. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов... СПб., 1799. Ч. II. С. 55–67.

36. Гришкина М. История удмуртов // Верещагин Г.Е. Собр. соч. В 6 т. Т. 1: Вотяки Сосновского края / Отв. за выпуск Никитина Г.А. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. С. 224–226.
37. Гришкина М.В. Удмуртия в эпоху феодализма (конец XV – первая половина XIX в.). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1994. 208 с.
38. Гришкина М.В. Типология удмуртской крестьянской семьи конца XVII–перв. пол. XIX вв. // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. М.: Наука, 1989. Т. I. С. 203–210.
39. Громыко М.М. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций // СЭ. 1984. №5. С. 70–80.
40. Губогло М.Н. Идентификация идентичности: этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003. 766 с.
41. Губогло М.Н. На перекрестке этнической и молодежной политики // Идентификация идентичности. Этнополитический ракурс. М.: ЦИМО, 1998. С. 6–16.
42. Губогло М.Н., Смирнова С.К. Феномен Удмуртии. Парадоксы этнополитической трансформации на исходе XX века. М: Институт этнологии и антропологии РАН, 2001. 496 с.
43. Данилов Д.А., Корнилова А.Г. Социально-воспитательная работа в сельском социуме: региональный аспект организационно-педагогического обеспечения. Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1999. С. 40–50.
44. Долганова Л.Н., Морозов И.Л., Минасенко Е. Н. Игры и развлечения удмуртов: история и современность. М.: Институт этнологии и антропологии, 1996. 312 с.
45. Долганова Л.Н. Удмуртский фольклор: Песенки, потешки, считалки, дразнилки / Сост. Л.Н. Долганова. Ижевск: Удмуртия, 1981. 132 с.
46. Егорова О.В. Этнография детства чувашского крестьянства во второй половине XIX – начале XX вв. (обычаи, обряды, традиции) / Автореферат

- диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2000. 25 с.
47. Жаков К.Ф. Некоторые черты из истории и психической жизни вотяков // Живая старина, 1903. Т. XIII. № 1-2. С. 3–65.
 48. Загребин А.Е. Финны об удмуртах: Финские исследователи этнографии удмуртов 19–первой половины 20 в. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. 185 с.
 49. Зеленин Д.К. Избранные труды: Статьи по духовной культуре 1901-1913. М.: Индрик, 1994. 229 с.
 50. Зинуров Р.И. Роль родного языка в процессе этнической социализации молодого поколения в Республике Татарстан // Язык и этнос на рубеже веков: этносоциологические очерки о языковой ситуации в Республике Татарстан. Казань:Магариф, 2002. С. 88–109.
 51. Изучение преемственности этно-культурных явлений. М.: Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1980. 224 с.
 52. Ильминский Н.И. Об образовании инородцев // Антология педагогической мысли России второй половины XIX– начала XX в. М.: Педагогика, 2000. С. 162–163.
 53. Исследования национального характера и картины мира // Отечественные записки. 2002. № 3(4). С. 52–58.
 54. Капица О.И. Детский фольклор. Л., 1928.
 55. Клейн Д.Г. Динамика этнокультурных ценностей студентов вузов Удмуртии // Вестник Удмуртского университета.1999. №4. С. 31–38.
 56. Козлов В.И. Проблема этнического самосознания и её место в истории этноса // СЭ. 1974. № 2. С. 80–90.
 57. Комарова Г.А. О понятии «этнопедагогика» в Советской этнографической и педагогической науке // Изучение преемственности этно-культурных явлений. М.: Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1980. С. 202–212.

58. Кон И.С. Личность // Философский энциклопедический словарь. М: Наука, 1989. С. 313.
59. Кон И.С. Маргарет Мид и этнография детства // Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М.: Наука, 1988а. 429 с.
60. Кон И.С. Ребенок и общество: Историко-этнографическая перспектива. М.: Наука, 1988б. 270 с.
61. Косвен М. Распад родового строя у удмуртов // На удмуртские темы / Уч. зап. НИИ народов Сов. Востока при ЦИК СССР. М.: Центр. Изд-во народов СССР, 1931. С. 5–35.
62. Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего. М.: «Когито-Центр», Издательство «Институт психологии РАН», 1997. 432 с.
63. Кошурников В.С. Быт вотяков Сарапульского уезда, Вятской губернии. Казань: Типография Императорского университета, 1880. 44 с.
64. Кремлев А.К вопросу об отатаривании вотяков Казанской епархии и о мерах просвещения их. Казань: Центральная типография, 1913. 6 с.
65. Кретов Б.Е. Средства массовой коммуникации – элемент политической системы общества // Социально-гуманитарные знания, 2000. N 1. С. 101–115.
66. Кузнецов С.К. Общинные порядки у вотяков Мамадышского уезда Казанской губернии // Этнографическое обозрение. 1904. №4. С. 24–49.
67. Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического анализа (на материалах армянской сельской культуры) / Отв. ред. С.А. Арутюнов, Э.С. Маркарян. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1983. 319 с.
68. Личность // Российская социологическая энциклопедия / Под ред. Г.В. Осипова. М.: Норма: Инфа-М, 1998. С. 250.
69. Луппов П.Н. Из наблюдений над бытом удмуртов Варзятчинского края Вотской автономной области. Ижевск: Тип. изд. Т-ва Удкнига, 1927. 34 с.
70. Луппов П. Христианство у вотяков со времен первых исторических известий о них до XIX века. СПб.: Типо-литография М.П. Фроловой, 1899. 334 с.

71. Лурье С.В. Историческая этнология. М.: Аспект Пресс, 1997. 448 с.
72. Максимов В. А. Вотяки: Краткий историко-этнографический очерк. Ижевск: Удкнига, 1925. 126 с.
73. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука (Логико-методологический анализ). М.: Мысль, 1983. 282 с.
74. Медведев Ю.И. Роль и место средств массовой информации в национальном развитии и межнациональном сотрудничестве народов Удмуртии // Смирнова С.К., Губогло М.Н. и др. Феномен Удмуртии. Т.5. Национализм и межэтнические отношения: материалы «круглых столов». М. Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 2003. С. 248–256.
75. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М.: Наука, 1988. 400 с.
76. Миллер Г.Ф. Описания языческих народов в Казанской губернии обитающих // Отрывки из сочинений путешественников 16-18 в. о Вятке и ее обитателях. Вятка, 1896. 100 с.
77. «Мир детства» в традиционной культуре народов СССР: Сб. науч. тр. Ч. 1–2. Л., 1991.
78. Михайлова Ю.Т. Проблема становления и функционирования этничности в условиях современного города // V конгресс этнографов и антропологов России. Омск. 9-12 июня, 2003. Тезисы докладов. М.: Ассоциация этнографов и антропологов России, Институт этнологии и антропологии РАН, 2003. С. 184.
79. Мутина А.С. Жанры современного русского детского фольклора на территории Удмуртии / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ижевск, 2002. 25 с.
80. Мухтаров Т.Г. Современный город и башкирская молодежь. Уфа: Гилем, 2004. 160 с.
81. Напольских В.В. Удмуртские материалы Д.Г. Мессершмидта. Ижевск: Удмуртия, 2001. 224 с.

82. Национальная школа: прошлое, настоящее, будущее: Материалы научно-практической конференции. 26-28 октября 2000 года. Ижевск: Удмуртия, 2003. 142 с.
83. Несанелис Д.А. Игра, ритуал и этикет в традиционной культуре // Традиционная культура и мир детства: Материалы Международной научно-практической конференции «XI Виноградовские чтения». Ч.1: Тезисы. Ульяновск: Лаборатория культурологии, 1998. С. 20–21.
84. Никитина Г. Вотяк // Верещагин Г.Е. Собрание сочинений: В 6 т. Т 1: Вотяки Сосновского края. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995а. С. 220.
85. Никитина Г.А. Послесловие // Верещагин Г.Е. Собрание сочинений: В 6 т. Т 1: Вотяки Сосновского края. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995б. С. 243–248.
86. Никитина Г.А. Регулятивная функция общины в сфере семейного быта удмуртов в пореформенный период (1861-1900 гг.) // Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII-XX вв. / Сб. статей. Устинов: 1985. С. 53–68.
87. Никитина Г.А. Удмуртская община в советский период (1917– начало 30-х гг.). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 225 с.
88. Никитина Г. А. Народная педагогика // Удмурты: историко-этнографические очерки. Ижевск: УИИЯЛ, 1993. С. 265–270.
89. Никитина Г. А. Народная педагогика удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1997. 136 с.
90. Об этнической психологии удмуртов. Сб. статей. Ижевск: УИИЯЛ, 1998. 143 с.
91. Ольшанский Д.В. Политическая психология. СПб.: Питер, 2002. 220 с.
92. Орлов П.А. Статус алкоголя в традиционной удмуртской культуре // Г.Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья: Сборник статей / Сост. В.М. Ванюшев, Т.С. Зыкина. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН 2004. С. 97–104.

93. Осорина М.В. О стратегемах детской субкультуры // Традиционная культура и мир детства: Материалы Международной научно-практической конференции «XI Виноградовские чтения». Ч. 2. Ульяновск: Лаборатория культурологи, 1998. С. 5–11.
94. Осорина М.В. Современный детский фольклор как предмет междисциплинарных исследований: К проблеме этнографии детства // СЭ. 1983. №3. С.34–45.
95. Островский Д.Н. Вотяки Казанской губернии// Труды общества естествоиспытателей при Казан.ун-те. Т. 4. Казань. Вып. I. 1874. 48 с.
96. Первухин Н.Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз I. Вятка: Губернская типография, 1890. 105 с.
97. Первухин Н.Н. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз III. Вятка: Губернская типография, 1888. 83 с.
98. Первухин Н.Н. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз IV. Вятка: Губернская типография, 1889. 84 с.
99. Первухин Н.Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз V. Вятка: Губернская типография, 1890. 68 с.
100. Петров А.Н. Удмуртский этнос: проблемы ментальности (Опыт этнологического анализа) / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ижевск, 1998. 27 с.
101. Петров А.Н. Удмуртский этнос: проблемы ментальности. Ижевск: Удмуртия, 2002. 144 с.
102. Пименов В.В. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л.: Наука, 1977. 262 с.
103. Покровский Е.А. Детские игры, преимущественно русские. СПб., 1994.
104. Пономарев К.А., Суворова З.В., Щипакин Ю.В. Наука и образование. Воздействие системного кризиса на науку и образование// Смирнова С.К., Губогло М.Н. и др. Феномен Удмуртии. Т.3. Идеология и технология этнической мобилизации. Кн. 1. Удмуртское национальное движение.

- Надежды. Возможности. Реалии. М. Ижевск Изд-во «Удмуртия», 2002. С. 49–72.
105. Попова Е.В. Семейные обычаи и обряды бесермян (конец XIX – 90-е годы XX вв.). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 241 с.
 106. Пустаи Я. Молодежь – залог будущего. Пленарный доклад на IV Международном конгрессе финно-угрских народов. Таллин, август 2004. 15 с.
 107. Раннут М. Пособие по языковой политике. Таллин, 2004. 215 с.
 108. Роль средств массовой информации в реализации государственной национальной политики. Информационно-методический сборник №8. Ижевск: Министерство национальной политики Удмуртской Республики, 2002. 73 с.
 109. Рыбаков С.Е. О методологии исследования этнических феноменов // Этнографическое обозрение. 2000. №5. С. 5–23.
 110. Рычков Н.П. Журнал или дневниковые записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 годах. СПб., 1770–1772. Ч I. 189 с.; Ч II. 104 с.
 111. Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII-XX вв.: Сб. статей. Устинов: НИИ при Совмине, 1985. 132 с.
 112. Семенова Л.И. О влиянии поколенного состава семьи на передачу этнокультурных традиций (По материалам села Ляльшур Удмуртской АССР) // СЭ, 1981. №1. С.68–77.
 113. Семенова Л. И. Культура и быт современной удмуртской сельской семьи / Отв. ред. Шкляев Г.К. Ижевск: УИИЯЛ, 1996. 123 с.
 114. Смирнов И. Н. Вотяки // ИОАИЭ. Т VIII. Казань. Вып. 2. 1890. 308 с.
 115. Смирнова С.К. Феномен Удмуртии. Этнополитическое развитие в контексте постсоветских трансформаций. М. Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 2002. 560 с.
 116. Смирнова С.К., Губогло М.Н. и др. Феномен Удмуртии. Т.2. Постигание суверенности: становление государственности Удмуртской Республики.

- Кн. 1. Сфера законодательной власти. М. Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 2002а. 464с.
117. Смирнова С.К., Губогло М.Н. и др. Феномен Удмуртии. Т.3. Идеология и технология этнической мобилизации. Кн. 1. Удмуртское национальное движение. Надежды. Возможности. Реалии. М. Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 2002б. 576 с.
118. Смирнова С.К., Губогло М.Н. и др. Феномен Удмуртии. Т.5. Нациестроительство и межэтнические отношения: материалы «круглых столов». М. Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 2003. 664 с.
119. Снежкова И.А. К проблеме изучения этнического самосознания у детей и юношества (по материалам Киевской и Закарпатской областей) // СЭ. 1982. № 1. С. 80–88.
120. Снежкова И.А. Формирование этнического самосознания у детей и юношества: (на материалах этносоциологического обследования г. Киева и Киевской области) / Дисс...канд. истор. наук. М., 1983. 160 с.
121. Солдатов Г.У. Межэтническое общение: когнитивная структура этнического самосознания // Познание и общение. М.: Наука, 1988. С. 111–125.
122. Социологический словарь. / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. С. Тернер. М.: ЗАО «Изд-во Экономика», 2004. 620 с.
123. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: ИП РАН, Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 320 с.
124. Суворова З.В. Мудрые заповеди народной педагогики. Ижевск: Удмуртия, 1992. 134 с.
125. Суворова З.В. Развитие педагогической мысли в Удмуртии (На материале удмуртской национальной школы) // Смирнова С.К., Губогло М.Н. и др. Феномен Удмуртии. Т.5. Нациестроительство и межэтнические отношения: материалы «круглых столов». М.- Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 2003. С. 90–100.

126. Сухарев А.В. Этнофункциональный подход к проблеме психического развития человека // Вопросы психологии. 2002. №2. С. 40–55.
127. Терещенко А. Быт русского народа. СПб. Ч. 1-4., 1848.
128. Тезяков Н. Вотяки Больше-Гондырской волости (Медико-статистический и антропологический очерк). Чернигов: Земская типография, 1892. 87 с.
129. Тишков В.А. О феномене этничности // Этнографическое обозрение. 1997. №3. С. 3–21
130. Токарев С.А. Ещё раз о религии как социальном явлении (ответ моим критикам) // СЭ. 1981. № 6. С. 51–61.
131. Традиционное общество // <http://slovari.net/show.php?sl=fil&art=1737>
132. Традиционное поведение и общение удмуртов: Сборник статей / Отв. ред. Г.К. Шкляев. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1992. 192 с.
133. Трофимова Г.А. Формирование этнических нравственных ценностей системой образования // Национальная школа: прошлое, настоящее, будущее: Материалы научно-практической конференции. 26–28 октября 2000 года. Ижевск: Удмуртия, 2003. С. 92.
134. Трофимова Е.Я. Как сложилась народная кухня удмуртов. Блюда народной кухни. Ижевск: Удмуртия, 1991. 176 с.
135. Тулуз Е. Принципы школы Ильминского в своё время и сегодня // VI Международный конгресс финно-угорских писателей: Сб. докл. и выступлений. Саранск, 2001. С. 80–90.
136. Удмурты: историко-этнографические очерки. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1993. 392 с.
137. Удмуртский фольклор: Пословицы, афоризмы и поговорки / Составитель Т.Г. Перевозчикова. Устинов: Удмуртия, 1987. 276 с.
138. Ушинский К.Д. Сочинения: в 6 т. М., 1988. Т. 1. 300 с.
139. Ушинский К.Д. Родное слово // Антология педагогической мысли России второй половины XIX-начала XX в. М.: Педагогика, 1990. С. 50–55.

140. Файзуллин Ф.С., Зарипов А.Я. Грани этнической идентификации // СоЦис, 1997. №8. С. 30–45.
141. Харузин М. Очерки юридического быта народностей Сарапульского уезда Вятской губернии // Юридический вестник. 1883. № 2. С. 257-291.
142. Харузина В.Н. Вотяки // Народы России. М: Типография Общества распространения полезных книг, 1898. 48 с.
143. Хотинец В.Ю. Этническая самоидентификация в структуре этнического самосознания // Вестник Удмуртского университета. 1999. №4. С. 7–14.
144. Хотинец В.Ю. Этническое самосознание. СПб.: Алетейя, 2000. 240 с.
145. Христолюбова Л.С. Калык сямьёсты чакласа: Дышетискисьёслы краеведение юрттэт. Ижевск: Удмуртия. 209 с.
146. Христолюбова Л.С. Стереотипы общения и социализации личности // Традиционное поведение и общение удмуртов: Сб. статей. Ижевск, 1992. С. 31–42.
147. Христолюбова Л.С. Традиции трудового воспитания детей в удмуртской среде в XIX– начале XX вв. // Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII–XX вв.: Сб. статей. Устинов, 1985. С. 80–90.
148. Христолюбова Л.С. О политических ориентациях учащейся молодежи Ижевска // Об этнической психологии удмуртов. Сб. статей. Ижевск: УИИЯЛ, 1998. С. 104–116.
149. Христолюбова Л.С., Христолюбов А.Л. Этнополитические представления учащейся молодежи Ижевска (год 1997) // Идентификация идентичности. Этнополитический ракурс. М.: ЦИМО, 1998. С. 113–138.
150. Чураков В. К критике воршудной теории // Финно-угроведение, 2003, №2. С.3–18.
151. Шестаков В. Глазовский уезд // Вестник имперского РГО.. СПб. Кн. 26, 1859. С.93–114.
152. Шкляев Г.К. Еще раз о некоторых тенденциях развития этнического самосознания удмуртов // Об этнической психологии удмуртов. Сб. статей. Ижевск: УИИЯЛ, 1998. С. 131–140

153. Шкляев Г.К. Очерки этнической психологии удмуртов. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2003. 300 с.
154. Шкляев Г.К. Традиции и новации в межэтническом поведении удмуртов // Традиционное поведение и общение удмуртов: Сборник статей / Отв. ред. Г.К. Шкляев. Ижевск, 1992. С. 75–93.
155. Шкляев Г.К. Традиционные поселения и жилища // Удмурты: историко-этнографические очерки: УИИЯЛ УрО РАН; Научный ред. д-р. ист. наук В. В. Пименов. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1993. С. 104–118.
156. Энгельгардт А. Н. Из деревни: 12 писем, 1882–1887. М.: Мысль, 1987.
157. Эриксон Э. Г. Детство и общество. Изд. 2-е, перераб. и дополн. / Пер. с англ. СПб: ООО «Речь», 2000. 415 с.
158. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 340 с.
159. Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М: Наука, 1983. 232 с.
160. Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии. М: Наука, 1983. 192 с.
161. Этнография удмуртов // Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск: Удмуртия, 2000. С. 110.
162. Язык и этнос на рубеже веков: этносоциологические очерки о языковой ситуации в Республике Татарстан. Казань: Магариф, 2002. 208 с.
163. Buch M. Die Wotjäken: Eine ethnologische Studie. – Helsingfors, 1882. 189 S.
164. Herskovits M. Cultural anthropology. New York, 1948. 560 S.

Список информантов

Удмуртская Республика

Кезский район

Бывальцев Владимир Васильевич, 1951 г. р., удмурт, д. Сюдорвай

Бывальцева Зинаида Павловна, 1956 г. р., удмуртка, д. Сюдорвай

Бывальцева Зинаида Петровна, 1927 г. р., удмуртка, пос. Кез

Варина Светлана Модестовна, 1958 г. р., удмуртка, д. Степаненки

Гавшина Капитолина Дмитриевна, 1929 г. р., удмуртка, д. Степаненки

Максимова Елена Васильевна, 1951 г. р., удмуртка, д. Степаненки

Матвеева Светлана Владимировна, 1970 г. р., удмуртка, д. Оцешур

Пантелеева Людмила Венеаминовна, 1942 г. р., удмуртка, д. Степаненки

Пантелеева Маргарита Глебовна, 1952 г. р., удмуртка, д. Степаненки

Республика Марий Эл

Мари-Турекский район

Андреев Юрий Леонидович, 1962 г. р., русский, д. Большой Карлыган

Зимеев Михаил Федорович, 1935 г. р. удмурт, д. Лом

Ибрагимова Фаина Мухаметовна, 1955 г. р., татарка, д. Большой Карлыган

Иванов Иван Петрович, 1961 г. р., удмурт, д. Малый Карлыган

Лесникова Наталья Николаевна, 1975 г. р., удмуртка, д. Лом

Кондакова Елена Львовна, 1970 г. р., удмуртка, д. Малый Карлыган

Овчинникова Дина Александровна, 1955, удмуртка, д. Малый Карлыган

Овчинниковой Ираидой Александровной, 1970 г.р., марийка, д. Лом

Овчинникова Нина Петровна, 1929 г. р., удмуртка, д. Лом

Овчинников Павел Николаевич, 1968 г. р, удмурт, д. Лом

Романова Антонина Михайловна, 1930 г. р, удмуртка, д. Сизнер

Республика Татарстан

Балтасинский район

Галиев Гарифзян Галеевич, 1928 г. р., татарин, с. Ципья

Ермаков Иван Васильевич, 1946 г.р., удмурт, д. Средний Кушкет

Зайцева Ирина Николаевна, 1977 г. р., удмуртка, д. Старая Турья
Зарипова Зифа Радиковна, 1966 г. р., татарка, с. Ципья
Кислый Ян Витольдович, 1958 г. р., поляк, д. Капык-Серма
Никитина Анисия Никоновна, 1953 г. р., удмуртка, с. Ципья.
Никитина Светлана Юрьевна, 1975 г. р., удмуртка, д. Мельничная
Петрова Алевтина Кузьминична, 1967 г. р., удмуртка, д. Карык-Серма
Раимова Елена Геннадьевна, 1979 г. р., удмуртка, с. Ципья
Хомяков Михаил Иосифович, 1952 г. р., удмурт, д. Карык-Серма
Хомякова Парасковья Павловна, 1922 г. р., д. Карык-Серма
Чернова Лариса Петровна, 1964 г. р., удмуртка, д. Сырья
Шакиров Рамиль Ильдусович, 1969 г. р., татарин, с. Балтаси

Кукморский район

Бегашева Валентина Семеновна, 1963 г.р., удмуртка, д. Средний Кумор
Гордеева Гильзамал Сайфулловна, 1947 г. р., удмуртка, д. Ошторма-Юмья
Егоров Семен Александрович, 1936 г. р., удмурт, д. Ошторма-Юмья
Исынбаев Юрий Исланович, 1961 г. р., удмурт, д. Средний Кумор
Карпова Галина Петровна, санитарка, 1959 г.р., кряшенка, д. Ошторма-Юмья
Латыпова Роза Абдрахмановна, 1942 г. р., татарка, д. Ошторма-Юмья
Тихонов Геннадий Николаевич, 1969 г. р., кряшен, д. Старая Юмья
Хабарова Зоя Николаевна, 1955 г. р., удмуртка, д. Старая Юмья

Список сокращений

ГГПИ – Глазовский государственный педагогический институт им. В. Г. Короленко.

Д. – деревня

Пос. – поселок

Р-н. – район

РТ – Республика Татарстан

С. – село

СоЦис – Социологические исследования (журнал).

СЭ – Советская этнология

УдГУ – Удмуртский государственный университет

УИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук.

УМОО «Шунды» – Удмуртская молодежная общественная организация «Шунды».

УР – Удмуртская Республика

Приложение

Анкета для социологического исследования Дорогой Друг!

Российская Академия Наук приглашает Вас принять участие в исследовании «Особенности национальной культуры». Нам очень важно и ценно мнение о вашем народе, о его культуре, обычаях и традициях. Мы надеемся на Вашу ответственность и серьезное отношение: от искренности и точности Ваших ответов зависит успех исследования. Анонимность заполненной Вами анкеты гарантируем! Результаты исследования будут использованы только в обобщенном виде.

При ответе на вопросы обведите кружком выбранный Вами вариант ответа или напишите свой. Заранее благодарим Вас за помощь и сотрудничество!

1. Укажите, пожалуйста, Ваш пол.

01. мужской; 02. женский

2. Ваш возраст (полных лет) _____

3. Кто проживает с Вами вместе?

01. папа; 02. мама; 03. бабушка; 04. дедушка; 05. брат (количество) _____; 06.
сестра (количество) _____; 07. другие (кто?) _____

4. К какой национальности Вы себя относите? _____

5. Скажите, пожалуйста, кто по национальности Ваш папа? _____

6. А какой национальности мама? _____

7. Какой национальности родители Вашего папы? _____

8. Какой национальности родители Вашей мамы? _____

9. На каких языках разговаривают в Вашей семье? _____

10. Перечислите языки, которыми Вы владеете и где Вы их изучили? (например, английский – в школе, удмуртский в семье и т. п.) _____

11. Что роднит Вас с людьми Вашей национальности? (выберите не более трех ответов).

01. язык; 02. культура; 03. обряды, обычаи; 04. родная земля, природа; 05. черты характера, психология; 06. религия; 07. внешний облик; 08. ничего не объединяет; 09. Ваш вариант _____

12. Смотрите ли Вы передачи по телевидению на языке своей национальности (какие?)

13. Читаете ли Вы книги на языке своей национальности? _____

14. Читаете ли Вы газеты и журналы на языке своей национальности, если да, то укажите какие? _____

15. Посещаете ли Вы концерты народных ансамблей своей национальности? _____

16. Какой национальности Ваши друзья? (назовите национальности трех самых близких друзей) _____

17. Какие национальные праздники своего народа Вы отмечаете? _____

18. Откуда Вы получаете информацию о своем народе? (отметьте все возможные варианты)

01. ТВ, радио, газеты, журналы; 02. художественная литература; 03. школа; 04. религиозные институты (мечети, церкви); 05. родители, семья; 06. личный опыт общения; 07. музеи, выставки; 08. посещение концертов народных ансамблей; 09. Ваш вариант

19. Как на Ваш взгляд, в достаточно ли объеме Вы получаете информацию о своем народе?

01. Да, мне хватает получаемой информации; 02. Нет, я хотел бы знать больше; 03. Никогда об этом не задумывался.

20. Какими качествами (например, гостеприимство, доброта, экономность и т. д.), на Ваш взгляд, обладают:

русские _____

удмурты _____

татары _____

21. Как Вы относитесь к своей национальности?

01. я горжусь своей национальностью; 02. мне все равно; 03. я стыжусь своей национальности; 04. Отношусь к своей национальности с достоинством, уважаю свой народ; 05. Ваш вариант _____

Большое спасибо!

Вопросы для интервью

1. Назовите, пожалуйста, Ваши Ф.И.О., год и место рождения, место жительства, социальное положение, образование.
2. Ваша национальность.
3. Каков состав Вашей семьи?
4. Какой национальности Ваш супруг (супруга), дети?
5. Какие языки Вы знаете?
6. На каком языке разговариваете дома, в общественных местах?
7. Кто занимается воспитанием детей в Вашей семье? Кто проводит с ними больше времени?
8. Какие семейные праздники устраивают при рождении ребенка?
9. Расскажите, пожалуйста, как проходила Ваша свадьба. Кто в ней участвовал?
10. Каков национальный состав Вашего населенного пункта?
11. Какие общие праздники проходят у Вас? Участвует ли в них молодежь?
12. Какой национальности Ваши друзья?
13. Вступают ли в межнациональные браки в вашем населенном пункте? Как Вы к ним относитесь? А другие?
14. Чем, на Ваш взгляд, удмурты отличаются от представителей других национальностей региона?
15. Есть ли разница между удмуртами здесь и удмуртами в УР?
16. Нужно ли изучать удмуртский язык в школе? Как с этим обстоит дело в Вашей школе?
17. Смотрят ли у Вас в семье передачи на удмуртском языке по ТВ, слушают по радио?
18. Какие газеты, журналы Вы выписываете?